

ОБЩЕСТВО ЭКОНОМИКА

6
2023

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№6, 2023

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Временно исполняющий обязанности
главного редактора журнала –
зам. главного редактора **П. Кохно**

Редакционная коллегия: д. э. н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси
Е. Бабосов, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**,
д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**,
академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н.
С. Калашников, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**,
академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П.Кохно** –
зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**,
академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**,
академик РАН **Б. Порфирьев**, д. э. н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы
А. Рошка, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**,
д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**,
д. э. н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

Ксения Завьялова. Межстрановое неравенство как фактор, препятствующий углублению интеграционных процессов в ЕАЭС ...	5
Сергей Капканщиков. Детерминанты неустойчивости российского экономического роста	26
Павел Кохно. Прогнозирование экономического развития с учётом мирового и отечественного опыта	45
Анна Веретенникова, Ксения Козинская, Стимулы и интересы экономических агентов при использовании сервисов шеринг-экономики.....	59
Алла Салмина. Восприятие неравенства населением и объективные его показатели в странах мира: есть ли взаимосвязь?	78
Ирина Степуть, Валерий Гуртов. Вахтовая занятость в экономике Арктической зоны России: динамика, масштабы, профессионально-квалификационные характеристики	90
Алишер Расулев, Сергей Воронин, Азиза Убайдуллаева. Совершенствование использования акцизного налога в экономике Республики Узбекистан	109
Владимир Андрианов. Основные этапы создания «зеленой экономики» в Южной Корее	123

CONTENTS

K. Zavyalova. Cross-country inequality as a factor hindering the processes of further integration in the EAEU	5
S. Kapkanschikov. Determinants of the instability of the Russian economic growth	26
P. Kokhno. Forecasting economic development on the basis of global and domestic experience	45
A. Veretennikova, K. Kozinskaya. Incentives and interests of economic agents when using the services of sharing economy.....	59
A. Salmina. The perception of inequality by the population and its objective indicators in the countries of the world: is there a relationship between the two?	78
I. Stepus, V. Gurtov. Shift employment in the economy of the Arctic zone of the Russian Federation: dynamics, scale, and occupational classification of workers by categories	90
A. Rasulev, S. Voronin, A. Ubaydullayeva. Improving the use of excise tax in the economy of the Republic of Uzbekistan	109
V. Andrianov. The main stages of building a sustainable economy in South Korea	123

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям: 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки); 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

© 2023

Ксения Завьялова

ведущий экономист Института экономики Уральского отделения
Российской академии наук (г. Екатеринбург, Россия)
(e-mail zavialova.ka@uiec.ru)

МЕЖСТРАНОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ФАКТОР, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЙ УГЛУБЛЕНИЮ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕАЭС

В статье проведен сравнительный анализ уровня и динамики основных экономических показателей стран-членов ЕАЭС, иллюстрирующий стабильно высокий уровень межстранового неравенства, что является одной из причин, сдерживающих устойчивое развитие евразийской интеграции. Предложены пути к углублению экономической интеграции в ЕАЭС в условиях сохраняющегося неравенства.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, евразийская интеграция, межстрановое неравенство, экономическое неравенство.

DOI: 10.31857/S020736760025986-3

Практически одновременно с распадом СССР бывшие союзные республики столкнулись с необходимостью поиска новых форм и механизмов взаимовыгодного сотрудничества уже в статусе независимых государств. Создаваемые ими на протяжении всех 30 лет двусторонние и многосторонние интеграционные проекты обусловлены объективными потребностями, во-первых, компенсировать последствия разрушения некогда единых хозяйственных связей, а во-вторых, соответствовать реалиям глобализации.

На сегодняшний день на постсоветском пространстве интеграционное взаимодействие наиболее активно развивается в рамках созданного в 2015 году Евразийского экономического союза (ЕАЭС), фундамент которого был заложен еще в 1995 году, когда было заключено Соглашение о создании Таможенного союза между Россией, Казахстаном и Беларусью. В настоящее время в состав ЕАЭС, помимо названных стран, входят также Армения и Кыргызстан. В соответствии с Договором о ЕАЭС, страны должны стремиться к промышленному сотрудничеству и кооперации, формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов; к гармонизации макроэкономических политик и формированию единого экономического пространства, обеспечивая тем самым рост конкурентоспособности национальных экономик в условиях всемирной глобализации¹. Однако на практике поставленные цели

Работа выполнена в соответствии с планом научных исследований Института экономики УрО РАН на 2023 год.

¹ «Договор о Евразийском экономическом союзе» (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019). url: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_163855/.

не реализуются в должном объеме, процессы интеграции проходят волнообразно, периодически пробуксовывают и стагнируют. Эксперты отмечают неудовлетворительный рост торгово-экономической связности стран [1], отсутствие синхронности в работе по гармонизации национальных законодательств [2, 7].

Среди основных причин, препятствующих углублению евразийской интеграции, особое место занимает существующий разрыв в уровнях социально-экономического развития стран-участниц [3, 5, 10]. Очевидное лидерство России по масштабам и динамике некоторых показателей социально-экономического развития оказывает негативное влияние на выстраивание доверительных отношений, порождает у других партнеров предубеждение против чрезмерного доминирования России в формирующихся наднациональных органах и страх утраты собственного суверенитета.

Вместе с тем потребность налаживать взаимное сотрудничество и развивать наднациональные институты в евразийском пространстве актуализирует исследования в области неравенства стран с целью поиска действенных механизмов выравнивания их социально-экономических различий, построения гармоничных и взаимовыгодных экономических отношений.

Фундамент теоретических исследований территориального (внутристранового и межстранового) неравенства был заложен с середины XIX века в трудах основателей теории размещения производительных сил И.Г. фон Тюнена, В. Лаунхардта, А. Вебера, В. Кристаллера и А. Лёша, изучавших закономерности пространственного развития на микро- и мезоэкономических моделях [8]. В этих моделях неравномерное развитие территорий и регионов рассматривалось как временное отклонение от равновесия, как следствие разного ресурсного потенциала территорий, как результат несовершенной конкуренции или последствие влияния других эндогенных и экзогенных факторов. При этом постулировалось, что в долгосрочной перспективе уровни социально-экономического развития стран и регионов стремятся к сближению.

Рост глобализационных процессов в мире во второй половине XX века стал причиной интереса к изучению закономерностей развития более масштабных пространств (крупных регионов, государств, групп государств, в том числе – их интеграционных проектов). В этот период независимо друг от друга исследователи также уходят от классических равновесных моделей экономического развития, формируя на смену им «модели кумулятивного роста» (Г. Мюрдаль, Т. Хегерstrand, А. Хиршман, Дж. Фридман, Ж. Р. Будвиль, Ф. Перру и др.), теории «новой экономической географии» (П. Кругман, Дж. Харрис, Э. Венаблес, Т. Мори, Е. Глейзер, Д. Вайнштайн и др.) и так называемые «другие теории регионального роста» (П. де ла Курт, В. Зомбарт, Х. Иннис, А. Фишер, К. Кларк и др.) [9]. Были выдвинуты идеи о том, что равновесие экономических систем недостижимо и может носить лишь временный характер, что процесс соци-

ально-экономического развития регионов бесконечен, и под влиянием множества факторов уровни их развития в разные периоды могут сближаться или расходиться относительно друг друга.

В той или иной мере диспропорции социально-экономического развития наблюдаются в большинстве стран мира, однако наиболее остро эту проблему ощущают страны, обладающие значительной государственной территорией. Поэтому закономерно весомый вклад в развитие теории пространственной организации экономических систем и неравномерности развития пространств внесли советские и, позже, российские ученые: И.Г. Александров, Н.Н. Колосовский, Я.Г. Фейгин, Ю.Г. Саушкин, Н.Н. Баранский, М.Д. Шарыгин, М.К. Бандман, А.Т. Хрушев, А.Г. Гранберг, П.А. Минакир, А.И. Татаркин, Р.И. Капелюшников, Н.В. Зубаревич, Т.П. Скуфьина, С.Ю. Глазьев, М.Л. Дорофеев, И.С. Салихова и многие другие.

Последние десятилетия в отечественной научной литературе прослеживается стабильный интерес исследователей к теме сравнительного анализа экономик постсоветских государств, в том числе — неравномерности их развития. Например, в работах О.И. Шкаратана, Л.Б. Вардомского, С.Ю. Глазьева, Р.С. Гринберга, Д.И. Ушкаловой, Е.Б. Бедриной, Ю.Л. Бельского, Д.А. Чупиной, А.В. Казаковой, А.А. Акаевой и многих других.

Как обобщающая экономическая категория *межстрановое неравенство* показывает, что между сравниваемыми объектами (странами, группами стран) на определенном временном отрезке зафиксировано некоторое расхождение значений одинаковых (сопоставимых) социально-экономических индикаторов.

Поскольку социально-экономическое развитие представляет собой непрерывный процесс, то и неравенство — категория, в которой важнее тренд, а не ее абсолютное значение в некий момент времени. В зарубежной и отечественной экономической науке процессы сближения социально-экономических параметров исследуемых объектов принято обозначать термином *конвергенция*. Противоположный процесс расхождения (разрыва) значений параметров — термином *дивергенция*. Так, преобладание процессов дивергенции индикаторов социально-экономического развития сигнализирует о наличии (и / или углублении) социально-экономического неравенства исследуемых объектов. Напротив, чем интенсивнее проходят процессы конвергенции, тем более однородными и равновесными становятся рассматриваемые системы [13].

Практически во всех исследованиях неравенства между странами используется показатель валового внутреннего продукта на душу населения. А также иные показатели, влияющие на динамику социально-экономического развития.

Это могут быть среднемесячная заработная плата, уровень безработицы, инвестиции в основной капитал или специальные интегральные показатели, например, индекс развития человеческого капитала, индекс Джини, коэффициент фондов и прочее.

Выбор индикаторов является одним из ключевых этапов исследования. Во-первых, необходимо учитывать доступность и качество баз данных. Так, методики сбора и обработки данных в постсоветских странах могут отличаться друг от друга и от требований международных стандартов, что порой затрудняет или исключает возможность сравнения [12]. Во-вторых, среди доступных показателей важно выбрать те, содержание которых будет соответствовать задачам исследования. Использование небольшого числа показателей или их концентрация в одной «смысловой группе» неизбежно приводит к необходимости конкретизировать понятие неравенства, под которым исследователи могут, например, понимать, в узком смысле, неравенство стран по уровню доходов, расходов, либо неравенство в распределении богатства [11]; неравенство уровня жизни [12].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что неравенство является многоаспектной категорией, а значит — и вопросы, которые ставит перед научным сообществом такое явление, как межстрановое неравенство, также многогранны и многоаспектны [15]. Исследователей интересуют вопросы: в чем причины неравенства, как его измерить, к каким последствиям оно приводит и как можно управлять процессами дивергенции и конвергенции в экономическом развитии стран.

Сегодня в экономической теории пространственное неравенство стран, групп стран, а также регионов внутри одной страны рассматривается как закономерное и неизбежное следствие неравномерного распределения конкурентных преимуществ, в результате которого образуются территории с условиями, благоприятными для развития экономической активности или, напротив, территории с дефицитом либо полным отсутствием возможностей для формирования конкурентных преимуществ [6].

Одним из первых систематизировал конкурентные преимущества территорий П. Кругман, разделив все факторы на две группы: первой и второй природы [4]. Факторы «первой природы» составляют те преимущества, которые не зависят от деятельности человека. И это, во-первых, обеспеченность природными ресурсами (минеральными, земельными, водными, лесными и др.), а во-вторых, географическое положение (рекреационные, транспортно-логистические возможности территории, наличие альтернативных источников энергии и др.).

Факторы «второй природы» — это преимущества, формирование которых зависит от деятельности человека (общества), в том числе — от его умения распоряжаться факторами «первой природы». К ним относятся человеческий капитал (здоровье, образование и трудовые компетенции, мобильность населения); агломерационный эффект (плотность населения, достаточная для развития интенсивной хозяйственной деятельности, специализации территории и получения экономии на масштабе); институциональная среда (правила и нормы, способствующие интенсивному экономическому развитию, улучшению предпринимательского климата, стимулирующие создание и распространение инноваций и др.), а также

уровень развития инфраструктурных отраслей (транспорта, энергетики, образования, здравоохранения; уровень цифровизации экономики и др.).

Комбинация этих факторов в разной степени влияет на динамику развития стран, в том числе относительно друг друга, формируя диспропорции в уровнях их социально-экономического развития. В общественном представлении отношение к неравенству, как правило, отрицательное. Однако развитие гипотезы о негативном влиянии неравенства на социально-экономическую динамику, в том числе, интеграционных объединений, не всегда находит подтверждение в теоретических исследованиях [19].

Тем не менее в научных исследованиях и практике доминирует мысль о необходимости постоянного мониторинга трендов неравенства и разработки эффективных инструментов и механизмов управления процессами конвергенции развития стран, поскольку процессы дивергенции могут не только препятствовать эффективному и сбалансированному взаимодействию государств, но и могут стать причиной конфликтов, стимулировать рост напряженности, способствовать снижению деловой активности [16, 17, 18].

Цель исследования — проанализировать процессы дивергенции и конвергенции стран-членов ЕАЭС, выявить возможные точки сближения, необходимые для углубления экономической интеграции государств.

Исследование проводилось в несколько этапов.

На первом этапе был произведен отбор показателей, отражающих уровень социально-экономического развития сравниваемых государств.

Информационная база исследования была сформирована на основе официальных статистических данных, подготовленных Департаментом статистики Евразийской Экономической Комиссии, данных Всемирного Банка, отчетах ООН о развитии человеческого потенциала, а также официальных данных органов статистических служб стран-членов ЕАЭС.

На втором этапе была проведена систематизация показателей, в основу которой легла классификация факторов конкурентных преимуществ территорий П. Кругмана. В результате были получены семь групп показателей, объединенных в три блока (табл. 1).

На третьем этапе был проведен сравнительный анализ показателей, относящихся к блоку «факторы первой природы», и некоторых факторов «второй природы». Такой метод был выбран в связи с тем, что данные показатели являются постоянными или условно-постоянными, то есть не имеют ярко выраженной динамики во времени.

На четвертом этапе был проведен анализ ВВП стран по ППС, а также проанализированы показатели, относящиеся к блоку «факторы второй природы».

Таблица 1

Показатели для оценки межстранового неравенства стран ЕАЭС

Блок показателей	Показатель	Содержание показателя
	ВВП на душу населения по ППС (долл. США)	Отражает уровень экономической активности государства и качество жизни его населения.
<i>Факторы «первой природы»</i>		
<i>Обеспеченность природными ресурсами</i>	Площадь, км ²	Абсолютный показатель, не отражает качество и освоенность земель, но тем не менее косвенно влияет на значение многих факторов и формирует потенциал для диверсификации отраслей экономики.
	Общая посевная площадь, тысяч га	Влияет на потенциальные объемы и разнообразие продукции растениеводства, а также оказывает косвенное влияние на развитие сельского хозяйства в целом.
	Добыча отдельных видов полезных ископаемых	Важность определяется высокой долей минеральных продуктов (более 50%) в товарной структуре экспорта стран ЕАЭС во внешней торговле с третьими странами.
<i>Географическое положение</i>	Транспортные евроазиатские коридоры (ЭПШП)	Показывают потенциальную вовлеченность государств в важнейшие для евразийского континента проекты транспортной инфраструктуры.
	Выход к морским путям	Обеспечивает доступ к морским ресурсам, а также позволяет развивать морской транспорт, который отличает относительно низкая себестоимость, большая грузоподъемность и возможность доступа в любые точки мира.
	Рекреационные ресурсы	Природные и историко-культурные ресурсы, необходимые для развития внутреннего и международного туризма.
<i>Факторы «второй природы»</i>		
<i>Человеческий капитал</i>	Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)	Интегрирует основные компоненты человеческого потенциала (уровень жизни, грамотность, образование и состояние здоровья) страны.
	Уровень бедности	Доля населения страны с доходами (Беларусь, Казахстан, Россия) или уровнем потребления (Армения, Кыргызстан) ниже определенной величины (прожиточного минимума либо общей линии бедности).

Окончание таб. 1

	Коэффициент фондов	Показывает неравномерность распределения доходов в обществе (отношение среднего уровня доходов 10% самого богатого населения к среднему уровню доходов 10% самого бедного населения).
	Потребительские расходы домашних хозяйств	Является одним из показателей, отражающих уровень благосостояния населения и качество его жизни; влияет на развитие.
	Уровень безработицы МОТ	Доля экономически активного населения, не имеющего работу, но готового приступить к ней. Высокие значения приводят к негативным последствиям как для населения (например, снижение доходов, потеря квалификации), так и для экономики государства (например, уменьшение налоговых поступлений в бюджет, увеличение социальных расходов, отрицательное влияние на динамику ВВП).
Агломерационный эффект	Плотность населения, чел. на км ²	Характеризует уровень освоения территории, возможности для эффективного размещения производства.
	Крупные города и городские агломерации	Города с населением более 500 тыс. и 1 млн человек, которые часто формируют с близлежащими поселениями целые группы, объединенные общими производственными, инфраструктурными, трудовыми, образовательными и культурно-бытовыми связями.
Институциональная среда	Рейтинг сложности стран ЕСІ	Комплексный показатель производственного потенциала государства, содержащий информацию о разнообразии и сложности его экспорта.
	Доля внутренних затрат на научные исследования и разработки в ВВП страны	Характеризует затраты государства на научную деятельность в сфере создания инноваций.
	Инвестиции в основной капитал	Формируют необходимую базу для инновационного развития экономики и внедрения в производство новых технологий.
Инфраструктура	Производство электроэнергии-брутто	Выработка электрической энергии всеми станциями с учетом расхода электрической энергии на собственные нужды.
	Грузооборот	Отражает объем работы транспортной системы по перевозке грузов на определенные расстояния.
	Информационно-коммуникационная инфраструктура	Формирует необходимые условия для создания, обработки, хранения и передачи информации.

Источник: составлено автором.

Для оценки неравномерности динамики показателей социально-экономического развития территорий (регионов и государств) в экономической литературе широко используется коэффициент σ -конвергенции, который проявляется в сокращении межстранового разброса показателя с течением времени [21, 24]:

$$\sigma_t > \sigma_{t+T}, \quad (1)$$

где σ_t — значение величины коэффициента конвергенции в момент времени t .

Для измерения меры конвергенции нами был использован коэффициент вариации (V), который позволяет оценить степень неоднородности исследуемых показателей независимо от их масштаба и единиц измерения [22]:

$$V = \frac{\sigma}{\bar{X}} \cdot 100\%, \quad (2)$$

где σ — это среднее квадратичное отклонение (мера рассеивания значений индикатора по итогам одного периода относительно среднего его значения по итогам того же периода);

$\bar{X}$ — среднее значение индикатора за период (в нашем исследовании периодичность данных — 1 год).

Среднеквадратичное отклонение, которое показывает абсолютное отклонение значений индикатора от его среднеарифметического, рассчитывается по формуле:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}{n}}, \quad (3)$$

где x_i — это значение индикатора за период;

n — количество сравниваемых субъектов (в нашем исследовании 5 государств).

Для оценки значений коэффициента вариации были учтены нормы, принятые в статистике. Совокупность считается однородной, если коэффициент вариации ниже 20%; достаточно разнородной в пределах 20–33% и разнородной, если коэффициент вариации свыше 33% [23. С. 58].

На пятом этапе были сформулированы основные выводы по результатам исследования и предложены возможные варианты углубления экономической интеграции в ЕАЭС в условиях сохраняющегося неравенства.

Страны-члены ЕАЭС существенно отличаются друг от друга и по уровню ВВП на душу населения, и по темпам его роста (рис. 1).

Для всех государств первое десятилетие суверенного хозяйствования — это период сильнейшего экономического кризиса, сопровождавшегося падением ВВП. Первоначально после распада СССР наиболее близки между собой по объему были

экономики России и Казахстана (на уровне 6–8 тыс. долл. на человека), а также Армении и Кыргызстана (на уровне 1,5–2,5 тыс. долл. на человека). В начале 2000 гг. в странах наметилась тенденция к более интенсивному росту ВВП на душу населения и одновременно к расхождению их уровней относительно друг друга.

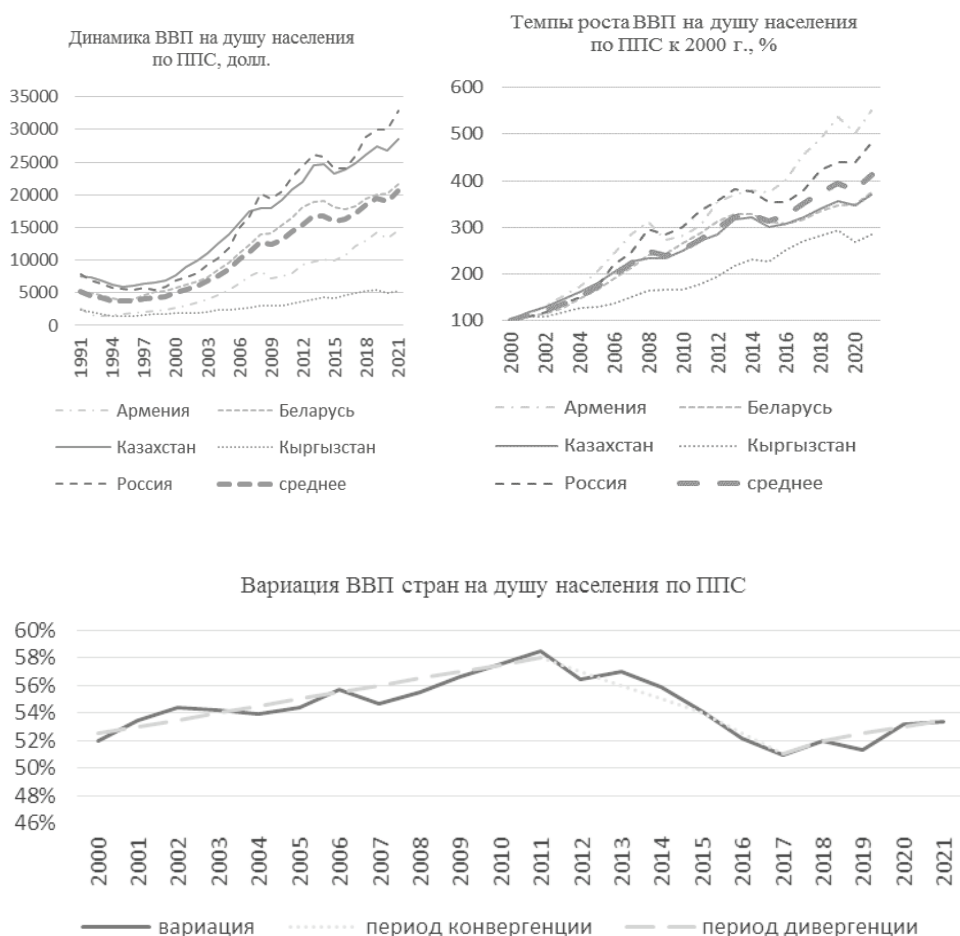

Рис. 1. ВВП на душу населения по ППС в постоянных ценах 2017 г.

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного Банка. URL: <https://data.worldbank.org/>

В абсолютном выражении (в долларах) по размеру ВВП на человека верхние позиции продолжают удерживать Россия и Казахстан, в 2021 г. их ВВП на душу населения превышал среднее значение по ЕАЭС в 1,5 и 1,4 раза соответственно. Динамика ВВП Республики Беларусь практически совпадает со средним значением по ЕАЭС. Ниже среднего значения ВВП на душу населения у Армении и Кыргызстана. Однако за последние 20 лет Армения показала максимальные

темпы роста ВВП (в 2021 году прирост показателя составил 551% к его значению в 2000 году), опередив и Россию (481%), и Казахстан (370%), и Беларусь (374%), что в абсолютном выражении позволило Армении существенно приблизиться к средним значениям ВВП на душу населения по всем странам, входящим в ЕАЭС, и увеличить разрыв с Кыргызстаном.

Несмотря на наличие положительной динамики ВВП на душу населения во всех государствах, устойчивой конвергенции их экономик так и не произошло. По динамике коэффициента вариации ($>50\%$) за 21 год можно выделить три периода (рис. 1). С 2000 по 2011 г. между странами увеличивается неравенство по уровню ВВП на душу населения, что свидетельствует о дивергенции. В период с 2011 по 2017 гг. коэффициент вариации снижается ($\sigma_t > \sigma_{t+1}$), неравенство между странами сокращается, что свидетельствует о конвергенции их экономик. Однако с 2017 г. коэффициент вариации вновь растет, что говорит о новом периоде дивергенции между странами.

Существенное влияние на динамику межстранового неравенства оказывают факторы «первой природы» (табл. 2).

Таблица 2

**Некоторые факторы «первой природы» стран членов ЕАЭС
(по данным за 2019 г.)**

	Россия	Беларусь	Казахстан	Армения	Кыргыз- стан
Земельные ресурсы					
Площадь, км ² (% от ЕАЭС)	17 098 246 (84,4)	207 600 (1)	2 724 900 (13,4)	29 743 (0,2)	199 951 (1)
Общая посевная площадь, тыс. га (% от ЕАЭС)	79880,5 (73)	5901,9 (5,4)	22135,8 (20,2)	286,9 (0,3)	1216,7 (1,1)
Транспортные евроазиатские коридоры ЭПШП					
Северный	+	+	—	—	—
Центральный	+	+	+	—	—
Север-Юг	+	—	+	—	—
Выход к морским путям	+	—	—	—	—
Добыча отдельных видов полезных ископаемых					
Нефть сырая, млн т	560,8	1,7	90,5	—	0,2
Уголь, млн т	439,2	—	115,4	—	2,5
Газ природный, млрд м ³	738,4	0,2	56,4	—	0,02
Концентрат желе- зородный, млн т.	97,5	—	11,7	—	—

Источник: составлено автором по материалам: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия // Москва: 2020. — 213 с. URL: https://istmat.info/files/uploads/63565/evraziyskiy_ekonomicheskij_soyuz_v_cifrah_2020.pdf

Неоспоримое преимущество России по размерам ее территории (занимает 84,4% от всей территории ЕАЭС, в 575 раз превосходит по размерам Армению) дает государству больше возможностей для развития экономики.

Россия относится к странам мира с самыми богатыми природными ресурсами. Закономерно, что по запасам, добыче и экспорту различных видов полезных ископаемых Россия существенно опережает все страны Союза, включая второе по размеру государство – Казахстан.

Обширная территория дает возможность для формирования и развития рекреационного потенциала: очевидно, чем больше площадь государства, тем многочисленнее и разнообразнее могут быть природные и культурные объекты. Мировая практика последних десятиков лет имеет множество примеров того, как развитие туристической отрасли становилось одним из мощных драйверов экономического развития отдельных стран, а также способствовало постконфликтному восстановлению, так как представляет внутренним и иностранным туристам возможность познакомиться не только с красотами природы, архитектуры, но и прочувствовать и понять культурное наследие государства [20].

Развитие рекреационного потенциала государства (а также его экономического потенциала в целом) напрямую зависит от состояния транспортной системы. Однако и здесь возможности для развития между странами ЕАЭС распределены неравномерно. Из всех государств только Россия имеет прямые выходы к Мировому океану и возможности развивать внутренний водный транспорт за счет большого количества судоходных рек. В то же время территории Армении и Кыргызстана полностью располагаются в бассейнах бессточных водоемов. Помимо этого Армения и Кыргызстан в некоторой степени оказались в транспортной изоляции, прежде всего в результате их неучастия в основных международных инвестиционных проектах по развитию транспортных коридоров между Европой и Азией (например, ЭПШП).

Мировой опыт знает немало примеров, когда государства, обладая ограниченным количеством географических преимуществ и природных ресурсов, становились крупнейшими экономиками мира. В современных реалиях повышается значимость факторов «второй природы». Экономическое развитие должно опираться на инвестиции в человеческий капитал, развитие инфраструктуры и модернизацию институтов [6].

Состояние человеческого капитала в странах ЕАЭС оценивается исследователями неоднозначно [25]. Практически все страны постсоветского пространства сталкиваются со схожими проблемами в вопросах формирования, развития и использования человеческого капитала. Вместе с тем человеческий потенциал, несомненно, является одним из краеугольных элементов базиса, необходимого для интенсивного инновационного экономического развития всех стран-членов Союза.

Во многом благодаря наследию Советского Союза, десятилетиями культивировавшего приоритет всеобщей грамотности и образованности во всех слоях

населения, а также благодаря взятому в последние годы курсу на модернизацию экономики на принципах инновационного развития, сегодня страны ЕАЭС занимают достаточно высокие позиции в международных рейтингах оценки человеческого капитала. Так, по динамике Индекса развития человеческих ресурсов (ИРЧП) уже несколько лет Беларусь, Казахстан и Россия входят в группу стран с рейтингом Very high (≥ 0.800), и достаточно близка к этой группе Армения. Существенно отстает по данному показателю Кыргызстан, но тем не менее он занимает прочную позицию в группе стран с рейтингом Medium (0.550–0.699). Несмотря на то что вариация стран по ИРЧП имеет четкий тренд дивергенции, значение колеблется в диапазоне 5–7% — следовательно, можно утверждать, что по данному индикатору страны достаточно близки друг к другу (однородны) [23].

Высокий рейтинг ИРЧП в большей степени обусловлен количественными показателями (в частности, охватом большого количества населения высшим образованием), и в меньшей степени — качественными показателями, динамике которых мешает целый комплекс достаточно однотипных для всех стран Союза проблем. Среди них, например, рост количества платных образовательных программ, который не всегда сопровождается их высоким качеством; дефицит выпускников со средним специальным и профессионально-техническим образованием; преобладание гуманитарных профессий над профессиями инженерно-технического профиля; отсутствие эффективных и работающих связей между образованием, наукой и производством и другие.

О диспропорциях состояния систем формирования и развития человеческого капитала в странах-членах ЕАЭС свидетельствует тот факт, что почти 90% всех студентов (по данным за 2020 / 2021 гг.)², прибывших из стран ЕАЭС, выбирает для получения образования Россию, и эта доля не снижается многие годы. Россия также остается центром притяжения трудовых мигрантов из стран-партнеров ЕАЭС, и наряду лишь с Республикой Беларусь имеет положительное сальдо международной миграции (429,9 тыс. человек в 2021 г. и 13,9 тыс. человек в 2019 г. соответственно)³.

На формирование и использование человеческого капитала существенное влияние оказывают условия и качество жизни в стране. Для всех стран ЕАЭС среди главных проблем до сих пор остаются высокий уровень бедности населения и сильная поляризация в обществе по доходам, которые оказывают негативное влияние не только на качество человеческого капитала, но и на динамику социально-экономического развития в целом, снижая запросы общества (в том числе, на инновационные продукты) и провоцируя его нестабильность.

По динамике коэффициента вариации показателей, характеризующих состояние человеческого капитала в странах Союза, можно констатировать преобладание процессов дивергенции (рис. 2).

² Рассчитано автором на основе данных Департамента статистики ЕАЭС. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx

³ Там же.

Одной из важнейших проблем для стран-членов ЕАЭС является проблема бедности населения. Наиболее остро она стоит в России и Армении. Более четверти населения этих стран находится за чертой ниже величины прожиточного минимума. При этом высокий уровень бедности в России парадоксально сочетается не только с высоким уровнем образованности населения, но и с достаточно низким процентом безработицы в стране. Наибольших успехов в борьбе с бедностью удалось добиться Казахстану, который за 15 лет сократил уровень бедности более чем в 6 раз. Важно отметить, что черта бедности (или величина прожиточного минимума) устанавливается правительствами государств и может существенно различаться, но тем не менее оказывает влияние на качество жизни населения, разнообразие и доступность потребляемых благ. Так в 2020 г. этот показатель в Армении составлял 110, в Казахстане — 80, в Кыргызстане — 74, в Беларуси — 103, в России — 157 долларов на человека.

Несмотря на то что денежные доходы, а также (что закономерно) расходы домашних хозяйств в России в период 2013–2015 гг. резко упали примерно в 1,7–1,8 раза, и так и не восстановились до прежних значений, Россия продолжает быть страной с самыми высокими в ЕАЭС доходами / расходами на душу населения. Так, по данным за 2020 г. доходы россиян были выше в 2,9 раза по сравнению со средними значениями по ЕАЭС без России и в 5,9 раза выше, чем в Кыргызстане. Однако можно отметить небольшую тенденцию к конвергенции стран Союза по динамике потребительских расходов на человека — главным образом за счет роста данного показателя в Беларуси и Казахстане.

При довольно высоком уровне среднедушевых денежных доходов в масштабе ЕАЭС в России устойчиво высокие значения коэффициента фондов, что говорит о крайне неравномерном распределении доходов среди населения. Аналогичная ситуация характерна для Армении. Наиболее благополучно и равномерно доходы распределены в Беларуси и Казахстане.

Социально-экономическая динамика и востребованность человеческого потенциала в современном мире во многом зависят от уровня технологического развития и инновационного потенциала государства. Все страны ЕАЭС в той или иной степени испытывают трудности с переходом к инновационному типу экономического роста. Так, в рейтинге экономической сложности стран ЕСІ, прежде всего благодаря высокой доле в экспорте информационно-коммуникационных технологий, транспортных услуг и продукции транспортного машиностроения, наиболее высокие позиции (31 место из 133 по данным за 2020 г.) занимает Республика Беларусь, значительно опережая другие страны Союза (рис. 3). Низкие позиции других стран в рейтинге связаны с преобладанием в их экспорте природных ресурсов, полезных ископаемых. При сравнении стран важно помнить, о том, что расчет рейтинга строится на объемных показателях одного государства и не показывает его долю в общем объеме мирового экспорта.

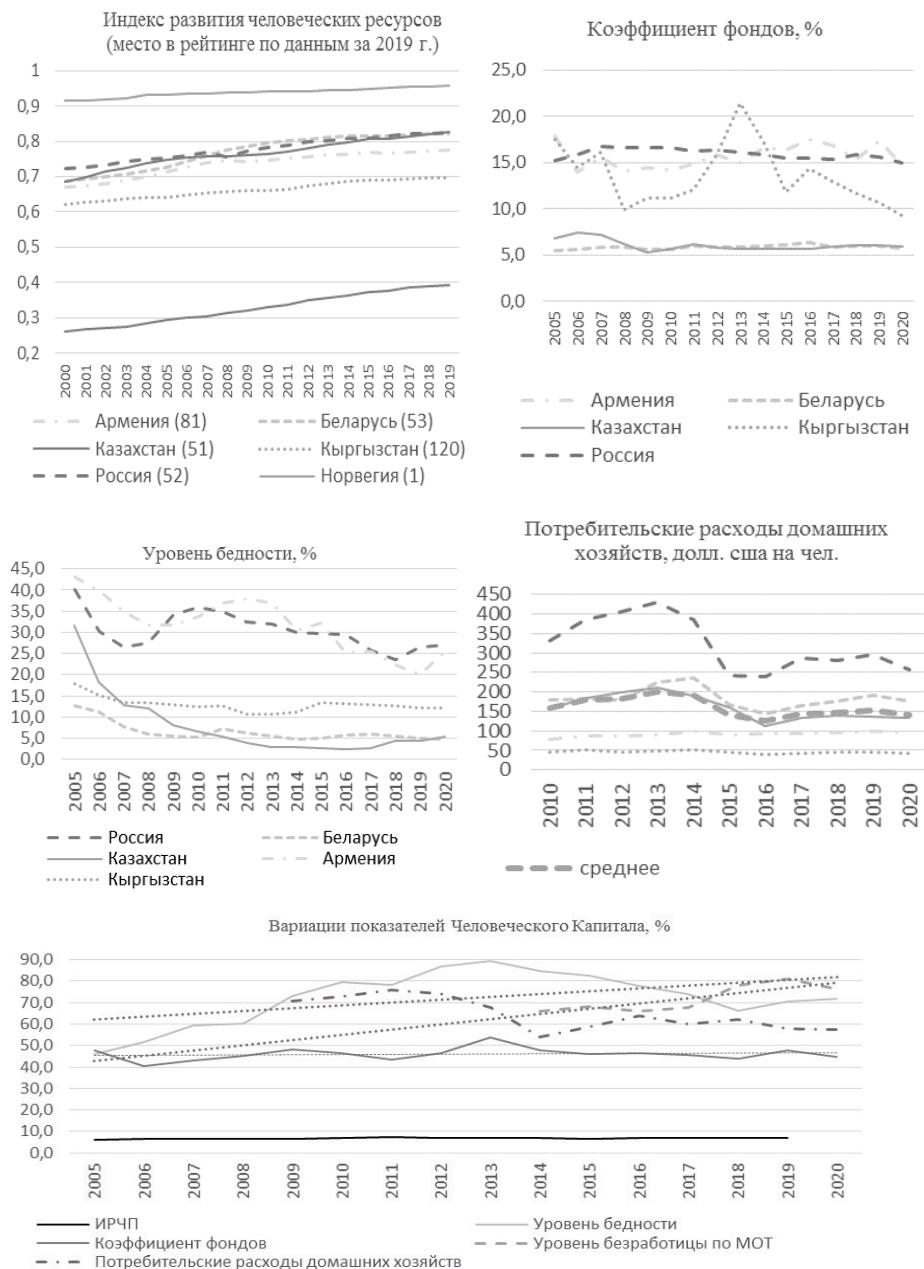

Рис. 2. Показатели, характеризующие человеческий капитал стран-членов ЕАЭС

Источник: рассчитано автором на основе данных: 1) «Отчета о развитии человечества (Human Development Report)», ежегодно издаваемого Программой развития ООН.

URL: <http://hdr.undp.org/en/indicators/137506> 2) данных Департамента статистики ЕАЭС. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/un-ion_stat/Pages/default.aspx.

Динамика показателей, необходимых для формирования инновационной экономики, создания и продвижения новых технологий и высокотехнологичной продукции в странах-членах ЕАЭС чаще отрицательна, либо имеет небольшие темпы роста. Так за 15 лет (с 2005 по 2020 г.) численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в абсолютном выражении сократилась на 16,5% в России, на 15,2% в Беларуси, на 34,7% в Армении; в Казахстане и Кыргызстане, напротив, произошел рост на 19,8% и 43,2% соответственно. При этом рост и снижение в большей степени ассоциированы с демографическими процессами, так как доля данной категории персонала в общей численности населения во всех странах, кроме России, осталась неизменной (сократилась с 0,6% до 0,5%).

Рис. 3. Показатели, характеризующие институциональную среду стран-членов ЕАЭС

Источник: рассчитано автором на основе данных: 1) «Атлас экономической сложности (Atlas of Economic Complexity)», ежегодно издаваемого Лабораторией роста Гарвардского университета. URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> 2) данных Департамента статистики ЕАЭС. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx

Во всех странах Союза крайне низкая доля внутренних затрат на научные исследования и разработки, при этом высокий коэффициент вариации (> 80—

100%) с четким трендом дивергенции, в основном за счет снижения данного показателя в Беларуси, Кыргызстане и Казахстане.

Наименьший объем инвестиций в основной капитал в Кыргызстане и Армении. Достаточно близки друг к другу не только по объемам, но и по темпам изменений объемы инвестиций в России, Казахстане и Беларуси, однако динамика волнообразна и периоды роста чередуются с периодами снижения.

Такая динамика институциональной среды негативно влияет на темпы модернизации и развитие инновационного потенциала в странах Союза, а также является причиной отсутствия заметного прогресса в обновлении основных фондов — одной из острых проблем в большинстве стран постсоветского пространства.

Процессы освоения территории и формирования агломераций, которые являются опорными точками экономического и инновационного развития за счет концентрации финансового, человеческого, производственного и иных видов капитала, происходят в странах ЕАЭС столь же неравномерно. Несмотря на то что Армения занимает всего 0,2% от общей территории ЕАЭС — она стоит на первом месте по плотности населения (99,6 чел./км²), что в 11,6 раза больше, чем в России, и в 14,4 раза больше, чем в Казахстане.

Тем не менее, кроме столиц (с населением более 1 млн человек) в Армении, а также в Беларуси и Кыргызстане, большинство городов этих государств относятся к крупным (с населением до 250 или 500 тыс. человек), в то время как в России — 16 городов-миллионников и 23 крупнейшие городские агломерации. В Казахстане 3 города-миллионника и 2 города с населением более 500 тыс. человек. Крупные города и городские агломерации формируют центры притяжения для населения благодаря развитой инфраструктуре, наличию образовательных и научных центров, технопарков, рабочих мест и далее создают новые импульсы для экономического роста.

Социально-экономическое развитие пространства и в целом экономическая динамика стран и интеграционных объединений во многом зависит от состояния и перспектив развития инфраструктуры, к которой прежде всего относятся транспортная, энергетическая и информационно-телекоммуникационная компоненты.

Состояние и развитие транспортной инфраструктуры в странах ЕАЭС также происходит неравномерно (рис. 4), причем часть ограничений развития обусловлены географическими причинами (рассмотрено выше).

Среди особенностей развития железнодорожной инфраструктуры важно отметить, во-первых, слабую динамику развития транспортной сети (общего пользования) железных дорог, ее плотность практически не меняется во всех странах ЕАЭС. Наибольшая плотность железных дорог в Беларуси (26,4 км / 1000 км²) и Армении (23,64 км / 1000 км²). Наименьшая — в Кыргызстане (2,12 км / 1000 км²); России (5,05 км / 1000 км²) и Казахстане (5,89 км / 1000 км²), при этом основная

причина низкой плотности дорог в России и Казахстане — большая площадь этих стран и неравномерное освоение территории. Во-вторых, отсутствие высокоскоростных и скоростных магистралей — скоростные железные дороги есть только в России, но их удельный вес очень мал.

Подобным же образом обстоят дела с инфраструктурой автомобильного транспорта: крайне низка плотность автомобильных дорог в России (89 км / 1000 км²), Кыргызстане (94 км / 1000 км²) и Казахстане (35 км / 1000 км²); при этом в России и Казахстане есть положительная динамика доли автомобильных дорог первой категории, в то время как в остальных странах Союза она остается на низком уровне⁴.

Развитие транспортной инфраструктуры важно как для повышения связности территорий внутри Союза, так и для наращивания участия в международных перевозках. Несмотря на то что в настоящий момент основная доля грузооборота между Азией и Европой осуществляется морским путем, актуальность развития наземной инфраструктуры (автомобильных дорог и железнодорожных путей) в странах ЕАЭС остается высокой. Кроме того, как показывает мировой опыт, строительство транспортной инфраструктуры (в том числе транспортно-логистических хабов) является сильнейшим драйвером развития экономики.

Вариация стран Союза по объемным показателям высока: так, по грузообороту — около 200%, что объясняется серьезным отрывом значений показателя России от других стран ЕАЭС (в наибольшей степени — от Армении и Кыргызстана). Однако динамика вариации стабильная. В целом грузооборот стран ЕАЭС имеет положительный тренд, более того растет доля Казахстана в общем объеме стран ЕАЭС, так с 2005 по 2020 г. рост грузооборота Казахстана увеличился в 2 раза.

Аналогично высокая вариация без трендов конвергенции и дивергенции по причине серьезного отрыва значений России — по показателю производства электроэнергии. Российская энергетическая система по мощности превосходит все системы стран ЕАЭС в 10–30 раз и превосходит внутренние потребности России более чем в 2 раза [26. С. 35]. Важным механизмом выравнивания стран в этом аспекте традиционно считается создание общего электроэнергетического рынка, который концептуально формирует пространство общих интересов всех стран-членов Союза, так как имеет широкий спектр эффектов для населения, промышленности и каждого государства в целом, в том числе — в сфере энергетической безопасности.

Развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) дают в XXI веке государствам уникальные возможности для интенсивного экономического развития, даже

⁴ Аналитический доклад «Мониторинг качества предоставляемых транспортных услуг в соответствии с индикаторами, определенными Рекомендацией Евразийской экономической комиссии от 03.12.2019 № 41». — Москва, 2020. — URL: https://eec.eaunion.org/upload/medialibrary/28b/Analiticheskiy-doklad-_Indikatory_-itog-17-11-2020.pdf.

в условиях серьезных ограничений, вызванных дефицитом факторов «первой природы», так как для их развития наиболее важен человеческий капитал.

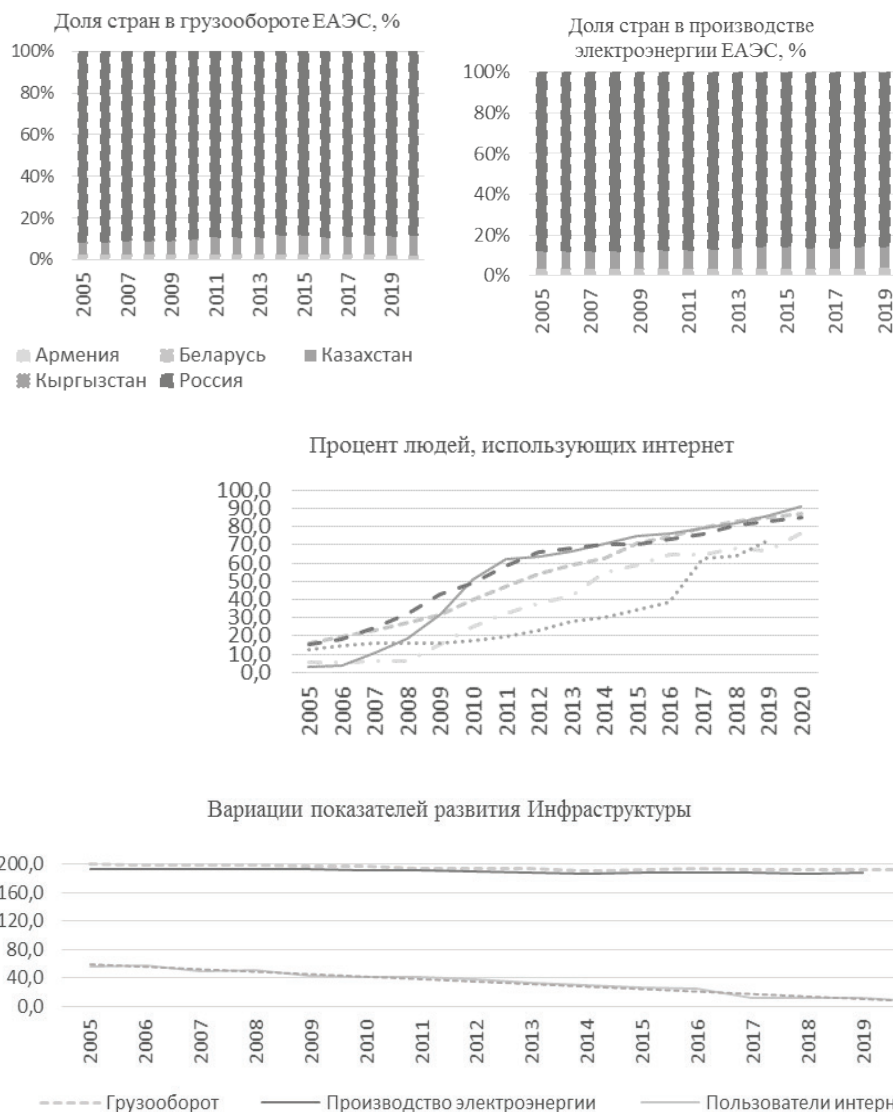

Рис. 4. Показатели, характеризующие инфраструктуру стран-членов ЕАЭС

Источник: рассчитано автором на основе данных: 1) портала EES ЕАЭС. Мировая энергетика. — URL: <https://www.eeseaec.org/energetika-azii-i-okeanii>; 2) данных международного Союза электросвязи ООН. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> 3) данных Департамента статистики ЕАЭС. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx.

В целом в странах ЕАЭС показатели развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и технологий непрерывно растут (рис. 4), особенно после пандемии COVID-19, которая подтолкнула потребителей (население, бизнес и государство) к использованию цифровых услуг в разных сферах. Вариация по количеству пользователей интернета имеет четкий тренд конвергенции. Наибольший процент пользователей в России, Казахстане и Беларуси, при этом Казахстан имел наибольшие темпы роста, увеличив количество пользователей интернета с 2005 по 2020 г. в 27,5 раза.

По объему экспорта информационно-коммуникационных услуг существенно опережают Россия (5936,2 млн долл.) и Беларусь (2699,9 млн. долл.), наименьший показатель в Кыргызстане (13,8 млн долл.). Тем не менее доля цифровой экономики в совокупном ВВП ЕАЭС не превышает 3% [27].

* * *

Проведенный анализ позволил выявить не только различия в уровнях социально-экономического развития стран-членов ЕАЭС, но и показал преобладание процессов дивергенции в динамике основных индикаторов развития.

Межстрановое неравенство не единственная и, возможно, не главная причина, препятствующая углублению интеграционных процессов в ЕАЭС. Однако мировой опыт показывает, что любые интеграционные проекты, в которых участвуют разные экономики, сталкиваются с трудностями, вызванными среди прочего различием приоритетов, обусловленных текущим уровнем развития стран-участниц. Поскольку логика любого интеграционного проекта предполагает передачу части суверенитета на наднациональный уровень, сближение экономик стран-членов ЕАЭС — необходимый приоритет, который позволит всем странам на равных содействовать устойчивому экономическому росту, реализуя на принципах паритета интересы всех государств Союза.

Для преодоления наметившихся процессов дивергенции, по тем направлениям, которые являются потенциально важными для экономической динамики, необходимо проводить системные мероприятия, способствующие многостороннему развитию всех стран Союза. Совместные усилия должны быть сосредоточены в области формирования, развития и использования человеческого капитала, решения проблем бедности населения, развития инфраструктурных отраслей (включая наращивание темпов развития информационных технологий), а также создания совместно используемых центров и проектов по производству высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью.

Дальнейшие исследования межстранового неравенства в ЕАЭС могут быть сосредоточены на поиске и систематизации индикаторов развития, в том числе с применением интегральных показателей; на разработке более совершенных эконометрических моделей, учитывающих влияние факторов на динамику неравенства; а также на непосредственной оценке вектора развития, так как сами

по себе процессы конвергенции еще не свидетельствуют о положительной динамике социально-экономического развития стран, поскольку они равно могут наблюдаться как при негативном, так и при позитивном тренде показателя.

Литература

1. Вардомский Л.Б., Соколова Т.В. Социальные детерминанты евразийской интеграции // Мир перемен. 2020. № 1. С. 131–147.
2. Поздеев А.В., Паулов П.А. Проблемы гармонизации и унификации законодательств государств-членов ЕАЭС в рамках таможенной сферы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2. С. 207–212.
3. Казакова А.В. Евразийская интеграция: препятствия для развития и пути их преодоления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 4. С. 145–154.
4. Fujita M., Krugman P. The new economic geography: Past, present and the future // Papers in Regional Science. 14 January 2005. Vol. 83, Issue 1. P. 139–164. URL: <https://doi.org/10.1007/s10110-003-0180-0>.
5. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл. к XX апр. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / отв. ред. Т. А. Мешкова, Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики» // М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 123 с.
6. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Региональное неравенство в крупных постсоветских странах // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 1. С. 17–30.
7. Глазьев С.Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 020. №1. С. 11–30. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-1-11-30.
8. Стецко Н.И. Неравномерность экономического развития регионов в теориях пространственной организации экономических систем // Фундаментальные исследования. 2017. № 6. С. 185–189.
9. Гаджиев Ю.А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. 2009. № 2. С. 45–62.
10. Хусаинов Б.Д., Нусупов А.И., Жангалиева К.Н. Межстрановое и международное неравенство и экономический рост: оценка и анализ // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1. С. 76–84.
11. Кормишкин Е.Д., Горин В.А. Воздействие неравенства на экономический рост: теоретические и эмпирические подходы // Инновационное развитие экономики. 2018. № 5 (47). С. 46–51.
12. Дорофеев М.Л. Понятие, классификация и методология измерения социально-экономического неравенства: проблемы и решения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 5. С. 148–159. URL: <https://doi.org/10/21869/2223-1552-2021-11-5-148-159>
13. Воронов В.В., Лавриненко О.Я., Сташане Я.В. Оценка динамики межрегиональных различий (европейский опыт) // Социологические исследования. 2014. №1 (357). С. 29–39.
14. Eurofound (2018), Upward convergence in the EU: Concepts, measurements and indicators, Publications Office of the European Union, Luxembourg.
15. Горда А.С. Методические подходы к оценке экономического неравенства стран мира // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2019. № 1. С. 132–140.
16. Бедрина Е.Б., Ишуков А.А. Экономическое неравенство в евразийском экономическом союзе и пути его преодоления // VIII Уральский демографический форум «Демографический потенциал стран ЕАЭС» // Екатеринбург, 08–09 июня 2017 г. С. 43–49.

17. Чупина Д.А. К вопросу об углублении регионального неравенства в ЕАЭС // III международная научно-практическая конференция молодых ученых по региональной экономике // Екатеринбург, 29–30 октября 2015 г. С. 424–428.
18. Загазжаева О.З., Сахтуева М.В. Механизм управления территориальными неравенствами и пространственными различиями в региональных социально-экономических системах // Известия Уфимского научного центра РАН. 2011. № 3–4. С. 88–94.
19. Капелюшников Р.И. Неравенство: как не примитизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117–139.
20. Эгамбердиева Г.А. Перспективы развития туристической отрасли в странах участницах ЕАЭС // Проблемы востоковедения. 2021. № 1. С. 16–22.
21. Eurofound (2018), Upward convergence in the EU: Concepts, measurements and indicators, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2018. — 68 pp. URL: <https://doi:10.2806/68012>.
22. Шатырко А.В., Митрофанова И.А. Инструментальные аспекты измерений и регулирования регионального неравенства // Экономика устойчивого развития. 2014. № 3 (19). С. 212–220.
23. Полякова В.В., Шаброва Н.В. Основы теории статистики // Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 148 с.
24. Lanzieri Giampaolo (2017). Demographic convergence in the European Union - A sub-national perspective // International Conference «Demographic Development of Russia in Worldwide Context: Divergence or Convergence?», National Research University - Higher School of Economics, Moscow, 30 November 2017.
25. Шурубович А.В. Евразийская интеграция и экономическая модернизация: роль человеческого капитала // Вестник ИЭ РАН. 2019. № 1. С. 126–143.
26. Алексеенкова Е. ЕАЭС к 2025 г.: приоритеты и ожидания государств-членов // Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. Спецвыпуск. // М. НП РСМД, 2017. — 92 с.
27. Экспорт и импорт услуг в Евразийском экономическом союзе (по оперативным данным). Статистический бюллетень. — Евразийская экономическая комиссия, 2020. — 56 с.

Ksenia Zavyalova (e-mail zavialova.ka@uiec.ru)

Leading Economist Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

CROSS-COUNTRY INEQUALITY AS A FACTOR HINDERING THE PROCESSES OF FURTHER INTEGRATION IN THE EAEU

The article provides a comparative analysis of the dynamics of the main economic indicators of the EAEU member states, showing a generally high level of cross-country inequality, which is, according to the author, a hindrance to their further integration. With a view of deepening economic integration under the conditions of persistent divergence, the approaches to the formation of relevant socio-economic mechanisms are proposed.

Keywords: Eurasian Economic Union, Eurasian integration, cross-country inequality, economic inequality.

DOI: 10.31857/S020736760025986-3

© 2023

Сергей Капканщиков

доктор экономических наук, профессор,

заведующий кафедрой экономической теории

Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск, Россия)

(e-mail: kapkansv@mail.ru)

ДЕТЕРМИНАНТЫ НЕУСТОЙЧИВОСТИ РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

На основе развернутого сравнительного анализа понятий «экономический рост» и «экономическое развитие» в статье приводятся аргументы в пользу тезиса о том, что с постдефолтного периода до сегодняшнего дня российская экономика демонстрирует не только неуклонно затухающие среднегодовые темпы расширения ВВП, но и так называемый «обедняющий рост», «рост без развития». Ведущим признаком невысокого качества роста признается многолетняя эволюция отечественной экономики в русле исторически тупиковой экспортно-сырьевой модели, которая через механизмы «голландской болезни» и регулярные перепады мировых цен на энергоносители движется в избыточно циклической форме, закономерно делая социально-экономическое развитие нашей страны неустойчивым. Значимыми детерминантами ее неустойчивого роста, тщательно скрываемого приводимыми в работе способами фальсификации макроэкономической статистики, также признаются: доминирование экстенсивных факторов над факторами интенсивными, связанными с повышением макроэкономической эффективности и достижением нормой накопления близких к оптимуму значений; социально конфликтный характер увеличения ВВП, сопровождаемого вразрез с мировой практикой сохранением избыточной подоходной и поимущественной дифференциации россиян даже при относительно благоприятной конъюнктуре; природоемкий и ресурсорасточительный характер динамики национального хозяйства.

Ключевые слова: обедняющий рост, устойчивость социально-экономического развития, экономический рост, экономическое развитие, экспортно-сырьевая модель, экстенсивный и интенсивный типы роста, социально конфликтный рост, экологически скорректированный рост, фальсификация темпов роста.

DOI: 10.31857/S020736760026052-6

В результате интенсификации гибридной войны коллективного Запада против России и запуска беспрецедентных антироссийских санкций экономика нашей страны (да и не только она одна, но и многих стран-санкционеров) стремительно оказалась в некоей «новой реальности». С особой остротой встал вопрос не только о способах восстановления восходящей динамики ВВП в условиях качественно иной архитектуры международных экономических отношений, но и о кардинальной смене самой ее модели, сложившейся в досанкционный период. В этой связи в очередной раз актуализировалась научная дискуссия о соотношении экономического роста и экономического развития. И хотя прошло уже более века с того момента, когда в 1911 г. в своей книге «Теория экономического развития» Й. Шумпетер, казалось бы, дал (в категориях «количество» — «качество») развернутый ответ на этот методологический вопрос,

реальность всех трех последних десятилетий эволюции российской экономики в рамках так называемого «роста без развития» заставляет науку вновь и вновь обращаться к его уточнению. Ставшее общепризнанным понимание несовершенств валового внутреннего продукта как измерителя объема производства укрепляет осознание того, что именно «экономическое развитие, включающее не только производственное, но и социальное измерение (можно добавить «сбалансированное»), должно быть целью экономической политики любого государства» [5. С. 27]. Устойчивое развитие, подчеркивают А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, — это «далеко не только рост ВВП или (что несколько лучше) индекса человеческого развития и иных синтетических показателей, а прежде всего качественная характеристика, отражающая меру прогрессивности той или иной общественной системы» [3. С. 12].

Понятно, что принципиальное отношение правительства к экономическому и социальному (а также экологическому) компонентам устойчивого развития в решающей степени предопределяется конкретным соотношением доминирующих в обществе теоретических концепций и реализующих их в структурах законодательной и исполнительной власти политических элит. В то время как изначально узкий подход неоклассиков характеризуется игнорированием социальных и экологических аспектов хозяйственной динамики, фактическим отождествлением терминов «устойчивый рост» и «устойчивое развитие» в угоду безудержной максимизации традиционного показателя ВВП, взгляд кейнсианской школы на перспективы восхождения человечества к вершинам хозяйственного процветания выглядит куда более обширным, ставящим социально-экологическую проблематику, как минимум, на одну доску с достижением сугубо прагматичных целей наращивания национального продукта. Заслугой же институционалистов является установление тесной связи устойчивого хозяйственного развития с целым комплексом многообразных этических норм, соблюдение которых может потребовать иногда даже остановки количественного экономического роста, однако при неуклонном улучшении его качества.

Как известно, немалый вклад в разработку теоретической доктрины устойчивого развития (Sustainable development) внес Римский клуб, который с момента своего создания в 1968 г. делал акцент на исследование глобальных проблем, прежде всего на оценку перспектив развития биосферы и выработку способов гармонизации взаимосвязей человечества и природы. В 1972 г. аналитиками этой международной общественной организации была подготовлена фундаментальная работа «Пределы роста», в которой обосновывалась острая необходимость смены одностороннего экономического роста на комплексное эколого-экономическое развитие [2. С. 254]. Еще более серьезная заслуга в развитии этой доктрины принадлежала Организации Объединенных Наций, выработавшей четкие

критерии устойчивости, среди которых выделяются: такой социально-экономический прогресс, который, удовлетворяя в максимально возможной степени жизненные потребности нынешнего поколения граждан страны, не подрывает принципиальной возможности и грядущих поколений реализовывать свои экономические интересы; неуклонное расширенное воспроизводство природно-ресурсного потенциала, не допускающее сокращения запасов производственных ресурсов, нанесения невосполнимого ущерба окружающей среде, подрыва экосистем в море и на суше, негативного изменения климата в ходе хозяйственной деятельности людей. Но следует подчеркнуть, что это далеко не единственные признаки устойчивого хозяйственного развития, в целевую функцию которого, состоящую ныне из 17 позиций, в рамках «Парижского соглашения об изменении климата» (2015 г.) включены также: ликвидация голода и нищеты, подходового и гендерного равенства, улучшение здоровья, повышение уровня образованности людей, обеспечение их качественной водой, дешевой и чистой энергией и многое другое. В рамках столь расширительной трактовки выведение тех или иных целевых установок в разряд приоритетных предполагается тесно увязывать с развертыванием цикличности в глобальной экономике с особым акцентом на длинные волны Кондратьева. Действительно, переход к новым технологическим укладам будет сопровождаться, например, радикальным сокращением, несмотря на рост населения Земли, объема потребляемого углеродного топлива с соответствующим уменьшением выбросов парниковых газов в атмосферу. Неслучайно мировым сообществом, крайне озабоченным вопросами экологической безопасности, поставлена задача достижения уже к 2050 г. так называемой «климатической нейтральности», т.е. установления динамического глобального баланса между объемом эмиссии диоксида углерода (CO_2), которую предполагается сокращать через развертывание «зеленой» энергетики, всемерное энергосбережение, с одной стороны, и масштабами естественного поглощения парниковых газов, прежде всего через расширение лесных массивов — с другой. Кроме того, Генеральная Ассамблея ООН в 2015 г. приняла резолюцию «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в которой была поставлена амбициозная цель перехода от прежней устаревшей модели функционирования сырьевой экономики по принципу «добыть, использовать, выбросить» к кардинально иной модели замкнутого цикла, в рамках которой предполагается направление многих активно перерабатываемых энергоемких продуктов на повторное потребление, что во многом гарантирует устойчивое развитие национальных хозяйств.

К настоящему времени достоянием науки стало представление о том, что если в рамках весьма ограниченной теории экономического роста человека можно рассматривать всего лишь в качестве некоего фактора производства, всемерно минимизируя долю трудовых издержек в структуре себестоимости продукции, то в русле куда более содержательной парадигмы экономического развития активное формирование высокоразвитого человеческого потенциала

превращается в некую самоцель социально-экономического прогресса. Если экономический рост вполне может протекать без заметного развития, регулярно порождая к тому же негативные побочные социально-экономические эффекты, то хозяйственное развитие обычно включает в себя те или иные положительные темпы роста ВВП, причем преимущественно интенсивного типа — хотя бы и с определенным лагом, порой совершенно необходимым для трансформации регулярно появляющихся инноваций, в стабильное приращение национального продукта. Впрочем, в интересах обеспечения поступательного экономического развития не исключена даже временная остановка роста, особенно если народнохозяйственный организм остро нуждается в структурной перестройке, разумной диверсификации производства в ходе становления передовых технологических укладов. Некоторая пауза в расширении масштабов неуклонно развивающейся национальной экономики вполне допустима и потому что развитие — это долгосрочный, а потому протекающий в отчетливо циклической форме процесс, который по понятным причинам включает и регулярно наступающие закономерные рецессии. Но поскольку конечной целью хозяйственного развития выступает вовсе не слепое наращивание продукции, а кардинальное улучшение качества жизни населения, постольку кризисное сокращение объема выпуска не следует воспринимать в сугубо трагедийном контексте. Ведь кризис как очередной поворотный пункт в развитии экономической системы наряду с разрушительными включает в себе также немалые созидательные начала, связанные с запуском новых компонентов основного капитала, ресурсосберегающих технологий, подъемом производительности труда, которые призваны выводить общественное благосостояние на существенно более высокий уровень. Если использование в основном количественного понятия «экономический рост» не требует в явной форме четкого определения вектора разворачиваемого хозяйственного процесса, то задействование заведомо качественной категории «экономическое развитие» предполагает неустанный поиск самого целевого ориентира трансформации общества, проведение неустанного сравнительного анализа достигнутых и желаемых контуров социально-экономического устройства страны, критический разбор используемого при его формировании инструментария государственной политики, а также сценарное прогнозирование предстоящих в обществе перемен с выявлением наилучшего в каждой конкретной ситуации сценария.

Между тем, в нашем понимании, предшествующее рецессии 2022 г. качество наращивания российского ВВП с самого начала XXI в. принципиально не соответствовало ключевым методологическим принципам устойчивого экономического развития, и даже его периодически формально восходящая динамика получила в литературе образное обозначение «обедняющий рост», и даже «рост нищеты». Столь неллицеприятные характеристики ущербного роста предопределены тем обстоятельством, что он оказался во многом сырьевым, импортозависимым,

преимущественно экстенсивным, социально конфликтным, природоемким и ресурсорасточительным, и как результат, неустойчивым, тормозящим истинный социально-экономический прогресс. Причем, начиная с 2008 г., не только качественные, но даже количественные характеристики национального продукта явно не впечатляли. За последние 15 лет его отчетливо скромная динамика была чрезвычайно близкой к «околонулевой», т.е., по сути, не выходила за рамки статистической погрешности. По оценке В. К. Фалыцмана, «экономика России оказалась в зоне малых приращений, когда прогнозы оказываются в интервале ошибки измерения» [24. С. 10]. Как следствие, ее доля во всемирном ВВП по ППС сократилась с 3,95% в 2008 г. до 3,11% в 2022 г., в то время как удельный вес КНР достиг 18,33%, США — 15,83%, Индии — 6,80%, Японии — 4,03%, Германии — 3,44%. Как результат, лишь для ликвидации накопившегося отставания от мировой экономики, возникшего в 2008–2018 гг., России, по расчетам А.А. Широга, требовался среднегодовой рост около 5% ВВП в течение 10 предстоящих лет [28. С. 38]. Однако в уже завершившийся после этого период 2019–2022 гг. ничего подобного (за исключением 2021 г.) не наблюдалось. Более того, отечественной экономике пришлось пройти через разрушительные коронакризис 2020 г. и военный кризис 2022 г., которые сделали реальный ВВП нашей страны заметно меньше. Причем, мало того что затяжная стагнация тянется уже немало лет. Главное состоит в том, что по сей день не создано реальных предпосылок для ее преодоления. Во всяком случае, зримых признаков нарастания конкуренции между различными направлениями экономической теории и макроэкономической политики в нашей стране не наблюдалось, а отчетливый догматизм власть предержащих до последнего времени продолжал блокировать появление альтернативных взглядов на принятый ими весьма несовершенный алгоритм искоренения сложившихся «прозябательных» трендов.

Что же касается существенно более значимых качественных характеристик развития российской экономики, то надо признать, что даже в годы первого десятилетия XXI в. (не говоря уже о завершившемся втором десятилетии и уже находящемся в самом разгаре третьем) здесь обозначились серьезнейшие проблемы как внутреннего характера, связанные со стратегическими дефектами государственного регулирования национальной экономики, так и внешнего, обусловленного интенсификацией санкционного противостояния России с более чем четырьмя десятками откровенно недружественных стран коллективного Запада. Между тем в сложившихся к 2023 г. весьма своеобразных условиях качество предстоящего расширения российского ВВП выглядит намного важнее его количества, и именно его развернутые критерии должны доминировать при постановке стратегических задач государственной экономической политики. Качественный же рост по определению должен быть устойчивым. По представлениям Г. Куранова, «качество роста отражает способность экономики к устойчивому экономическому развитию — развитию с высоким

иммунитетом к колебаниям внешнеэкономической конъюнктуры, базирующемся на повышающейся совокупной факторной производительности, восприятии мировых тенденций технологического развития, гибком реагировании на внешние и внутренние импульсы, соблюдении экологических стандартов и бережном отношении к экосистемам» [17. С. 30]. Однако приходится констатировать, что в самом механизме функционирования российской экономики представлен целый ряд детерминантов, делающих рост национального продукта не вполне качественным, а значит, неустойчивым.

Главным из взаимосвязанной совокупности подобных факторов мы признаем многолетнее функционирование отечественной экономики в рамках исторически тупиковой экспортно-сырьевой модели. Не секрет, что гарантии устойчивости расширения ВВП создаются стремлением властей, настойчиво реализующих стратегию структурной диверсификации национального хозяйства, в максимальной степени приблизиться к оптимальным соотношениям между материальным производством и сферой услуг, промышленностью и сельским хозяйством, секторами, выпускающими продукцию промежуточного и конечного спроса, товары с незначительной и высокой долей добавленной стоимости, особенно высокотехнологичные, и т.п. Между тем с начала XXI в. в России сформировалась нездоровая модель не структурно-сбалансированного, а преимущественно сырьевого экономического роста, которая опиралась на крайне неконструктивную его теорию и не учитывала негативного опыта стран, ранее столкнувшихся в своей хозяйственной динамике со зловещими симптомами «голландской болезни». Если же перемены в структуре воспроизводства в этот период и происходили, то назвать их прогрессивными было крайне сложно. Ключевым дефектом подобного роста с антиразвитием («развития неразвитости», в трактовке немецкого ученого А. Франка) выступала эволюция в русле модели сырьевой колонии, в рамках которой восходящая динамика ВВП достигалась «за счет упрощения производственной структуры экономики» [28. С. 39]. Рост российской экономики, связанный с использованием преимуществ нефтяного бума в обстановке относительной политической стабильности, в основе своей являлся сырьевым. Сопровождаемую же столь ущербный сырьевой (а не инновационный) рост всемерную сервисизацию отечественного хозяйства, в рамках которой на месте заводов и фабрик активно вырастали торгово-офисные помещения, вряд ли можно было расценивать как его прогрессивное движение к постиндустриализму: куда более резонной была бы ее характеристика как яркого проявления деиндустриализации, являющейся антиподом устойчивости. Как результат проявления «ресурсного проклятия» уровень жизни в нашей стране начал демонстрировать отчетливую стагнацию, а миллионы россиян надолго зависли в «ловушке среднего дохода», отчетливо превратившись в рантье, которые в решающей степени обеспечивают свое кратковременное благосостояние за счет выгодного размена невозобновляемых

природных ресурсов на заграничные потребительские товары и услуги. Запретельно высоким вплоть до драматических событий 2022 г. выглядел и удельный вес импортных инвестиционных благ. Так, по расчетам П.Ю. Королева, в 2013 г. превышение внешних поставок металлорежущих станков над собственным производством составило 291, 4 раза [12. С. 70], что, конечно же, выступало ярким проявлением избыточной импортозависимости и явно не соответствовало принципиальным устоям концепции устойчивого экономического развития. Намеренно приучив население нашей страны к возможности приобретения большинства товаров (даже тех из них, которые вполне способны с высокой рентабельностью создаваться на нашей территории) за границей, власти государств центра мировой экономики в определенный момент резко поменяли «правила игры» и сегодня всерьез ставят вопрос о полном эмбарго на поставки в Россию всех видов продукции, кроме лекарств и продовольствия. И это в условиях, когда запоздалый курс на реальное импортозамещение еще весьма далек от тех результатов, которые способны гарантировать устойчивость развития национального хозяйства.

Не секрет, что стабильность экономического роста гарантируется невысокой волатильностью его макроэкономических индикаторов в долгосрочном периоде, даже с учетом неизбежной цикличности общехозяйственной динамики. А между тем эволюция ресурсозависимой экспортно-сырьевой модели роста российской экономики является как раз избыточно циклической, коль скоро сопровождающий ее конъюнктурный подъем добывающих отраслей и тесно связанной с ними сферы услуг обычно продолжается лишь до момента неизбежного обвала глобальных цен на ведущие компоненты отечественного сырьевого сектора, стоимостной объем продукции которого после этого столь же закономерно сдувается. Последнее ощущается еще более сильно, в случае если сырьевые экспортеры до этого активно кредитовались в иностранной валюте, курс которой (а значит, и тяжесть накопившейся внешней задолженности) после девальвации рубля начинает стремительно нарастать.

Устойчивость социально-экономического развития может быть достигнута лишь в тех странах, чей совокупный производственный потенциал (как совокупность капитала природного, человеческого и физического) наглядно демонстрирует не нисходящую, а, напротив, отчетливо восходящую динамику. Однако в полной мере соответствовать подобному критерию с каждым годом становится все сложнее. Известно, что за предшествовавшие XX в. 4900 лет человечество использовало в 20 раз меньше невозобновляемых ресурсов, чем за одно только это индустриальное столетие. Продление же такой тенденции в XXI в. способно привести к практически полному исчерпанию многих минеральных богатств, включая нефтяные месторождения. Конечно, при этом будет расширяться сфера использования альтернативных видов энергии — ветряной, солнечной, геотермальной, атомной, а в перспективе термоядерной, гелиевой

и т.п. Однако даже долгосрочный прогноз Международного энергетического агентства опирается на безусловное доминирование в структуре энергобаланса большинства стран традиционных источников — нефти, газа и угля. Поэтому, в том случае если природные ресурсы страны убывают (что сегодня отчетливо наблюдается, например, в Норвегии или Азербайджане), а численность ее населения сокращается, то еще более стремительно обязан в ней протекать процесс накопления ресурсов для будущего в виде инноваций, знаний, здоровья людей, зданий, сооружений, современных машин и оборудования. Ни при каких условиях не может называться экономическим развитием ситуация, при которой ВВП растет при истощении совокупного национального богатства. Между тем только за досанкционный период 2000—2014 гг. добыча нефти составила в России 6,9 млрд т., что при среднем коэффициенте извлечения ее из недр в 0,4 означало использование запасов в 17,3 млрд т. Поскольку в 2014 г. оставшиеся запасы нефти оценивались всего в 15 млрд т., постольку, по расчетам В.К. Фальцмана, получается, что за относительное хозяйственное благополучие рассматриваемых полутора десятилетий нашей стране пришлось заплатить более чем половиной залежей «черного золота», что свидетельствует о запредельной ресурсорасточительности сложившейся в ней разновидности роста. Характерно, что, например, даже в довольно благоприятный предкризисный 2012 г. объем ввода основных фондов в нашей стране, составивших 10,3 трлн руб., и расходов на формирование человеческого капитала, складывающихся из затрат на образование (2,6 трлн руб.), здравоохранение (2,0 трлн руб.), исследования и разработки (0,7 трлн руб.), оказалась на 3,3 трлн руб. меньше стоимости добытых нефти и газа (11,9 трлн руб. и 7,0 трлн руб. соответственно), что свидетельствует о сокращении совокупного богатства России, а вовсе не о расширении ее экономики [24. С. 16]. Иначе говоря, «сокращение запасов ископаемого топлива лишь частично (примерно на 2/3) компенсировалось приростом человеческого капитала и активной части основного капитала» [25. С. 153]. Думается, что в дальнейший период 2015—2022 гг. трансформация невозобновляемых природных ресурсов в физический и человеческий капитал россиян оказалась еще дальше от 100%-ной отметки, сигнализируя о нарастающих угрозах перевода экономического роста в отчетливо неустойчивый режим и неминуемом подрыве интересов будущих поколений.

Не менее значимым признаком устойчивого хозяйственного прогресса является доминирование фактора эффективности использования уже имеющихся ресурсов над фактором вовлечения в производственный процесс ресурсов дополнительных, т.е. интенсивного роста над ростом экстенсивным. Однако неуклонно затухающее хозяйственное оживление в России образца первых десятилетий XXI в., обеспеченное наполовину поступлением нефтегазовых сверхдоходов от экспорта, а наполовину — экономией на инвестициях в прирост национального богатства, не сопровождалось сколько-нибудь заметным

приростом макроэкономической эффективности. Все менее быстрое наращивание ВВП обеспечивалось преимущественно расширением внутреннего спроса как за счет трансформации нефтегазодолларов в повышение текущих доходов населения, так и путем форсированного расширения кредитования покупок. Источники подобного роста являлись довольно дешевыми, не требовавшими больших затрат, сколько-нибудь масштабных реальных вложений. Но подобный преимущественно экстенсивный рост изначально оказывается краткосрочным, куда менее устойчивым (например, из-за неминуемого наступления момента излишней закредитованности населения), сравнительно с ростом за счет интенсификации, который обеспечивать гораздо сложнее. Общеизвестно, что именно увеличение народнохозяйственной эффективности привело к тому, что если в 1451–1800 гг. мировая экономика выросла всего в 2 раза, в 1801–1900 гг. в 2,26 раза, а в 1901–2000 гг. сразу в 55, 33 раза [13. С. 90]. Между тем во многом из-за явно невысокого уровня производительности своего труда как слагаемого эффективности российский работник в среднем трудится в течение года 1985 часов [22. С. 74]. В 2017 г. Россия, несмотря на многочисленные выходные и длительные отпуска, с 1980 часами в год входила в пятерку самых работающих стран, уступая только Мексике (2257 часов), Коста-Рике (2179 часов), Южной Корее (2024 часов) и Греции (2018 часов). Хотя Соединенные Штаты по старинке все еще считаются нацией трудолюбов, их трудовая норма – всего 1789 часов. И если, например, в Германии с 2001 г. количество годовых рабочих часов в результате действия интенсивных факторов роста сократилось с 1452 до 1371, то в нашей стране оно осталось, по сути, неизменным. В отличие от правительства СССР, которое всерьез ставило задачу последовательного (по мере роста народнохозяйственной эффективности) сокращения продолжительности рабочего дня и расценивало расширение свободного времени как условие профессионального и культурного развития людей, власти современной России фактически открыто поддерживают главу Сбербанка Г. Грефа, который призывает молодежь трудиться по 18 часов в сутки, предпочитая не замечать, что в нынешних технологических условиях это преимущественно низкоквалифицированный труд, к формированию человеческого капитала прямого отношения не имеющий.

Стагнация эффективности российской экономики совсем неудивительна в обстановке хронического отставания отечественной нормы накопления от порогового значения инвестиционной безопасности страны (25% ВВП). Дореформенный (1990 г.) реальный объем инвестиций в основной капитал не был достигнут даже в наиболее благоприятном втором восьмилетнем цикле воспроизводства активной части основных производственных фондов (цикле Жуглара) 2000–2007 гг., не говоря уже о первом пореформенном цикле 1992–1999 гг. (да и последующих третьем 2008–2015 гг. и скорее всего в четвертом 2016–2023 гг. циклах). Даже в пищевой промышленности, являющейся

признанным лидером среди промышленных предприятий в плане модернизации производства, причем в лучшем втором цикле 2000–2007 гг., по расчетам В. Дасковского и В. Киселева, накопленная всеми предприятиями этой отрасли амортизация составила всего 6791 тыс. руб. при потребности в средствах на абсолютно назревшую замену физически морально изношенных основных фондов в объеме 12887 тыс. руб. [10. С. 6]. Что же говорить о других отраслях народного хозяйства, в которых угроза техногенных катастроф из-за деградации материальной базы выглядит намного более ощутимой, и иных, куда менее успешных периодах нашей новейшей хозяйственной истории! В результате радикального дезинвестирования созданные еще в советской экономике резервы физического капитала становятся все более исчерпанными, и при сохранении низкой инвестиционной квоты в обстановке развернувшейся с конца 2014 г. девятилетней автономной хозяйственной рецессии назревший переход от преимущественно экстенсивного типа экономического роста к росту интенсивному постоянно откладывается во времени. Во всяком случае, президентская программа 2012 г. создания 25 млн модернизированных рабочих мест по сей день далека от своей реализации.

Поистине устойчивый рост заведомо не может быть социально конфликтным, сопровождающимся воспроизводством абсолютной и относительной бедности, избыточной доходной и поимущественной дифференциации людей, радикальным подрывом равенства их возможностей. В ходе такого «роста с развитием» позитивные результаты восходящей динамики национального продукта последовательно распространяются не на какие-то конкретные социальные группы, предприятия, отрасли, регионы, а в той или иной степени на все из них, кардинальным образом не ущемляя интересов подавляющего большинства субъектов экономической системы. Для выявления негативных социальных последствий роста ВВП на Давосском Всемирном экономическом форуме в 2017 г. был представлен качественно новый индикатор — индекс инклюзивного развития. Он предназначен для полного включения в общую картину хозяйственного роста столь значимых его характеристик, какими выступают уровень бедности, степень расслоения граждан и населенных пунктов. Иначе говоря, этот весьма перспективный показатель может быть плодотворно использован в интересах оценки степени усвоения выгод от наращивания ВВП широкими слоями населения. Ведь не секрет, что этот традиционный показатель «характеризует лишь производственный аспект роста, но не дает четкого понимания характера распределения благ и услуг» [14. С. 85]. Мировыми лидерами такого инклюзивного роста, создающего условия для улучшения качества жизни людей, равенства возможностей для всех социальных групп, в 2017 г. были признаны Норвегия, Исландия, Люксембург, Швейцария, Дания, Швеция, Нидерланды, Ирландия, Австралия, Австрия, многие из которых развиваются в рамках североευропейской модели социально ориентированной рыночной

экономики. Россия же в тот момент занимала всего лишь 19 место среди развивающихся стран, что свидетельствовало о наличии в нашей стране серьезнейших проблем в плане справедливости распределения доходов и имущества. Действительно, затухающий рост российской экономики в разрез с мировой практикой имеет отчетливо социально-ущербный характер, поскольку он протекает на фоне, как минимум, не снижающегося (а при достоверном подсчете — даже нарастающего) подоходного и поимущественного неравенства, когда подавляющую часть позитивного эффекта от него перетягивают на себя наиболее состоятельные хозяйственные субъекты [11]. В этих условиях выглядит вполне закономерным тот факт, что после достижения уровня абсолютной бедности россиян минимальной отметки в 15,4 млн человек в 2012 г. (10,7% населения) к 2019 г. она вновь поднялась до 19,0 млн человек (12,3% населения) и сохраняется по сей день на близкой отметке, что объясняется прежде всего «продолжительной стагнацией экономики на фоне западных санкций» [15. С. 59].

Как отмечалось выше, старт формирования концепции устойчивого экономического развития был взят от увязки роста национального продукта с его отрицательными последствиями для окружающей природной среды. Актуальность экологической проблематики обозначилась еще в 1970-х годах из-за стремительного нарастания по экспоненте численности населения, объема производства, потребления, связанных с ними отходов, в обстановке все более четкого осознания ресурсной ограниченности Земли. В погоне за убежавшими далеко вперед западными странами с их внешне крайне привлекательными стандартами потребления многие другие государства выработали стратегию догоняющего роста, реализация которой в условиях накопившегося у них отставания в области технологий и эффективности не могла не выразиться в резком повышении нагрузки на природу и целом ряде экологических катастроф, связанных прежде всего с сокращением площади лесов и, напротив, расширением пустынь, ускорением таяния ледников в результате потепления климата, выходом эмиссии парниковых газов далеко за рамки пороговых значений экологической безопасности, учащением землетрясений в связи с форсированной добычей полезных ископаемых, стремительным оскудением флоры и фауны. Развиваясь в XXI в. после глубочайшего трансформационного спада в рамках этой далеко не безупречной концепции, российская экономика тоже не осталась в стороне от столь негативного глобального тренда. Конечно, разнообразные апологеты топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов всегда были склонны к недооценке актуальности экологической повестки. Однако при детальной оценке достоинств и недостатков ускоренной хозяйственной динамики этих ключевых секторов национального хозяйства трудно не замечать, что одним из наиболее крупных детерминантов неустойчивости роста российского ВВП выступает зачастую его экологически безответственный, отчетливо природоёмкий характер. Действительно, количественное

расширение отечественной экономики во многом достигалось за счет заведомо несбалансированной эксплуатации природного капитала, инвестиционной экономии на его возобновлении. Сознательный отказ от проведения целого ряда насущных природоохранных мероприятий приводил к тому, что последний воссоздавался далеко не на расширенной основе: сплошь и рядом наблюдалось даже не простое, а суженное его воспроизводство. Между тем нарастающие экологические риски зачастую оказываются ничуть не менее тревожными, чем геополитические конфликты, в которые волею судеб оказалась ныне втянута наша страна. И если упорно не учитывать их, то россияне будут вынуждены во вполне обозримом будущем осуществлять колоссальные расходы на восстановление природно-ресурсного потенциала, обеспечение зыбкого экологического равновесия, в частности на недопущение появления темного снега вблизи крупных городов, ликвидацию протяженных свалок твердых бытовых отходов, нейтрализацию недопустимо загрязненных атмосферного воздуха и водной среды в результате масштабной экологической деградации.

Известно, что технология добычи сланцевого газа, сопряженная с проведением серии гидроразрывов пласта, резко усилила риск землетрясений, которые наблюдались в 2014 г. в одном только американском штате Оклахома 240 раз. При задействовании такого способа извлечения энергоносителей из недр резко ухудшается качество питьевой воды, что негативно сказывается на развитии земледелия и животноводства, а также на продолжительности жизни населения. Неслучайно власти Германии, Швеции и целого ряда других стран наложили административный запрет на использование подобных технологий. Форсированный экспорт природного газа из России в европейские страны позволил им в предсанкционный период резко сократить потребление угля и нефтепродуктов и тем самым резко снизить выбросы в атмосферу вредных веществ. Понятно, что платой за это явилось более быстрое истощение ресурсного потенциала нашей страны наряду с повышенным загрязнением ее территории за счет использования менее экологически чистых видов топлива (например, угля или мазута). Поэтому во избежание неполного учета конечных результатов функционирования российской экономики остро требуется скорейшее внедрение в статистику показателя экологически скорректированного «зеленого» ВВП», при исчислении которого из традиционного макроэкономического агрегата необходимо вычитать сокращение запасов природных ресурсов, расходы на охрану окружающей природной среды и оценку ущерба ей вследствие экономической деятельности [4. С. 51]. В противном случае, вне учета эмиссии загрязняющих веществ, а также доли возвращаемых в хозяйственный оборот отходов, даже в обозримом будущем в России вполне может наблюдаться полуфиктивный «рост без развития» и чрезвычайно актуальная задача гармонизации промышленной и экологической политики [18. С. 132] вряд ли окажется когда-либо решенной.

Неустойчивость развития российской экономики в 2020 г. оказалась серьезно усиленной эпидемией коронавируса, которая еще до начала специальной военной операции на Украине и запуска «ядерных» западных санкций повлекла за собой масштабный разрыв транспортно-логистических цепочек и, как результат, негативный шок предложения в комбинации с шоковым сокращением потребительского и инвестиционного спроса вследствие падения реальных доходов домохозяйств и фирм. Начиная же с 2022 г. ключевым детерминантом неустойчивости явилось резкое обострение геополитических проблем, прежде всего вследствие принятия Западом против России свыше десятка крупных и синхронизированных между собой санкционных пакетов. Хотя возникший из-за этого макроэкономический шок опять-таки можно расценивать и в качестве новой возможности обретения нашей страной, например, ее долгожданного технологического суверенитета, однако в краткосрочном периоде трудно не замечать усиления новых рисков ее поступательного хозяйственного развития. Поэтому достижение биологически и геополитически безопасного роста означает минимизацию влияния всевозможных внешних шоков на функционирование отечественной экономики. Решительное противодействие им инструментами государственного регулирования призвано гарантированно исключать возрождение проблем продовольственной безопасности, бедности, запредельного подоходного неравенства и обеспечивать реализацию интересов не весьма ограниченной части общества, а в той или иной степени всех представленных в нем социальных групп.

Нельзя не отметить, что хроническая неустойчивость динамики экономики России успешно оттеняется статистическим ведомством даже в случае использования им далеко не идеальных традиционных макроэкономических индикаторов. Такова печальная национальная традиция, сформировавшаяся с конца 1920-х годов, исходя из пропагандистских соображений, т.е. стремления представить экономический образ нашей страны в розовом цвете. «Росстат, — подчеркивает Г.И. Ханин, — к сожалению, унаследовал многие худшие пороки советской статистики, лукавая цифра жива» [26. С. 25]. Действительно, многие российские статистические данные о темпах роста реального ВВП, результатах реализации национальных проектов, уровне заболеваемости коронавирусом, степени адаптации национального хозяйства к санкционным шокам требуемой достоверностью явно не отличаются. И хотя сегодня разоблачение сознательных искажений в статистике уже не столь опасно для самих аналитиков, как это было прежде, подобные занятия, требующие профессионализма и соответствующих нравственных качеств, выходят из моды. Как результат, в соответствии со сложившимся стандартом поведения в бюрократической системе целый ряд губернаторов стремятся преувеличивать хозяйственные успехи вверенных им регионов, многие статданные ими, как говорится, «берутся с потолка», из-за

чего формируется некая культура профанации, которая затем обычно воспринимается в качестве вполне достоверных данных. Так что состояние и тенденции развития российской экономики и сегодня зачастую преподносятся в яркой пропагандистской упаковке, осуществляется неустанный отбор наиболее выгодной для правящей элиты информации. Известно, что Росстат, все более становящийся монополистом в статистическом деле, в недавнем прошлом стал организационно подчиненным своему «родительскому ведомству» — Министерству экономического развития, что сделало его оценки и прогнозы еще менее заслуживающими доверия и усилило и ранее существовавший контраст между довольно оптимистичными официальными данными и куда более пессимистичным реальным жизнеощущением россиян. В результате, как отмечает А.А. Широв, «статус Росстата в структуре федеральных органов власти стал достаточно низким, т.е. содержащим риски поражений в ходе различных административных противостояний» [29. С. 5]. Например, трудно объяснить рост реальной заработной платы параллельно с признаваемым сокращением реальных доходов населения, которые из этой заработной платы в решающей степени и складываются. Не менее сложно сочетать оценки статистического ведомства о росте инвестиций в национальную экономику в условиях фиксируемого им же падения прибыли отечественных предприятий [30. С. 108]. А поскольку Минэкономразвития отвечало в разное время то за удвоение ВВП, то за расширение отечественного хозяйства прорывными темпами, опережающими динамику мировой экономики, постольку у его руководителей в условиях отсутствия реальной состязательности статистических центров неизбежно возникает соблазн фиксации ускоренного роста национального продукта и других макроэкономических показателей.

Заметная фальсификация динамики ВВП связана вовсе не с тем, что ночное освещение российских улиц, якобы, заметно хуже, чем официальное состояние национальной экономики (как полагают в Национальном бюро экономических исследований США). Она достигается прежде всего по следующим двум направлениям. Во-первых, преувеличивается прирост чистого экспорта (как наиболее быстро возматовавшего компонента российского ВВП) за счет оценки масштабов экспортной выручки за поставляемые газ, нефть и прочее сырье в долларах, заметно обесценившихся с Великой рецессии 2008–2009 гг. на мировых рынках. Но эти внешние нефтедоллары, получаемые отечественными экспортерами за выводимые на мировой рынок товары, далеко не те доллары, которые функционируют (преимущественно в безналичной форме) внутри экономики США и надежно поддерживаются товарной массой, производимой внутри этой страны и поставляемой сюда по импорту. И покупательная сила первых оказывается на порядок ниже вторых. Так, по оценке С. Губанова, если внутренний доллар, циркулирующий в обороте на территории США, обесценился за 2000–2010 гг. на 25–30%, то обесценивание нефтедоллара на мировых

рынках оказалось 5-кратным, т.е. почти в 20 раз более стремительным [7. С. 8]. При подобной методике подсчета получается, что чем более быстрыми темпами происходило ослабление внешней американской валюты в результате эмиссии, тем быстрее расширялась экономика России. В 2000–2008 гг. на 1% прироста ВВП приходилось 0,9% прироста цен сырьевого экспорта, т.е. на 90% экономический рост обусловлен инфляцией нефтедолларов [8. С. 5]. Утверждая о впечатляющих темпах роста российской экономики в этот период, А. Кудрин и Е. Гурвич приводили данные о росте ВВП в долларовом выражении в 8,5 раз [16. С. 7]. Между тем, по оценке С. Губанова, если учесть инфляцию нефтедоллара, неограниченно выпускаемого ФРС США не для внутреннего потребления, а как бы «навывнос», на экспорт, для остального мира, то реальная покупательная способность россиян возросла в эти «тучные годы» лишь в 1,5 раза [9. С. 31].

Подобный во многом фиктивный, бестоварный рост протекал до глобального кризиса, но точно такая же ситуация воспроизводилась и после него. Российские власти вплоть до сегодняшнего дня по-прежнему стремятся к достижению впечатляющих «бумажных» показателей расширения ВВП. Форсированный выпуск долларов стремительно трансформировался в очередной скачок цен на нефть и газ, затем резко дорожали черные и цветные металлы, минеральные удобрения и другие, интенсивно вывозимые за пределы России ресурсы. Но разве можно отождествлять такое сугубо инфляционное улучшение номинальных показателей внешнеторговой деятельности с подлинным экономическим ростом? В этих условиях долларовая оценка темпов увеличения чистого экспорта (и всего ВВП, чьим неотъемлемым компонентом он выступает) серьезно затушевывает истинную ситуацию в нашей стране, особенно если учитывать движение базисного компонента ВВП – товарного. «В долларовом выражении объем ВВП России увеличился за 2002–2012 гг. почти в 5,5 раза, между тем как суммарное приращение составило 43,4% по БНХ и 57% по СНС» [6. С. 8]. Как отмечает К.К. Фальцман, инфляционное измерение экономического роста вполне может превратиться в профанацию [24. С. 10]. «Дутый экспортно-сырьевой рост, раздуваемый инфляцией нефтедоллара» [1. С. 88] во многом протекал и в довоенном 2021 г., а вот все более решительный отказ в дальнейшем от долларов и евро в международных расчетах и неуклонное расширение расчетов в национальных валютах (с акцентом на китайский юань) способно в значительной мере нейтрализовать данный статистический дефект.

Во-вторых, рисуется излишне благоприятная (а сегодня не вполне драматичная) картина масштабов расширения производства на предприятиях внутренне ориентированного уклада, основанная на недостоверности статистических данных относительно темпов внутренней инфляции. Например, при расчете индекса цен в современной России явно недостаточно учитывалась их динамика на рынке недвижимости, которая до самого последнего времени была

все мыслимые и немыслимые рекорды (особенно в Москве). Такая, по терминологии В. Дасковского и В. Киселева, «назначаемая инфляция» [11. С. 21] связана, в частности, с использованием статистическим ведомством индекса потребительских цен (ИПЦ) взамен гораздо более достоверного индикатора ценовой динамики — дефлятора ВВП. Поскольку в условиях регулярно наблюдаемого в России укрепления реального курса рубля многие импортные товары (в том числе входящие в потребительскую корзину) заметно дешевеют, постольку некорректный расчет инфляции на основе ИПЦ, а не традиционно повышающегося опережающими темпами дефлятора ВВП, заметно преуменьшает ее истинные темпы. Конечно, при этом нельзя не учитывать и факторов, повышающих оценку экономического роста, к числу которых необходимо прежде всего отнести заметное улучшение качества многих выпускаемых на территории России товаров и услуг. Не получая адекватного отражения в стоимостных показателях производимого ВВП, данный факт, однако, благоприятно оценивается отечественными потребителями. Однако это обстоятельство лишь сокращает размер переоценки реальной хозяйственной динамики. Например, по расчетам Г.И. Ханина и Д.А. Фомина, во многом из-за недостоверной оценки реальной (а не просто желаемой властями) инфляции российский ВВП увеличился за 1998–2007 гг. вовсе не на 82%, а лишь на 48% [27. С. 17]. Большинство независимых оценок прироста российского ВВП в 2001–2010 гг. не выводят его за рамки 60%. Ожидавшегося удвоения национального продукта не случилось даже в докризисном 2019 г. (прирост составил 85%), не говоря уже о чрезвычайно драматичных 2020 и 2022 г. Из всех постсоветских государств худшие показатели прироста в XXI в. продемонстрировала только Украина, в то время как, по данным Всемирного банка, в остальных экс-советских странах он варьировался от 94% в Латвии до 341% в Азербайджане. И тот факт, что только в 2016 г. производство электроэнергии смогло превзойти докризисный уровень 1990 г. (1091 и 1082 млрд кВт·ч соответственно) [23. С. 9] свидетельствует в пользу длительного, 27-летнего периода трансформационного спада вкупе с восстановительным ростом в нашей стране. Статистический факт, что в 2018 г. при колебаниях потребительской инфляции вокруг целевого ориентира в 4% индекс цен производителей стал беспрецедентно высоким за предшествующее десятилетие и составил 11,7%, «может свидетельствовать о рисках инфляционного скачка в будущем» [20. С. 11], что и наблюдалось, например, в 2022 г.

Но даже при столь явных дефектах правительственной арифметики, устранимых либо через выведение Росстата из административного подчинения Минэкономразвития, либо посредством присвоения ему независимого статуса, подобно тому, каким обладает Банк России, даже полуфиктивный «рост без развития» оказался в третьем десятилетии XXI в. вовсе не безальтернативным. Своеобразие сложившейся ситуации заключается в том, что подавляющее

большинство факторов, предопределивших предшествующую динамику ВВП, стали одновременно и мощными ограничителями дальнейшего роста отечественной экономики. Временно ускоряя отечественную экономику, они со временем превращались в некие ловушки развития, под которыми С. Малков и А. Максимов понимают те «состояния, в которые попадают страны, объективно имеющие потенциал роста, но не реализующие своих возможностей из-за неявных внешних или внутренних сдерживающих факторов» [19. С. 22–23]. Даже анализируя всего лишь статистические данные о динамике отечественной экономики, трудно не заметить, что в ней сформировался многозвенный механизм торможения восходящей хозяйственной динамики, воплощенный в уже ставшей достоянием науки категории «автономная рецессия». И всесторонний анализ глубинных причин, объясняющих нынешнее состояние экономики России, выявление «наиболее значимых реальных ограничений экономического роста, которые могут его блокировать по принципу узкого «бутылочного горлышка»» [21. С. 17], являются неперенными условиями нахождения оптимального варианта ее предстоящего устойчивого развития. Если у экономического роста, безусловно, имеются объективно очерченные пределы, то их напрочь лишено экономическое развитие, которое в современной трактовке решительно отвергает морально устаревшую теорию «нулевого роста» в долгосрочном периоде и способно сделать социально-экологически-экономический прогресс нашей страны поистине безграничным.

Литература

1. Агур И., Капели Д., Сандри Д. Денежно-кредитная экспансия и инфляционные риски (оценка МВФ). Послесловие редакции // Экономист. 2021. № 10. С. 86–88.
2. Алферова Т.В. Становление концепции устойчивого развития: региональный аспект // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2021. № 1. С. 252–263.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Система производственных отношений и социально-экономическое неравенство: диалектика взаимосвязи // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. С. 10–34.
4. Веклич О.А., Шлапак Н.Ю. Экологически скорректированный ВВП как показатель реального экономического развития // Проблемы прогнозирования. 2012. № 3. С. 48–54.
5. Григорьев Л.М., Макарова Е.А. Норма накопления и экономический рост: сдвиги после Великой рецессии // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 24–46.
6. Губанов С. Автономная рецессия, как финальная фаза системного кризиса России // Экономист. 2013. № 9. С. 3–23.
7. Губанов С. Вероятна ли мировая рецессия–2012? // Экономист. 2012. № 1. С. 3–10.
8. Губанов С. Императив общегосударственных интересов // Экономист. 2009. № 4. С. 3–8.
9. Губанов С. Системный кризис и выбор пути развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2. С. 23–41.
10. Дасковский В., Киселев В. Нисходящая траектория экономики: причины и последствия // Экономист. 2016. № 3. С. 3–18.

11. Дасковский В., Киселев В. Состояние экономики и его адекватное измерение // Экономист. 2015. № 11. С. 3–24.
12. Капканщиков С.Г. Избыточное подоходное расслоение россиян как угроза экономическому росту и социальной безопасности // Общество и экономика. 2023. № 1. С. 37–62.
13. Королев П.Ю. Сырьевой экспорт России: тиски, проклятие или осознанная необходимость? // Ученые записки Санкт-Петербургского им В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 4. С. 70–75.
14. Коротченков А., Шаповалов В., Виноградов Д. Россия: от экономического роста к устойчивому развитию // Известия ДВФУ. 2017. № 1. С. 89–101.
15. Краснокутский П.А., Змияк С.С., Яровая Н.С. Концепция инклюзивного роста: новые возможности или осознанная необходимость? // Теоретическая экономика. 2018. № 6. С. 77–86.
16. Кубишин Е.С., Седлов А.П., Соболева И.В. Бедность в России: методология измерения и международные сравнения // Вестник ИЭ РАН. 2021. № 1. С. 56–70.
17. Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4–36.
18. Куранов Г. О некоторых характеристиках качества экономического роста // Экономист. 2019. № 11. С. 30–49.
19. Мантуров Д.В. Устойчивый экономический рост: аспекты гармонизации промышленной и экологической политики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 4. С. 132–140.
20. Малков С., Максимов А. Глобальное развитие: моделирование и прогноз // Экономист. 2018. № 4. С. 21–30.
21. Мау В. Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018–2019 гг. // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 5–28.
22. Миронов В.В. О диагностике текущего состояния российской экономики и среднесрочных перспективах ее роста // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 5–35.
23. Орлова Н., Егиев С. Структурные факторы замедления роста российской экономики // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 69–84.
24. Рязанов В. Новая экономическая политика (нэп) № 2: исторические уроки и перспективы госкапитализма в России // Экономист. 2018. № 3. С. 3–23.
25. Фальцман В.К. Об измерении экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1. С. 10–17.
26. Фальцман В.К. Россия без собственной нефти? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 152–160.
27. Ханин Г.И. Надо ли защищать советскую экономику лукавыми цифрами? // Тетра Есopomicus. 2016. Том 14. № 1. С. 18–26.
28. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Экономический кризис 2010-х годов в России: причины, последствия, пути выхода // Тетра Есopomicus. 2014. Том 12. № 4. С. 15–32.
29. Широков А.А. Проблемы воспроизводства в современной российской экономике // Вопросы политической экономии. 2019. № 2. С. 37–46.
30. Широков А.А. Статистика в интересах экономики и общества // Проблемы прогнозирования. 2020. № 1. С. 5–9.
31. Эпштейн Д.Б. Итоги 2017–2018 годов и о влиянии производственных отношений на производительные силы // Вопросы политической экономики. 2019. № 1. С. 108–127.

Sergey Kapkanshchikov (e-mail: kapkansv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics,

Professor, Head of the Chair of Economics,

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

DETERMINANTS OF THE INSTABILITY OF THE RUSSIAN ECONOMIC GROWTH

Based on a detailed comparative analysis of the concepts of "economic growth" and "economic development", the article provides arguments in favor of the thesis that from the post-default period to the present day, the Russian economy demonstrates not only steadily fading average annual GDP expansion rates, but also the so-called "impoverishing growth", "growth without development". The leading characteristic of the low-quality growth is recognized as the long-term evolution of the domestic economy in the vein of the historically futile natural resource export model, which, through the mechanisms of the "Dutch disease" and regular fluctuations in global energy prices, moves in an excessively cyclical form, inevitably making the socio-economic development of the country unstable. Significant determinants of its unstable growth, carefully concealed by the methods of misleading macroeconomic statistics presented in the article, are also uncovered being the dominance of extensive factors over the intensive ones associated with increasing macroeconomic efficiency and achieving accumulation rates close to the optimum values, the socially conflicting nature of GDP growth, accompanied by the excessive income inequality, both in terms of income and property, even in the relatively favorable conditions compared to global practice, and the resource-intensive and wasteful nature of the dynamics of the national economy.

Keywords: impoverishing growth, stability of socio-economic development, economic growth, economic development, natural resources export model, extensive and intensive types of growth, socially conflicting growth, ecologically adjusted growth, misleading growth rates.

DOI: 10.31857/S020736760026052-6

© 2023

Павел Кохно

доктор экономических наук, профессор,
директор Института нечётких систем (г. Москва, Россия)
(e-mail: pavelkohno@mail.ru)

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ С УЧЁТОМ МИРОВОГО И ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОПЫТА

В статье отмечается, что нынешний ресурсно-индустриальный путь России завершается, ее дальнейшая судьба зависит от научно-технических идей и разработок, творческих образованных людей, современной инфраструктуры и высоких технологий и инноваций. Страна должна провести модернизацию, структурные и кадровые изменения. При инновационном развитии страна достигнет лидерства. Трудность задачи связана не только с ее нелинейностью. В условиях глобализации важны вопросы целостности национальной экономики и государства. Эти проблемы рассматриваются в статье с позиции современных теорий, проведён анализ методов прогнозирования, моделирования и системного анализа, применяемых в управлении экономическим развитием страны.

Ключевые слова: экономика, прогнозирование, моделирование, системный анализ, методы, инновации, стратегия, методология, уровни иерархии.

DOI: 10.31857/S020736760025988-5

Для большинства стран характерно отсутствие единого центрального органа, ответственного за идентификацию, выбор и установление тематических приоритетов в области исследований и разработок по различным направлениям экономического развития. Как правило, в эту деятельность вовлечены различные организации и заинтересованные группы, что позволяет сочетать «директивный» подход с инициативами «снизу».

Поскольку процедуры выбора приоритетов характеризуются значительным разнообразием, то правительства многих стран находятся в поиске лучших практик. Подобная вариативность инструментов и институтов обусловлена, прежде всего, различиями национальных культур и историческими предпосылками. Зачастую, несмотря на единство базового подхода, негибкость институциональных структур ведет к зависимости от предшествующего развития и, как следствие, разным порядкам утверждения приоритетов. Однако доминирующей остается концепция национальных инновационных систем.

За установление приоритетов в равной степени ответственны индивидуальные финансирующие органы, исследовательские организации, университеты и другие ключевые акторы инновационной системы. В связи с этим усложняется обеспечение согласованности между разными стратегическими уровнями и субъектами, что требует четкого и прозрачного разграничения полномочий

отдельных организаций. Хотя универсальной практики, обеспечивающей оптимальную централизацию либо децентрализацию процесса установления приоритетов, не существует, тем не менее, можно выделить несколько общих принципов. Как правило, на общегосударственном уровне происходит:

- определение места инноваций в системе приоритетов политики (что отражается в объемах бюджета, выделяемых на исследования и разработки – ИиР);
- регулирование общесистемных факторов (прав интеллектуальной собственности, поддержки малого и среднего бизнеса, регламентации различных видов деятельности);
- идентификация базовых функциональных и тематических приоритетных областей, связанных с решением социальных проблем (экология, здоровье и т. п.), компенсацией «провалов рынка» или восполнением пробелов в национальной инновационной системе.

Задача посреднических организаций (финансирующих ведомств, институтов трансфера технологий и т. п.) и субъектов ИиР (университетов, исследовательских центров, предприятий) – трансформировать обозначенные стратегические приоритеты, направив их в практическую плоскость.

Сегодня как никогда бесспорна актуальность прогнозов, моделирования экономики и системного анализа в современном управлении социально-экономическим развитием страны и регионов. Но в их основе должна быть методология, обеспечивающая структурный порядок, инструмент для систематизации экономических теорий. Целостный подход к научному знанию базируется на системе, классификации, методологии. Предметная область систем обработки и анализа экономической информации считается определенной, если известны существующие в ней объекты, их свойства и отношения [1].

Поэтому моделирование и системный анализ любой, в том числе экономической системы, начинается с предварительной структуризации предметной области: объекты реального мира подвергаются классификации, фиксируется совокупность подлежащих отображению в базе данных типов объектов. Для каждого типа объектов выявляется совокупность свойств, посредством которых будут описываться конкретные объекты этого типа в базе данных и виды отношений (взаимосвязей) между объектами. Затем решаются вопросы о том, какая информация об этих объектах должна быть представлена в базе данных и каким образом.

Достоверное описание отношений и взаимосвязей между теоретической базой экономики, ее моделированием и практическим управлением требует адекватного представления качеств, свойств, признаков, способов поведения субъекта управления и системного многофакторного описания объекта управления.

Например, при переносе математических утверждений в эконометрику важно помнить о критериях их истинности, т. к. «...содержание категории «истина» в математике и в природе отличаются по существу. Каждая логическая теория, являющаяся непротиворечивой, при содержательной интерпретации

остаётся верной в границах, которые определяются верностью исходных утверждений или аксиом. За пределами границы, имеющей место для любого содержательного утверждения, всегда наблюдаются факты и явления, которые не следуют из этих аксиом. При этом противоречивость выводов различных теорий не нарушает логической непротиворечивости каждой конкретной теории» [2].

Для моделирования любых, в том числе инновационных, процессов и их влияния на экономику также нужны общепризнанные методы, системы и классификации [3]. В настоящее время развиваются не только разные модели, но и разные подходы к моделированию. Существует множество эконометрических моделей, построенных на устойчивых корреляциях между наблюдаемыми показателями; балансовых моделей; моделей экономических субъектов, заимствованных из физики и биологии.

Это подтверждает фрагментарность и важность учета разных аспектов в экономике. Например, если в методологическую основу эконометрических работ положены модельные аналоги физических законов, а при переходе терминов из науки в практическое управление не учтены условия, для которых они были верны, то в результате можно получить сомнительные выводы и рекомендации.

Целью настоящего краткого анализа методов моделирования и системного анализа является их некоторая систематизация с учетом того опыта, который был накоплен еще в советские годы (хотя нельзя сказать, что в итоге советских и российских исследований экономики выстроена полноценная система моделей и систем организации тех или иных процессов).

Но советская наука накопила большой опыт практической реализации планов с помощью теоретически обоснованного экономико-математического инструментария. Тогда еще отсутствовали эффективные информационные технологии обработки огромных массивов информации и соответствующие вычислительные средства. Это не позволило в полной мере воспользоваться достижениями советской научной школы для укрепления и развития социалистической экономики [4].

С целью получения прогнозов развития выполняется моделирование различных ситуаций с учетом продовольственных, экологических, демографических проблем, последствий и издержек научно-технического прогресса.

Цель краткосрочных моделей (1–2 года) – прогнозы текущей деятельности, среднесрочных (5–6 лет) – выработка политики развития на ближайшее будущее, долгосрочных (30–50 лет) – анализ условий длительного экономического роста.

Развитие, связанное со скачкообразными явлениями, зачастую не удается предсказать и оценить на моделях. Например, мировой финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. не был рассмотрен при принятии правительством России в 2008 году Стратегии-2020.

Применяемые при прогнозировании простейшие методы экстраполяции, корреляционных зависимостей и обновления формализованы. Они основаны

на знании прошлых событий, современной ситуации, направления и темпов ее изменения, приблизительной оценке будущего и используются при прогнозировании среднесрочного социально-экономического развития, несмотря на обоснованную критику. В России экстраполяция применяется в качестве метода прогнозирования социально-экономического развития и на макроуровне.

По поводу этого метода Й. Шумпетер сказал [5]: «Аппроксимация временного ряда функциональной простейшей формой с помощью метода наименьших квадратов или любого другого является ничем иным, как описанием с помощью эмпирической кривой уже произошедших событий. Сегодня более или менее уже известно, что такая процедура теоретически почти бессмысленна, даже если в конкретных случаях она может послужить практической цели. Необходимым условием, однако, выступает наша способность статистически разделять экономический рост, внешние возмущения и экономическое развитие. Отсюда, возвращаясь к экономике (прогнозированию), вытекает явная невозможность экстраполяции трендов».

Функции регрессии обладают свойством непрерывности, они не могут учесть и спрогнозировать скачков величин. Ряд методов (Дельфи, Форсайт) являются способом выработки управленческих решений и согласованных позиций среди экспертов. Близок экспертно-интуитивному подходу метод сценариев при построении долгосрочных прогнозов и отсутствии надежных исходных данных.

Метод глобального интегрального прогнозирования [6] основан на синтезе теории предвидения и учения о циклах, кризисах и инновациях Н.Д. Кондратьева и межотраслевого баланса В.В. Леонтьева. Он позволил сделать долгосрочные прогнозы развития экономики до 2030 г. при инерционном и инновационном сценарии.

Гипертекстовое моделирование основано на новых типах построения информационных моделей и методов систематизации сведений для разных областей знаний. Используются многоцелевые гипертексты, совмещающие свойства энциклопедии, монографии и тезауруса. Метод когнитивного моделирования основан на предположении о наличии у человека когнитивных карт окружающей обстановки — структур, указывающих пути и линии поведения и взаимосвязи окружающей среды.

На этом явлении была основана концепция когнитивного моделирования. На основе гипертекстовой и когнитивной технологий построены концептуальные модели военной безопасности государства и развития оборонно-промышленного комплекса [7].

Моделирование мировой динамики ведет начало с конца 1960-х годов. Известный доклад Дж. Форрестера Римскому клубу и работы его продолжателя Д. Медоуза позволили создать модели, показавшие опасность продолжения ресурсного развития. Их критики отмечают, что авторы не учли принципа максимизации

прибыли и распределения доходов, конкуренции технологий и взаимозамещения природных ресурсов, цикличности развития и процессов глобализации [8].

Современное направление совершенствования макромоделей динамики социально-экономического развития связано с использованием модели Р. Солоу, основанной на функции Кобба—Дугласа с учетом совместного действия равновесного долгосрочного роста и циклических колебаний вокруг него, определяемых соотношением спроса и предложения.

В работах А.А. Акаева и В.А. Садовниченко предложена методология долгосрочного социально-экономического прогнозирования, основанная на больших «кондратьевских» циклах экономической конъюнктуры и позволяющая обнаружить точки кризисов, рецессий и бифуркаций. В работе В.А. Геловани с соавторами рассмотрены различные сценарии российского развития с учетом распределения доходов между населением, элитой и государством. Учитывалось обновление производственных фондов и технологий, стабильность финансовой системы, зависимость экономики от мирового рынка энергоресурсов.

Авторами показана необходимость модернизации России. Ее направления — рациональное распределение доходов, мотивация к инновациям, адекватная финансовая политика, поощрение национальных производителей и самодостаточное развитие.

Результаты моделирования экономики знаний (с учетом влияния науки и образования) методами нелинейной динамики показали, что активизацию потенциала науки и образования экономика почувствует с запаздыванием, время запаздывания — до пяти лет.

При низкой восприимчивости экономики к инновациям вложение средств в науку и образование не даст результатов.

При подъеме восприимчивости экономики произойдет ее форсированный рост при наращивании финансирования науки и образования.

При его сокращении страна вновь окажется в исходной ситуации бедности в силу отсутствия собственных разработок и эффективных технологий [9].

Для моделирования механизмов возникновения и развития катастрофических событий Г.Г. Малинецкий, С.П. Капица, С.П. Курдюмов разработали синергетический подход на основе корреляции Кондратьевского цикла с социально-политическими событиями [10].

Методология «обратной сборки» Н.Н. Моисеева связана с построением исходной модели с большой областью применения и ее итерациями. На каждом их шаге получают набор более простых моделей.

Г.Г. Малинецким предложены уровни иерархии моделей:

I. Модели мировой динамики и технологических сдвигов. Время прогноза — более 20 лет.

II. Модели региональной динамики. Результаты моделирования на уровне I становятся входными данными для моделей уровня II и так далее. Время прогноза — десятилетия.

III. Макроэкономические модели развития России. Характерный промежуток времени — от 1 года до 10 лет.

IV. Модели динамики регионов России с характерным временным промежутком до года.

V. Модели предсказания катастроф. Время — от секунд до лет.

Интересная модель современной экономики описана в [11]. Она разработана для оценки размеров теневого оборота и налогового потенциала России с учетом деятельности основных агентов экономики, моделирования их состояния и поведения, внутренних и внешних ограничений. Модель показала, что экономический рост России определяется экспортом, а не наоборот (экспорт — ростом), дала оценку вывоза капитала и др.

Завершая краткий обзорный анализ моделей, отметим, что они достаточно детально рассмотрены в сборнике работ [8]. Однако ни одна из сложных задач прогнозирования пока не решена. Нет моделей, дающих ответы на многие вопросы из области экономических систем, биологической эволюции, деятельности мозга. Даже среднесрочные прогнозы погоды (2–3 недели) нередко «падают пальцем в небо».

Компьютерное моделирование имеет ряд ограничений, имитационное моделирование не позволяет сложить модель большой нелинейной подсистемы из блоков-подсистем. Здесь существуют границы предсказуемости, которые следуют из теории хаоса и теории сложных систем. Хаотические системы (например, неустойчивая погода) чувствительны к малейшим изменениям начальных условий («эффект бабочки»). Системы с незначительно различающимися начальными условиями вначале ведут себя схожим образом, а затем начинает экспоненциально нарастать объем вычислений, что практически исключает возможность дальнейшего прогнозирования. Поэтому достаточно точный прогноз погоды можно делать только на 2–3 дня.

В теории сложных динамических систем указываются точные границы сложности для возможных прогнозов, что демонстрируют модели динамических систем в природе, экономике и обществе. Непредсказуемость всегда также означает ограничение возможностей управления. Поэтому подобные рассуждения имеют не только теоретическое, но и огромное практическое значение [12].

Сегодня актуальны прогнозы, позволяющие формировать долгосрочные цели и стратегию их достижения. Предвидение и исследование острых проблем, с которыми человечеству придется столкнуться уже в обозримом будущем, поиск наиболее эффективных путей их преодоления — вот главное целеполагание долгосрочного научного прогнозирования.

Необходимость применения не только прогнозирования, основанного на экстраполяции тенденций, но и прогнозирования как предвидения будущего обосновал Э. Янч [13]. В своей книге он привел следующие исходные определения: «Прогноз (forecast) — вероятностное утверждение о будущем с относительно высокой

степенью достоверности. Предсказание (prediction) — аподиктическое (невероятное) утверждение о будущем, основанное на абсолютной достоверности. Антиципация (anticipation) — логически сконструированная модель с пока неопределённым уровнем достоверности».

Э. Янч вводит также понятие технологического изыскательского и технологического нормативного прогнозирования: «Изыскательское (или поисковое) технологическое прогнозирование (exploratory technological forecasting) начинается с имеющегося в данный момент базиса знаний и ориентировано на будущее, тогда как нормативное технологическое прогнозирование (normative technological forecasting) первоначально оценивает будущие цели, потребности, желания, миссии и т. п., и идет в обратном направлении — к настоящему».

При этом Э. Янч под технологическим прогнозированием понимает перемещение технологии (technology transfer), ставит задачу «нарисовать динамическую картину процесса перемещения технологии» и считает, что основой технологического прогнозирования являются фундаментальные исследования основ науки и техники.

В связи со сказанным рассмотрим кратко некоторые из принципиальных особенностей системного анализа. Остановимся на проблеме разработки средств формирования и анализа целей и функций систем управления и приведем некоторые результаты.

ПАТТЕРН (PATTERN) — первая методика системного анализа, в которой были определены порядок, методы формирования и оценки приоритетов элементов структур целей (названных «деревьями целей») [14]. Целеполагание системы ПАТТЕРН — подготовка и реализация планов военного превосходства США. Перед разработчиками методики была поставлена задача увязки военных и научных планов правительства США. В качестве основы для формирования и оценки «дерева целей» разрабатывались «сценарий» (нормативный прогноз) и прогноз развития науки и техники (изыскательский прогноз).

В методике ПАТТЕРН предложена усложненная экспертная процедура, в которой выделяются три группы критериев оценки: относительной важности; взаимной полезности; состояния и сроков разработки («состояние — срок»). Эти группы критериев применялись для оценки составляющих «дерева целей» и оценки реализации проектов, направленных на достижение этих целей. В последующем разрабатывались и применялись модификации этих видов критериев.

Система ПАТТЕРН явилась важным инструментом анализа трудно решаемых проблем с большой неопределенностью, прогнозирования и планирования их выполнения.

Основные идеи методики применялись в различных областях, как то: научные исследования, проектирование и создание систем различной сложности в научно-исследовательских организациях и на предприятиях, расширение

рынков сбыта военно-космической продукции и т. д. Возможность прогнозирования на срок 10–15 лет соответствовала «жизненному циклу» становления и старения техники.

В последующих работах принципы и признаки структуризации были предложены на основе накопленного авторами опыта формирования структур целей по следующему алгоритму:

- использование интуиции и опыта специалистов;
- частичная формализация этого опыта в виде принципов и приемов;
- использование полученных принципов, приемов и признаков структуризации для активизации интуиции и опыта новых групп специалистов;
- эти группы формируют структуру целей и функций в новых условиях и для решения новых проблем.

При использовании различных признаков структуризации уделялось внимание не только их определению для разных уровней системы управления, но и источникам информации, необходимым для формирования структуры. Однако такой подход не гарантирует полноты анализа.

Дальнейшее развитие было связано с разработкой философских концепций системы и на этой основе созданием моделей и принципов, обеспечивающих полноту структуры целей. В методике, основанной на двойственном определении системы А.И. Умова через понятия «вещи», «свойства», «отношения», предложено двойственное определение, в одном из которых свойства характеризуют элементы, а в другом свойства характеризуют связи (отношения) [15].

Последующие уточнения методики привели к процедурному и факторному способам представления системы управления. В процедурном способе набор функций цикла управления зависит от конкретных условий, в факторном набор объектов управления определяется конкретными условиями. Совместное использование процедурного и факторного представлений системы позволяет обеспечить конкретизацию и полноту анализа целей и задач организационного управления.

На основе философской концепции В.Н. Сагатовского, учитывающей среду и целеполагание, создана методика определения системы, в которой учитываются понятия цели, среды, интервала времени периода существования системы, влияющего на процесс целеполагания, дано обоснование используемых для ее раскрытия и определения признаков структуризации системных моделей. Уровни структуризации методики приведены на рис. 1 [16].

По сравнению с предыдущей, методика обеспечивает большую полноту анализа целей и функций систем управления, помогает выявить новые функции. В структуре методики системы на основе концепции деятельности выделяются цели («выходы»), содержание и формы, методы, средства («входы»). Признаки «структура деятельности» и «вид деятельности» можно менять местами и «смешивать» в пределах уровня.

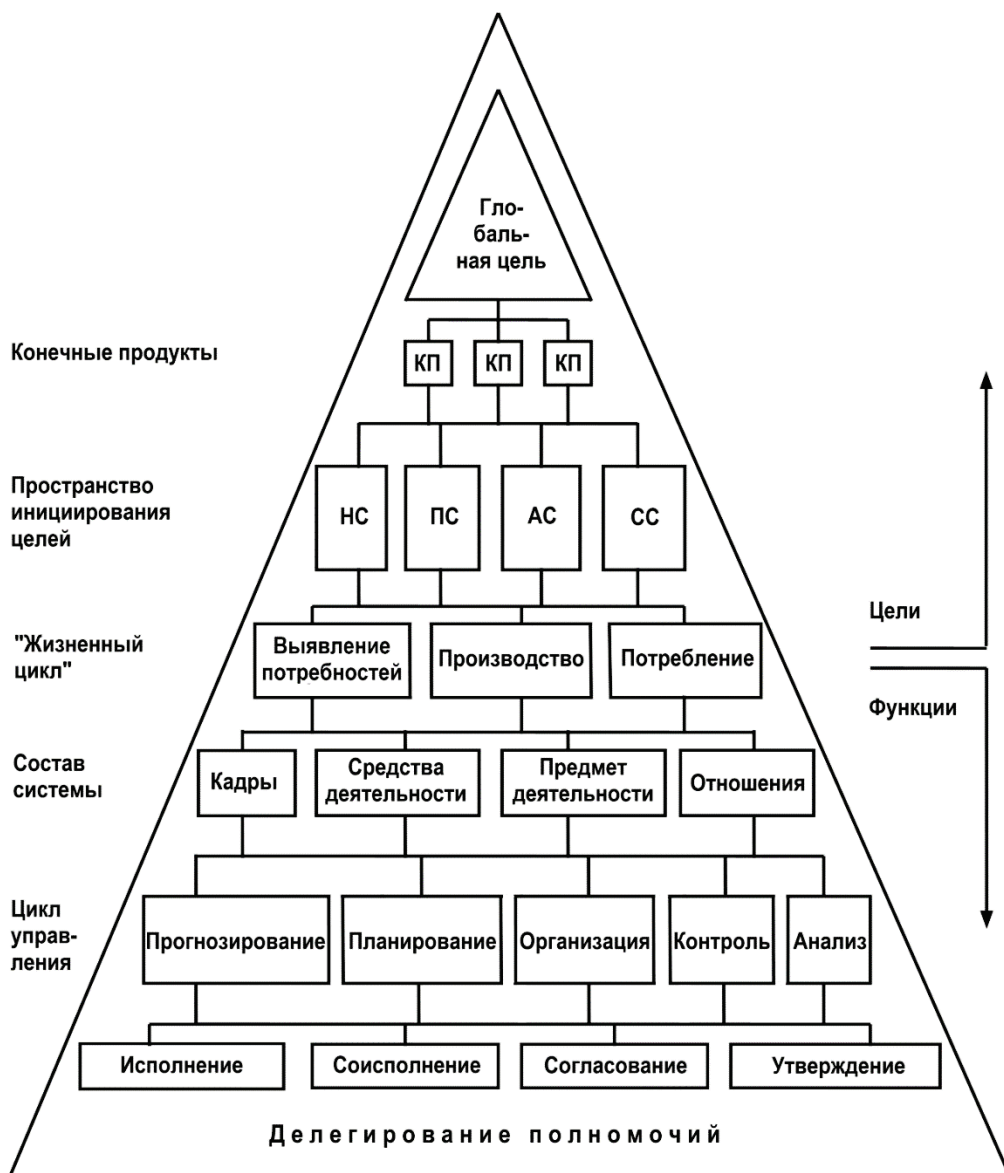

Рис. 1. Уровни структуризации системы в методике, учитывающей среду и целеполагание

Источник: рисунок составлен автором на основе материалов книги: Основы системного подхода и их приложение к разработке территориальных АСУ / под ред. Ф.И. Перегудова // Томск: Изд-во ТГУ. 1976. – 440 с.

Методика предусматривает два основных этапа.

На первом этапе одновременно используется целевой подход к формированию первоначального варианта структуры «сверху» и морфологический, лингвистический, тезаурусный подход к формированию структуры «снизу».

На втором — параллельно используются экспертные оценки наиболее значимых составляющих структуры целей и функций и косвенные количественные оценки, которые затем совместно обрабатываются. При экспертной оценке в качестве критериев используется система критериев, аналогичная ПАТТЕРН.

Рис. 2. Уровни структуризации системы, стремящейся к идеалу

Источник: рисунок составлен автором на основе материалов книги: Акофф Р. О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф. Эмери // М.: «Советское радио». 1974. — 272 с.

Важной для обоснования целей социально-экономических систем является методика структуризации целей системы, стремящейся к идеалу; на ее верхние уровни вынесены следующие составляющие (рис. 2) [17], несколько своеобразно-экзотически названные Р. Акоффом и Ф. Эмери:

— изобилие (политико-экономическая функция);

- правда (познание истины, поиски ценностных ориентаций общества, научная и образовательная функция);
- добро (функция разрешения внутриличностных и межличностных конфликтов и конфликтов между социальными коллективами, т.е. этика, религия, юриспруденция и др.);
- красота (функция эстетики, обеспечивающая не только отдых, но и формирование личности, гражданственности, механизмов целеобразования).

В методике предусмотрен принцип фрактальности, т.е. структуризации каждой ветви нижележащего уровня с использованием составляющих соседних уровней. Она обеспечивает полноту структуризации организаций, цели и функции которых должны охватывать разносторонние условия существования и развития личности.

При необходимости можно создать обобщенную методику формирования и анализа структур целей и функций системы управления. Она должна включить в себя разные методы структуризации и оценки структур, обеспечить полноту их анализа.

Приведенные методики формирования и анализа древовидных иерархических структур целей являются удобным средством организации управления. В сложных многоаспектных многоуровневых системах необходимо стратифицированное и эшелонированное представление их целей и функций с использованием закономерностей целеобразования и методики структуризации целей.

Очевидно, для дальнейшего развития методологии прогнозирования и управления необходимы инновационные модели, основанные на диалектической логике, основных положениях теории систем, системного анализа, кибернетики и синергетики.

Как показано в авторской монографии [18] моделирование экономики может развиваться по направлениям:

- исследование основных механизмов самоорганизации, определяющих движущие силы и пути эволюции экономики и иных сложных систем;
- поддержка успешно работающих, создание на их базе новых и обобщение хорошо работающих моделей.

Важно комплексно и с единых методологических позиций проводить теоретические разработки и моделирование социально-экономического развития России с учетом инновационного вектора и новых информационных технологий. Иначе по каждому шагу модернизации придется действовать, приспосабливаясь к тем или иным локальным обстоятельствам [19].

В заключение статьи отметим, что в условиях существования дефицита ресурсов в экономике и сложившихся искусственных ограничений их притока в результате зарубежных санкций регионам необходимо концентрировать усилия на повышении эффективности использования имеющегося собственного

хозяйственного потенциала. Поэтому экономике России для преодоления отрицательных тенденций и достижения положительных темпов роста необходимы инновационные преобразования и интенсификация использования собственного ресурсного потенциала. При этом следует принимать во внимание общемировые тренды развития, согласно которым именно в системах, базирующихся на применении инновационных технологий и приемах управления, возможен их значительный качественный рост и улучшение экономической динамики. В свою очередь, необходимо заметить, что понятие «качественный рост» не тождественно понятию «экономический рост» и формируется именно на основе инновационной деятельности.

Несмотря на то обстоятельство, что ресурсоориентированная экономическая система может быть эффективной, инновационная модернизация всех функционирующих сфер хозяйственной деятельности придает интенсивность экономическому развитию. В данном случае главными целями выступают освоение новых высоких технологий, переход от невозобновляемых ресурсных источников к возобновляемым при одновременном росте конкурентоспособности российской экономики, а не стремление к количественному росту валового национального продукта. В таких условиях именно инновации, воплощенные в новейших производственных технологиях, становятся более значимыми нежели традиционные формы обновления или ремонта основных средств, реализуемые за счет плановых капитальных затрат. Следует также отметить, что инновационный тип развития связан с функционированием социально-экономической системы в условиях повышенного риска, что вызывает потери ресурсов и обостряет существующую конкуренцию за них среди регионов внутри страны.

Таким образом, в современных условиях для повышения эффективности хозяйственных процессов необходимо внедрение высокотехнологичных решений в жизнедеятельность социально-экономических систем различного уровня.

Литература

1. *Кохно П.А., Кохно А.П.* Сбалансированная экономика России // Москва: Издательский дом «Граница». 2022. — 232 с.
2. *Титов П.М.* Общая теоретическая экономика // Екатеринбург: ООО «Издательство «Калан». 2011. — 256 с.
3. *Кохно П.А., Кохно А.П.* Целостность инноваций // М.: Граница. 2020. — 400 с.
4. *Макаренко Д.И. Хрусталева Е.Ю.* Концептуальное моделирование военной безопасности государства // М.: «Наука». 2008. — 300 с.
5. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия // М.: ЭКСМО, 2007. — 864 с.
6. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Интегральный макропрогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 г. // М.: Институт экономических стратегий. 2006. — 432 с.

7. *Кохно П.А., Косарев А.С.* Конкурентный ресурсно-стоимостной оборонно-промышленный комплекс // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. М. 2017. № 4. С. 18–32.
8. *Макушкин А.Г.* Как сделать Россию конкурентноспособной в мировой среде инновационного развития / В сб. Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию // М.: Изд-во «Когито-Центр». 2011. С. 147–158.
9. Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / Отв. ред. А. Акаев, А. Коротаев, Г. Малинецкий // М.: Из-во ЛКИ. 2010. — 352 с.
10. *Малинецкий Г.Г., Курдюмов С.П.* Нелинейная динамика и проблемы прогноза // Вестник РАН. Т. 71. 2001. № 3.
11. *Поспелов И.Г.* Модель современной экономики России: методы, технология, результаты // В сб. Будущее России. Вызовы и проекты: Экономика, техника. Инновации. // М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2009. С.137–149.
12. *Майнцер К.* Тенденции развития современной науки и образования с точки зрения теории сложных систем. Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика» URL: <http://spkurdyumov.narod.ru>
13. *Янч Э.* Прогнозирование научно-технического прогресса / Пер. с англ. под ред. Д.М. Гвишиани // М.: Прогресс. 1974. — 586 с.
14. *Лопухин М.М.* ПАТТЕРН – метод планирования и прогнозирования научных работ // М.: Сов. Радио. 1971. — 160 с.
15. *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем // М.: Мысль, 1978. — 272с.
16. Основы системного подхода и их приложение к разработке территориальных АСУ / под ред. Ф.И. Перегудова // Томск: Изд-во ТГУ. 1976. — 440 с.
17. *Акофф Р.* О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф. Эмери // М.: «Советское радио». 1974. — 272 с.
18. *Кохно П.А.* Математика инновационного развития: монография / П.А. Кохно, А.П. Кохно, А.А. Артемьев // Тверь: Тверской государственный университет. 2023. — 224 с.
19. *Кохно П.А., Кохно А.П.* Высокотехнологичная промышленная экономика // Москва: Первое экономическое издательство. 2022. — 260 с.

Pavel Kokhno (e-mail: pavelkohno@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,

Director of the Fuzzy Systems Institute (Moscow, Russia)

FORECASTING ECONOMIC DEVELOPMENT ON THE BASIS OF GLOBAL AND DOMESTIC EXPERIENCE

The article notes that the current resource-industrial path of Russia is being brought to an end; its future depends on scientific and technical ideas and developments, creative educated people, modern infrastructure and high technologies and innovations. The country is to carry out modernization, structural and personnel changes. With innovative development, the country will achieve leadership. In the context of globalization, the difficulty of the problem is connected not only with its

nonlinearity but with the issues of the integrity of the national economy and the state as well. These problems are considered in the article from the standpoint of modern theories; an analysis of the methods of forecasting, modeling and system analysis used in managing the country's economic development is carried out.

Keywords: economics, forecasting, modeling, system analysis, methods, innovations, strategy, methodology, hierarchy levels.

DOI: 10.31857/S020736760025988-5

© 2023

Анна Веретенникова

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
(г. Екатеринбург, Россия)
(e-mail: vay_uiec@mail.ru)

Ксения Козинская

исследователь,
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
(г. Екатеринбург, Россия)
(e-mail: ksush1@yandex.ru)

СТИМУЛЫ И ИНТЕРЕСЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АГЕНТОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СЕРВИСОВ «ШЕРИНГ-ЭКОНОМИКИ»

Данное исследование направлено на определение стимулов и интересов, побуждающих экономических агентов к использованию сервисов шеринг-экономики. В ходе эмпирического исследования были выявлены причины, по которым опрошенные пользуются упомянутыми сервисами. Значимость представленного исследования состоит в подтверждении влияния как личных, так и внешних факторов на предпочтение экономических агентов и в выявлении тенденций развития данного направления в России.

Ключевые слова: шеринг-экономика, стимулы, интересы, цифровые сервисы.

DOI: 10.31857/S020736760025989-6

1. Введение

Стремительное внедрение цифровых технологий, трансформация моделей поведения индивидов в сфере приобретения прав собственности, повестка устойчивого развития, а также идея применения более эффективных подходов к использованию ресурсов способствовали формированию и распространению в развитых, а затем и в развивающихся странах, концепции «sharing economy». Перевод данного термина на русский язык породил несколько его трактовок. В частности, в предшествующих работах авторов данной статьи использовался преимущественно термин «долевая экономика». В научной практике распространены отечественные версии данного словосочетания: «экономика совместного потребления», а также «экономика совместного пользования». Широкая дискуссия по этому поводу побудила авторов данной статьи использовать в рамках данного исследования термин «шеринг-экономика» («шеринговая экономика»), как наименее спорный.

Идея шеринг-экономики подразумевает под собой «философию потребления, основанную на доступе, в которой агенты не владеют товарами, а имеют к ним доступ и платят за временный доступ к этим товарам» [19]. Опрос Евростата показал, что 21% граждан ЕС использовали веб-сайт или приложение для организации проживания у другого лица, а 8% — в сфере транспортных услуг¹. Вместе с тем данная бизнес-модель зачастую приравнивается, к так называемой пиринговой экономике (peer-to-peer), основанной на одноранговых взаимодействиях. Следует отметить, что концепция пиринговой экономики, вышедшая за рамки технического объединения (peer-to-peer network), в настоящее время рассматривается как социальная модель с такими характеристиками, как добровольное сотрудничество между равноправными экономическими субъектами, имеющее распределенный характер принятия решений и управления, самоорганизации, создания общественных благ, снижения значимости денежного вознаграждения как основного стимула участия в равноправном экономическом производстве [32]. В дополнение к пиринговым взаимодействиям ученый Р.Чейз [5] определил два других ключевых фактора шеринг-экономики: цифровые платформы и недостаточно используемые ресурсы.

Несмотря на некоторые общие моменты и экспоненциальный рост исследований, посвященных экономике совместного потребления, определения и концептуальные подходы разнообразны и противоречивы [27]. Сложность концептуализации рассматриваемого термина связана с большим разнообразием практик [13], а также с отсутствием общепринятых критериев его определения. В широком смысле, данная бизнес-модель включает в себя совместное потребление (совместное использование недвижимости, автомобилей и других вещей), совместный образ жизни (коворкинг, сожительство, совместное жилье), софинансирование (краудфандинг, обмен и кредитование наличными средствами и альтернативными валютами) и связанное с ними производство (цифровое производство) [29]. Наиболее четкими и исчерпывающими, на наш взгляд, являются определения, предложенные П. Муньосом и Б. Коэном [22], а также Ю. Вангом и Ч. Хо [34], определяющими шеринг-экономику как «социально-экономическую систему, обеспечивающую набор обменов товаров и услуг между отдельными лицами и организациями, которые направлены на повышение эффективности и оптимизацию используемых в обществе ресурсов» и как «новый социальный и технологический феномен, основанный на развитии информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), который подразумевает совместное потребление физических, виртуальных и интеллектуальных товаров».

Важно отметить, что практика совместного потребления, лежащая в основе шеринг-экономики, не является новым феноменом; однако в сочетании

¹ European Commission. Commission Reaches Agreement with Collaborative Economy Platforms to Publish Key Data on Tourism Accommodation. 2020. Available online: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_194 (accessed on 20 March 2023).

с цифровизацией, ее инструментами и последствиями формирования сетевого информационного общества она порождает новые формы собственности, модели организации труда и обмена.

Модель шеринг-экономики, совмещающая в себе принципы конкуренции, сотрудничества, доступа, а также основанная на использовании цифровых технологий, способствует существенной трансформации поведения экономических агентов. Вместе с тем ее появление и распространение обусловлено не только стремительным распространением цифровых платформ, сколько трансформацией ценностных ориентиров, которые вызваны как социально-экономическими изменениями, так и мировоззренческими различиями между поколениями.

Глобальный характер явлений, вызывающих развитие шеринг-экономики, обусловлен ее внедрением в различные виды деятельности. Принцип взаимодействия и обмена ресурсами начал свое распространение преимущественно в области обмена информационными ресурсами, однако его распространение на коммерческую сферу было обусловлено развитием сферы гостеприимства и транспорта, в частности, прототипа платформы AirBnB и Uber. В последние десять лет распространение данной бизнес-модели также транслируется в сектора B2B, G2G, B2C и т. д.

Развитие данной бизнес-модели наблюдается и в российской практике, что подтверждается не только формированием статистических данных по этому направлению, но и институциональным оформлением как процессов регулирования, так и процессов исследования данной бизнес-модели. Так, на базе Российской ассоциации электронных коммуникаций образован кластер «sharing economy», ориентированный на создание благоприятной регуляторной среды для развития сферы экономики совместного потребления в России и рынков, связанных с данным сектором². Согласно отчетам, с 2017 по 2020 г. темп их роста составил 272%. Хотя непосредственно доход организаций шеринг-экономики в величине ВВП составляет, по имеющимся данным, не более 2%, сервисы шеринг-экономики становятся элементами целых экосистем, дополняя деятельность существующих цифровых гигантов (Yandex, SberBank).

Следует также отметить, что с 2019 года были реализованы существенные подвижки в регулировании отдельных аспектов шеринг-экономики — в частности, получил развитие институт самозанятых, приняты нормативно-правовые акты в отношении регулирования инвестиционных платформ³, а также формируется юридическая практика разрешения вопросов, связанных с сервисами, которые функционируют в рамках данной бизнес-модели.

Из сказанного следует, что в условиях формирования цифровой среды складываются новые институты, вызванные изменением потребностей рынка,

² РАЭК / Sharing Economy. Режим доступа: <https://raec.ru/clusters/sharingeconomy/> (20/03/2023)

³ Федеральный закон "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 02.08.2019 г. N 259-ФЗ.

социально-экономическими тенденциями, цифровым развитием и трансформацией ценностей поколений, а действующие правила и нормы трансформируются.

Таким образом, целью данного исследования является определение стимулов и интересов экономических агентов при использовании модели «шеринг-экономики». Для достижения данной цели был проведен зарубежный и отечественный опыт исследования по данной тематике, проведено эмпирическое исследование потребителей сервисов шеринг-экономики и выявлены стимулы, обуславливающие решение экономических агентов использовать данный тип сервисов для удовлетворения своих потребностей.

2. Теоретический анализ факторов, влияющих на развития шеринг-экономики

Исследованию факторов, влияющих на восприятие шеринг-экономики (sharing economy) в сознании потребителей, посвящено значительное количество научных работ. При этом однозначного понимания того, какие именно факторы являются ключевыми в этом процессе в различных социально-экономических условиях, остается открытым. Большинство исследователей считают, что восприятие пользователей определяет изменение мотивов, а также их ослабление или усиление у пользователей и производителей в экономике совместного пользования (sharing economy). Ю. Хамари и др. [10] и К. Хеллвиг и др. [11] выделяют идеологические и экономические факторы. А. Дэвидсон и др. [7] подчеркивают разнообразие мотивов (удобство, гибкость, взаимодействие, местная аутентичность, экономическая выгода) и восприятия участников. П. Пизано и др. [22] показывают, что участие в практике шеринг-экономики, с одной стороны, основано на доверии, но, с другой стороны, может изменить восприятие и мышление пользователей в сторону повышения прозрачности, открытости, сотрудничества и обмена. А. Эквайр и др. [2] и М. Мелманн [21] рассматривают внешнюю и внутреннюю мотивацию. В то же время Н. Чанг и Х. Ли [6] подчеркивают важность и распространенность внешней мотивации, поскольку утилитарная и гедонистическая мотивация, а также воспринимаемое доверие положительно влияют на потребительскую склонность. С. Барнс и Я. Маттссон [3] выделяют экономические, экологические, политические, социальные и технологические факторы, влияющие на восприятие потребителей. В. Ребязина с соавторами [24] объясняют установки и ожидания участников экономики совместного пользования социально-технологическими, экономико-политическими и личностными группами факторов, подчеркивая, что восприятие во многом зависит от социально-демографических и психологических особенностей участников.

Восприятие участников может быть рациональным с экономической точки зрения, с учетом возможности получения выгоды от снижения цены и транзакционных издержек, а также осознания бессмысленности вложений в дорогие товары ограниченного пользования. В то же время, личные установки основаны не только на материальных стимулах. Изменение культурных и социальных норм в сторону

разумного, или «ответственного», потребления (*англ.*: «*sustainable consumption*», букв.: «устойчивое потребление») способствует позитивному восприятию новых институтов. В то же время значительная часть потребителей приписывает экономике совместного пользования экологические преимущества и считает, что такая практика способствует укреплению социальных связей [13]. Вероятно, миллениалы более готовы к позитивному восприятию новых способов потребления; причем это связано не только с эволюцией моделей потребления от поколения к поколению, но и является дополнительным следствием более интенсивного распространения среди них цифровых практик, создания репутационных и рейтинговых онлайн-механизмов и снижения рисков в восприятии потребителей.

Изучение факторов, определяющих контекст чувствительности потребителей к совместным услугам на основе эмпирических данных, чрезвычайно важен с нескольких точек зрения. Во-первых, такой анализ позволяет понять перспективы развития экономики совместного использования в различных социально-экономических условиях. Во-вторых, выявление ключевых факторов позволяет выстраивать маркетинговую стратегию шеринговых сервисов.

Существует ограниченное количество исследований, посвященных различию восприятия экономики совместного пользования в зависимости от личностных особенностей респондентов. Одно из исследований было проведено группой ученых в рамках проекта EU H2020 «Миллениалы и экономика совместного потребления: европейские перспективы» [23]. Авторы отчета отмечают, что миллениалы демонстрируют «расходящиеся модели потребления по сравнению со старшим поколением». Они также ссылаются на других исследователей, таких как Й. Ху и др. [34] или Н. Кляйн и М. Смарт [17], которые пришли к выводу, что миллениалы с меньшей вероятностью будут владеть недвижимостью и с большей вероятностью предпочтут общественный или другой вид транспорта собственному автомобилю. Другие исследования подтверждают, что миллениалы в большей степени вовлечены в деятельность экономики совместного пользования, чем представители старшего поколения. Например, основанный на ответах 1000 взрослых опрос в Северной Америке показал, что «миллениалы почти в три раза чаще используют жилье — такое как Airbnb, или пользуются профессиональными услугами — такими как подготовка налоговой декларации, — чем люди в возрасте 35 лет и старше» [16]. Таким образом, можно предположить, что возраст является одним из доминирующих факторов, определяющих намерение участвовать в шеринг-экономике.

Результаты исследования, проведенного Г. Буда [4], показали, что на «открытость» к услугам шеринг-экономики влияют такие социально-экономические характеристики, как «экономический статус» (открытость преобладает среди активных работников и студентов), «поколение» (представители поколения Y и Z гораздо более открыты для использования услуг совместной экономики; бэби-бумеры отказываются от услуг совместной экономики) и образование. В данном исследовании

пол не был определяющим фактором. Однако другие исследователи утверждают, что женщины более мотивированы к участию в экономике совместного пользования [8].

В исследованиях российского опыта использования сервисов шеринг-экономики Н. Иванова и др. исследуют общее состояние шеринговой экономики в России [14]. С. Ревина и др. [25] проанализировали «текущий уровень использования и перспективы развития моделей экономики совместного потребления в России» с помощью опросов студентов двух российских вузов, однако, в данной работе отсутствует анализ восприятия сервисов.

В свою очередь, Бархатов и др. [1] уделяли большое внимание проблеме доверия. Таким образом, была сформулирована следующая гипотеза.

Гипотеза 1: Личностные характеристики, такие как возраст, доход и образование, являются предикторами вовлеченности человека в практику шеринг-экономики.

Не менее важным вопросом при исследовании стимулов к использованию экономики совместного пользования является ее преимущество в сравнении с традиционными формами потребления и использования ресурсов. Сравнительное преимущество определяется как степень, в которой пользователь считает, что участие в экономике совместного пользования (например, Airbnb) будет более выгодным, чем альтернативное решение (например, коммерческое размещение, Hotels.com). В качестве одного из факторов принятия инноваций сравнительное преимущество относится к «восприятию» относительных преимуществ по сравнению с конкурентами. Это определение близко к относительной привлекательности, положительное влияние которой на поведение экономических агентов было предложено С. Джеон и др. [15]). Он объясняет процесс сравнения пользователями новой технологии с конкурентной, предлагаемой на рынке.

Наряду с ростом экономики совместного пользования, увеличивается ее конкурентоспособность по сравнению с традиционной экономикой [35]. Таким образом, пользователи сравнивают коммерческий сервис обмена и существующие сервисы при принятии решения.

Тем не менее до сих пор литература о мотивации индивидуумов к участию в экономике совместного пользования, в основном была сосредоточена на привлекательности собственности в рамках экономики совместного пользования как таковой. Фактически исследование, проведенное Р. Сейн и К. Богенбергер [29], выявило относительное преимущество «совместного использования автомобилей» по сравнению с владением автомобилем или его полным отсутствием. Тем не менее исследование имеет ограничения в предложении механизма структурного построения и факторов, способствующих намерению участия. Предлагаемыми примерами относительного преимущества в исследовании были экономия денег, комфорт, удобство, экономия времени, отсутствие обязанностей собственности, разнообразие участников, удобство использования (гибкий, спонтанный, независимый) и экологические преимущества.

В этом контексте мы предлагаем относительное преимущество, чтобы заполнить этот исследовательский пробел.

Гипотеза 2. Сравнительное с альтернативными вариантами преимущество на рынке оказывает положительное влияние на использование шеринг-экономики.

Организации, действующие в рамках шеринг-экономики, безусловно, конкурентоспособны с точки зрения экономической выгоды, обеспечивая более эффективное использование активов, заменяя исключительную собственность на товары более рациональным выбором [10]. Более того организации шеринг-экономики имеют возможность сопоставлять спрос и предложение в реальном времени в глобальном масштабе [19]. Помимо экономически выгодной платформы, пользователи шеринг-экономики считают совместное использование экономией времени, денег и даже освобождением от обязанностей собственности, обеспечивая автономию. В этом, очевидно, заключается отличительная конкурентоспособность экономики совместного пользования по сравнению с традиционной экономикой. Таким образом, была сформулирована гипотеза о влиянии экономических стимулов на развитие шеринг-экономики.

Гипотеза 3. Экономическая выгода от использования сервисов шеринг-экономики определяет выбор данной экономической модели агентами.

Одним из очевидных преимуществ шеринг-экономики является то, что агенты имеют возможность инициировать и поддерживать социальные отношения. Пользователи коммерческих систем обмена ожидают социальную выгоду, а также экономическую выгоду, чтобы удовлетворить желание увеличить социальные связи [27]. Пользователь получает возможность напрямую взаимодействовать с другими пользователями в экономике совместного использования, что в конечном итоге способствует установлению социальных связей помимо экономического обмена. Таким образом, социальный опыт обогащает экономику совместного использования еще одним конкурентным преимуществом, которое не может обеспечить традиционная транзакция.

Гипотеза 4. Социальная выгода от использования сервисов шеринг-экономики определяет выбор данной экономической модели агентами.

Еще одним преимуществом совместной экономики (например, Airbnb) является эпистемологическая выгода. Эпистемологическая выгода относится к выгоде, получаемой от способности продукта удовлетворять любопытство, обеспечивать новизну и / или удовлетворять стремление пользователя к знаниям [32]. Исследовательское поведение, стремление к новизне и поиску разнообразия являются примерами эпистемологических ценностей. Кроме того, склонность потребителей к принятию новых продуктов согласуется с эпистемологической выгодой [30].

Основные последователи экономики совместного пользования имеют тенденцию к отличительным потребительским предпочтениям, будучи потребителями с высоким культурным капиталом, которые возглавляют новую тенденцию потребления.

Экономика совместного пользования проявляется исключительно в расширении объема коммерчески обмениваемых продуктов. Что касается конкуренции за качество продукции, Airbnb конкурирует за новизну и опыт в масштабах, специализируясь на необычных местах для проживания, которые удовлетворяют эпистемологическому желанию. Они предоставляют «эксклюзивное жилье в доме... что-то менее традиционное, например, дом на дереве иглу» (Airbnb.Inc, n.d.). По сравнению с традиционным обслуживанием, собственники жилья на Airbnb выборочно предлагают индивидуальные услуги, например, инвентарь (велосипеды), доп. информацию о рекомендуемых местах посещения и т. д. Гости также имеют возможность изучить местную культуру и пообщаться с местными жителями. Эти практические примеры свидетельствуют об относительном преимуществе экономики совместного пользования по сравнению с традиционной экономикой.

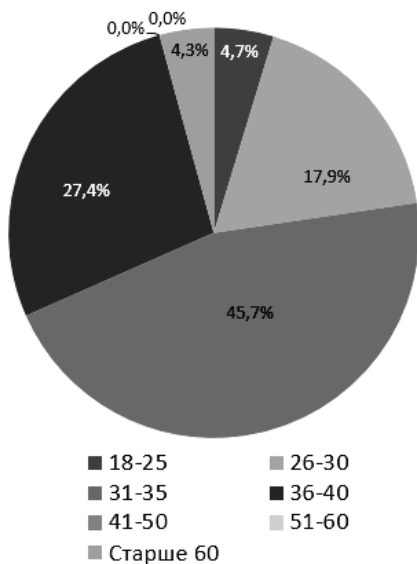
Гипотеза 5. Стимул получения нового опыта определяет выбор данной экономической модели агентами.

Для проверки представленных гипотез было проведено эмпирическое исследование, более детально описанное ниже.

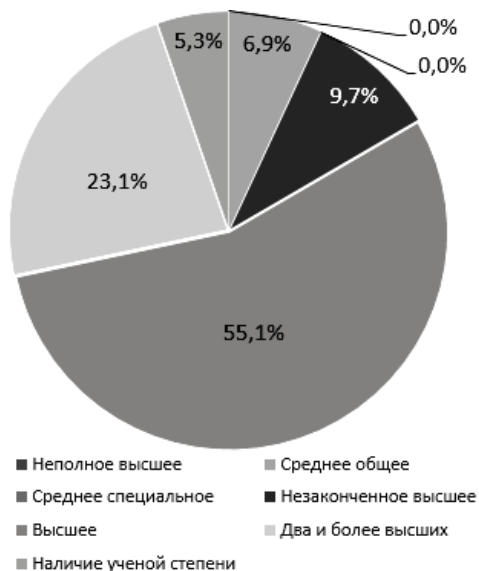
Методология исследования

Цель эмпирического исследования — выявление факторов (личностных и внешних), влияющих на выбор субъектов использования сервисов совместного потребления в России. В опросе приняли участие респонденты, проживающие на территории России, основной метод опроса — онлайн-анкетирование, распространенное с помощью интернет-рассылок и социальных сетей.

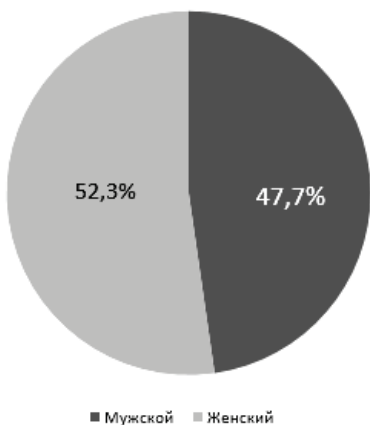
Разработка анкеты проходила в несколько этапов. На первом этапе для исследования практики использования шеринг-экономики был определен перечень сервисов, относящийся к данной сфере: сервисы такси, аренды недвижимости, аренды машин, прокат самокатов, аренды инструментов и оборудования, совместные поездки. На втором этапе на основе предшествующих исследований выдвинуты гипотезы о возможных причинах и драйверах развития данных сервисов исходя из предпочтений экономических агентов. На финальном этапе составлен список из 33 вопросов, разбитых на 3 группы, соответствующие ключевым задачам данного опроса. Первая часть — социально-демографические характеристики респондентов; вторая часть — практика использования перечисленных выше сервисов, третья часть вопросов была посвящена предпочтениям в отношении тех или иных сервисов шеринг-экономики. Анкета была размещена в открытом доступе в Google Forms. В опросе приняли участие 220 респондентов в возрасте с 18 до 65 лет. При этом 45% опрошенных составляли люди в возрасте от 31 до 35 лет, что связано с ограничениями в процессе распространения данного опроса, однако доля мужчин и доля женщин, принявших участие в опросе, были равны (рис.1).

А) Характеристика выборки по возрасту

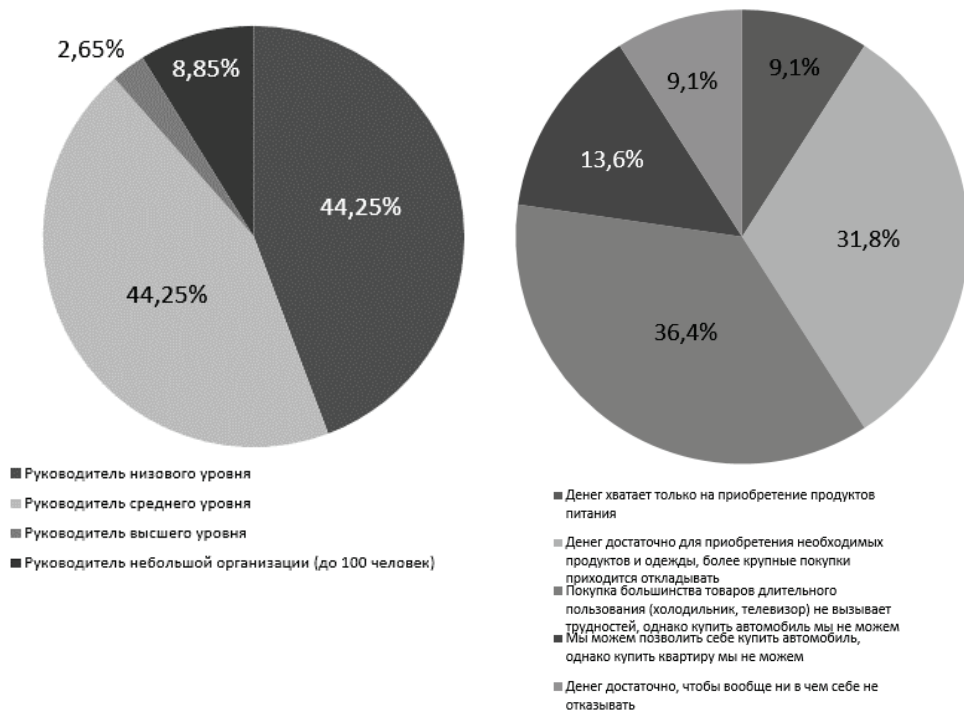
Б) Характеристика выборки по образованию

В) Характеристика выборки по полу

Г) Характеристика выборки по категориям персонала

Д) Характеристика выборки по занимаемым должностям (для руководителей)

Е) Характеристика выборки по уровню жизни (доходу)

Рис. 1. Социально-демографическая характеристика выборки

Источник: получено авторами на основе авторского эмпирического исследования.

В работе использовался факторный анализ для выявления уровня комфорта при использовании сервисов шеринг-экономики. Анализ данных, полученных в результате эмпирического исследования, проводился в несколько этапов с использованием языка программирования *Python* и соответствующей программной среды. Для определения факторной структуры использованы ответы на вопросы о комфорте при использовании тех или иных сервисов шеринг-экономики. Данные были протестированы при помощи критерия сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 100.1, p < 0,0005$) и критерия КМО (0,74), свидетельствующего о допустимом значении коэффициента Альфа Кронбаха.

С помощью построенного графика каменистой осыпи (рис. 2) определено наличие трех факторов, оказывающих наиболее значимое влияние на использование шеринг-экономики.

Первый фактор отражает отношение к собственности при использовании сервисов шеринг-экономики. В этот фактор вошли следующие вопросы:

«Насколько комфортно Вы бы себя ощущали при получении займа у незнакомого человека посредством цифровой платформы; при сдаче квартиры в аренду незнакомому человеку посредством цифровой платформы; при совместном использовании или обмене домом / квартирой с незнакомым человеком?». Второй фактор характеризует вопросы, связанные с уровнем комфорта при коммуникациях, в частности: «Присоединение к платформе для встреч / общения с людьми на вашей улице / в сообществе» и «Совместная поездка с незнакомым человеком». Третий фактор является смешанным, в него вошли вопросы по обмену трудовыми ресурсами, а также по обмену вещами (одеждой, детскими игрушками и др.). В табл. 1 представлены результаты проведенного анализа.

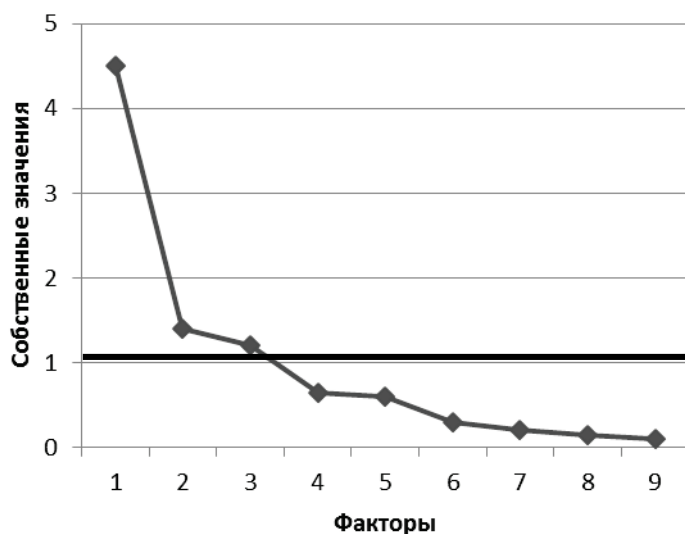

Рис. 2. График каменистой осыпи.

Источник: получено авторами на основе авторского эмпирического исследования.

Представленные результаты исследования позволяют сделать следующие выводы. В отношении проверки гипотезы 1 было выявлено, что из 220 респондентов, принимавших участие в исследовании, более 90% знакомы с сервисами шеринг-экономики. Лишь 20 респондентов в возрасте более 60 лет и в возрастной когорте 35–40 лет на вопрос об использовании данных сервисов ответили «скорее нет», при этом уровень образования или пол не играют существенной роли в пользовании данными сервисами. Уровень дохода ввиду ограниченного количества опрошенных также не оказался влияющим фактором, однако данная гипотеза требует дополнительной проверки.

Таблица 1

Результаты факторного анализа

Фактор	Вопрос	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Средний балл вопроса
Отношение к собственности	Получение займа у незнакомого человека посредством цифровой платформы.	0,70			2,2
	Сдача квартиры незнакомому человеку посредством цифровой платформы.	0,76			3,4
	Совместное использование или обмен домом / квартирой с незнакомым человеком.	0,79			2,95
	Предоставление доступа к Вашей машине знакомым людям.	0,86			2,75
	Предоставление доступа к Вашей машине незнакомым людям.	0,56			2,1
Отношение к общению при использовании сервисов	Присоединение к платформе для встреч / общения с людьми на вашей улице / в сообществе.		0,83		2,9
	Совместная поездка с незнакомым человеком.		0,97		2,55
Смешанный фактор, относящийся к работе	Обращение посредством цифровой платформы к незнакомым людям с просьбой выполнения того или иного типа работ.			0,58	3,85
	Использование вещей.			0,50	2,7
Суммарное значение факторов		3,67	2,71	3,31	

Источник: получено авторами на основе авторского эмпирического исследования.

Частота использования шеринг-экономики в разрезе конкретных сервисов представлена в табл. 2.

Когорта респондентов до 35 лет активно используют сервисы доставки еды и маркетплейсы. При этом респонденты старше 35 чаще пользуются маркетплейсами и вызовом такси, чем другими сервисами. Однако использование сервисов каршеринга более развито у людей в возрасте до 35 лет. Только 33% респондентов до 35 лет и 57% старше 35 лет не используют данных сервисов. Также 26% респондентов в возрасте до 35 лет не пользовались сервисами проката самокатов, в возрасте более 35 лет – 43%. Можно сделать вывод о том, что количество сервисов шеринг-экономики, используемых в повседневной

жизни, больше распространено в возрастной категории от 18 до 35 лет, что подтверждает также тезис о развитии данного направления среди поколения Y (миллениалы).

Таблица 2

**Результаты анализа использования сервисов и платформ
шеринг-экономики**

Сервисы шеринг-экономики		Возраст (лет)		
		18–30, %	31–35, %	36–40, %
Такси	Используют	100	97	95
	Не используют		3	5
Аренда	Используют	50	50	50
	Не используют	50	50	50
Аренда машин	Используют	75	60	50
	Не используют	25	40	50
Финансы	Используют		9	7
	Не используют	100	91	83
Самокаты	Используют	90	57	50
Инструменты	Используют		7	25
	Не используют	100	93	75
Поездки	Не используют	100	25	70
	Используют		75	30

Источник: получено авторами на основе авторского эмпирического исследования.

В отношении использования сервисов аренды выявлено, что распределение по возрастам неоднородно. Наблюдается следующая тенденция использования аренды транспортных средств: чем моложе респонденты, тем больше вероятность использования данного вида сервисов.

При проверке гипотезы 2 был проведен анализ предпочтений экономических агентов на примере транспортных средств, сервисов инструментов, а также аренды. При опросе, респондентам было предложено отметить вероятность использования того или иного решения от 1 (как наиболее вероятно) до 7 (наименее вероятного). Как видно из анализа рис. 3, предпочтения экономических агентов распространяются на традиционные способы использования транспортных средств — в первую очередь, использование общественного транспорта и такси. В случаях использования сервисов инструментов (рис. 4) также не наблюдается интереса к сервисам шеринг-экономики, так как опрошенные предпочитают купить необходимые инструменты или взять их у друзей.

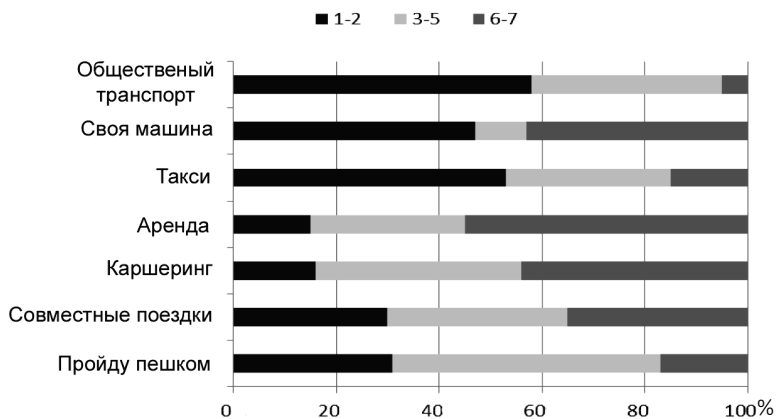

Рис. 3. Предпочтения респондентов в отношении обозначенных способов передвижения, %.

Источник: получено авторами на основе авторского эмпирического исследования.

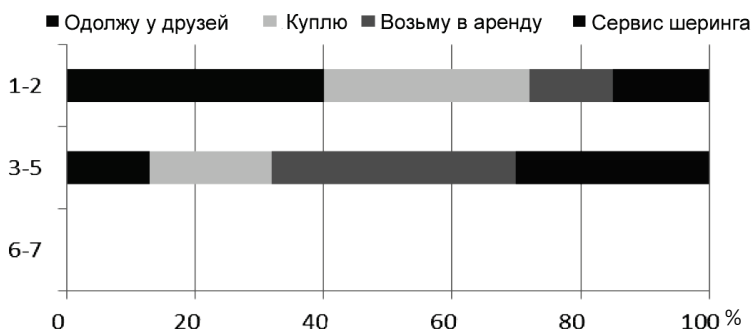

Рис. 4. Предпочтения респондентов в отношении использования шеринг-инструментов и вещей, %.

Источник: получено авторами на основе авторского эмпирического исследования.

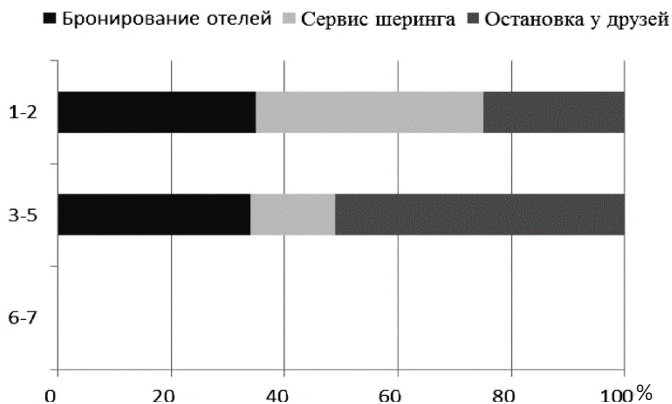

Рис 5. Предпочтения респондентов в отношении использования сервисов аренды жилья, %.

Источник: получено авторами на основе авторского эмпирического исследования.

Однако, как видно на рис. 5, решение вопросов временного жилья связано с использованием сервисов шеринг-экономики. Более 30% опрошенных предпочитают данные сервисы. Таким образом, помимо аренды недвижимости, экономические агенты используют традиционные сервисы.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ позволил определить стимулы использования шеринг-экономики. Следует отметить целесообразность разделения стимулов на три группы: экономическую, социальную, экологическую, что определяется не только неоднородностью развития шеринг-экономики, но и широким перечнем отношений, которые возникают при реализации практики совместного потребления и использования.

Экономические стимулы. Согласно проведенному опросу, основная причина, по которой респонденты до 35 лет используют сервисы шеринг-экономики, — это увеличение мобильности (70% респондентов). У опрошенных старше 35 лет выраженная тенденция использования данного вида сервисов отсутствует. Другой значимый фактор использования данной модели потребления — выгода от использования, а также положительный опыт друзей и знакомых (59% всех опрошенных).

Однако экономия средств также оказывается немаловажным фактором при принятии данных решений. Модель совместного использования при взаимодействии экономических агентов позволяет более эффективно распоряжаться временными и финансовыми ресурсами. Таким образом, мы можем говорить о подтверждении гипотезы 2, несмотря на то что экономические стимулы являются не главной причиной использования сервисов.

Социальный стимул. Получение нового опыта в социальном взаимодействии при использовании сервисов шеринг-экономики отметили менее 10% от всех опрошенных, при этом все эти респонденты старше 31 года. Интересно отметить, что, как правило, сервисы шеринг-экономики, где необходимо взаимодействовать с другим лицом, например, при совместных поездках или аренде инструментов — не распространены в России, и в этих случаях респонденты испытывают дискомфорт. Однако это не касается сервисов поиска работы или обращения к другим людям за выполнением какой-либо работы.

Исследование также показало, что уровень доверия к другим агентам и платформам играет важную роль. 100% респондентов, использующих сервисы шеринг-экономики, отметили, что изучают отзывы не только о самом сервисе, но и о других агентах. Однако доля тех, кто заходит в личные профили социальных сетей или связывается напрямую до использования услуги — менее 20%. Таким образом, можно говорить о формировании и дальнейшем развитии социальных рейтингов не только самих платформ, но и отдельных агентов.

Гипотеза о наличии социального стимула не подтвердилась, и можно сделать вывод о том, что препятствием для развития данных сервисов может являться нежелание контактировать при совместном использовании ресурсов.

Стимул получения нового опыта. Среди опрошенных только 32% отметили важность получения нового опыта при использовании сервисов шеринг-экономики. При этом все респонденты, ответившие на этот вопрос положительно, принадлежат возрастной когорте до 35 лет, что обусловлено, по нашему мнению, восприимчивостью ко всему новому. Таким образом, гипотеза 4 не подтвердилась (рис. 6, 7).

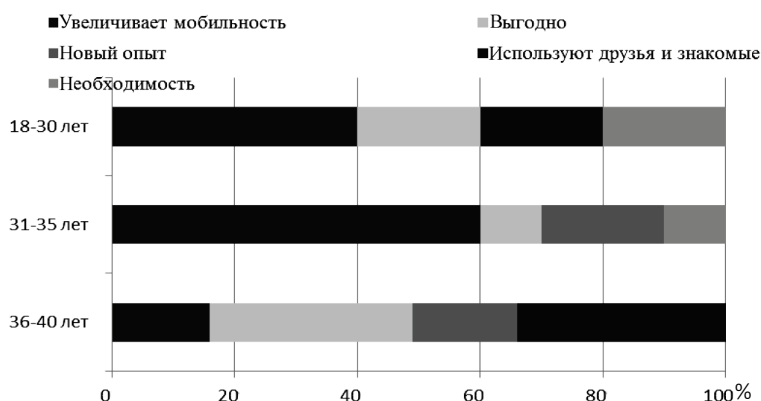

Рис. 6. Причины, по которым респонденты стали использовать сервисы шеринг-экономики в разрезе возрастных групп.

Источник: получено авторами на основе авторского эмпирического исследования.

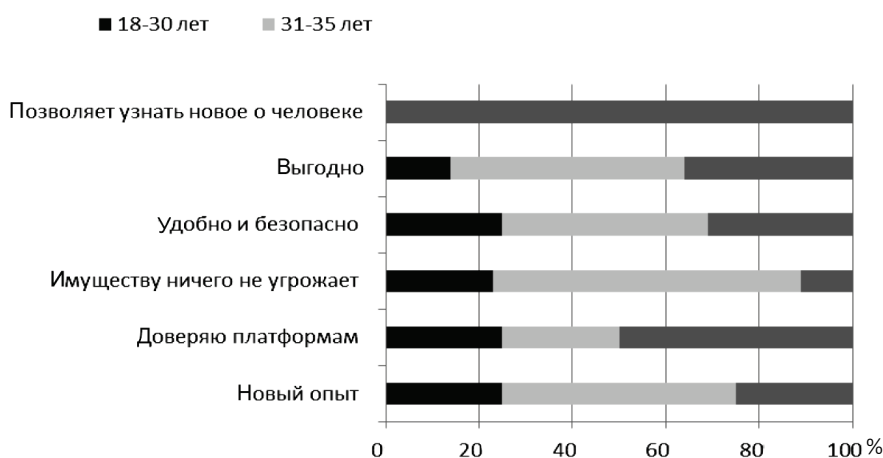

Рис. 7. Причины, по которым респонденты продолжают использовать сервисы шеринг-экономики.

Источник: получено авторами на основе авторского эмпирического исследования.

Следует отметить, что в России (и это согласуется с предшествующими исследованиями, проведенными в других странах) считают себя заботящимися об окружающей среде только 60% респондентов, что не позволило установить тесной связи экологических стимулов непосредственно с использованием сервисов шеринг-экономики.

Теоретическая значимость представленного исследования состоит в подтверждении влияния личных и внешних факторов на предпочтения в пользу сервисов шеринг-экономики; практическая значимость – в выявлении тенденций развития сервисов шеринг-экономики в России. Представленные результаты исследования могут быть использованы при построении эффективной институциональной среды, позволяющей развивать потенциал цифровых платформ и экономики совместного пользования для решения общественно значимых задач.

Литература

1. *Бархатов В.И., Сорокин Д.А.* Эффективность институциональных форм в трансформируемой экономике. Монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та. 2007.
2. *Acquier A., Daudigeos T., Pinkse J.* Promises and paradoxes of the sharing economy: An organizing framework // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. № 125. P. 1–10.
3. *Barnes S.J., Mattsson J.* Understanding collaborative consumption: Test of a theoretical model // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. № 118. P. 281–292.
4. *Buda G., Pethes B., Lehota J.* Dominant Consumer Attitudes in the Sharing Economy – A Representative Study in Hungary // *Resources*. 2019. № 9. P. 1.
5. *Chase R.* Peers Inc: How People and Platforms Are Inventing the Collaborative Economy and Reinventing Capitalism. 2015. Available online: <https://www.amazon.com/Peers-Inc-Collaborative-Reinventing-Capitalism-ebook/dp/B00TT1VTA6> (accessed on 22 March 2023).
6. *Chung N., Lee H.* Sharing economy in geotag: What are the travelers' goals sharing their locations by using geotags in social network sites during the tour? // *International Journal of Tourism Cities*. 2016. № 2. P. 125–136.
7. *Davidson A., Habibi M.R., Laroche M.* Materialism and the sharing economy: A cross-cultural study of American and Indian consumers // *Journal of Business Research*. 2018. № 82. P. 364–372.
8. *Diamantopoulos A., Schlegelmilch B.B., Sinkovics R.R., Bohlen G.M.* Can socio-demographics still play a role in profiling green consumers? A review of the evidence and an empirical investigation // *Journal of Business Research*. 2003. № 56. P. 465–480.
9. European Commission. Commission Reaches Agreement with Collaborative Economy Platforms to Publish Key Data on Tourism Accommodation. 2020. Available online: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_194 (accessed on 20 June 2021).
10. *Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A.* The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2016. № 67. P. 2047–2059.
11. *Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A.* The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2016. № 67. P. 2047–2059.
12. *Hellwig K., Morhart F., Girardin F., Hauser M.* Exploring Different Types of Sharing: A Proposed Segmentation of the Market for “Sharing” Businesses // *Psychology & Marketing*. 2015. № 32. P. 891–906.

13. *Herbert M., Collin-Lachaud I.* Collaborative practices and consumerist habitus: An analysis of the transformative mechanisms of collaborative consumption // *Recherche et Applications en Marketing* (English Edition). 2017. № 32. P. 40–60.
14. ING International. ING International Special Report on the Sharing Economy. 2015. Available online: <https://www.ing.com/Newsroom/News/European-sharing-economy-to-grow-by-a-third-in-the-next-12-months.htm>.
15. *Ivanova N.I., Vlezkova V.I., Logunova Y.A.* Sharing Economy in Russia and the World: Features, Obstacles and Outlook. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS // Proceedings of the II International Scientific Conference GCPMED 2019 – “Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development”, Samara, Russia, 7–8 November 2019. P. 707–713.
16. *Jeon S., Kim Y. G., & Koh J.* An integrative model for knowledge sharing in communities-of-practice // *Journal of Knowledge Management*. 2011. № 15 (2). P. 251–269. <https://doi.org/10.1108/13673271111119682>.
17. *Kats R.* No One Is More Into the Sharing Economy than Millennials. 2017. Available online: <https://www.emarketer.com/Article/No-One-More-Sharing-Economy-than-Millennials/1015886> (accessed on 15 May 2020).
18. *Klein N.J., Smart M.J.* Millennials and car ownership: Less money, fewer cars // *Transport Policy*. 2017. № 53. P. 20–29.
19. *Kristjansson S., Westrom H.* Sharing Economy in Denmark. 2016. Available online: <https://research.cbs.dk/en/studentProjects/8b192b04-6363-44ad-834d-ba66da20ccee> (22.03.2023).
20. *Malhotra A., Van Alstyne M.* The dark side of the sharing economy and how to lighten it // *Communications of the ACM*. 2014. № 57(11). P. 24–27.
21. *Möhlmann M.* Collaborative consumption: Determinants of satisfaction and the likelihood of using a sharing economy option again // *Journal of Consumer Behaviour*. 2015. № 14. P. 193–207.
22. *Muñoz P., Cohen B.* Mapping out the sharing economy: A configurational approach to sharing business modeling // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. № 125. P. 21–37.
23. *Pisano P., Pironti M., Rieple A.* Identify Innovative Business Models: Can Innovative Business Models Enable Players to React to Ongoing or Unpredictable Trends? // *Entrepreneurship Research Journal*. 2015. № 5.
24. *Ranzini G., Newlands G., Anselmi G., Andreotti A., Eichhorn T., Etter M., Hoffmann C.P., Jurss S., Lutz C.* Millennials and the Sharing Economy: European Perspectives // *SSRN Electronic Journal*. 2017.
25. *Rebiazina A.V., Berezka S.M., Antonova N.G.* Consumer’s attitude to the sharing economy in Russia. *Russ. Manag. J.* 2020, 18, 255–278.
26. *Revinova S., Ratner S., Lazanyuk I., Gomonov K.* Sharing Economy in Russia: Current Status, Barriers, Prospects and Role of Universities // *Sustainability*. 2020. № 12. 4855.
27. *Roy M.* Sharing economy and sustainability // *Sustainable Development Strategies: Engineering, Culture and Economics*. 2021. P. 167–188.
28. *Schor J.B., Fitzmaurice C.J.* Collaborating and Connecting: The emergence of the sharing economy. Cheltenham, Handbook on research on teaching, 2014.
29. *Schor J.* Debating the sharing economy // *Journal of Self-Governance and Management Economics*. 2016. № 4. P. 7–22.
30. *Seign R., Bogenberger K.* Prescriptions for the Successful Diffusion of Carsharing with Electric Vehicles. Conference on Future Automotive Technology // *Focus Electromobility*. 2012. P. 18–19.
31. *Sheth J.N., Newman B.I., Gross B.L.* Why we buy what we buy: A theory of consumption values // *Journal of Business Research*. 1991. № 22. P. 159–170.

32. *Strahilevitz L.J., Benkler Y.* The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom // *The Yale Law Journal*. 2007, Vol. 116, 1472.
33. *Sweeney J.C., Soutar G.N.* Consumer perceived value: The development of a multiple item scale // *Journal of Retailing*. 2001. № 77. P. 203–220.
34. *Wang Y.-B., Ho C.-W.* No Money? No Problem! The Value of Sustainability: Social Capital Drives the Relationship among Customer Identification and Citizenship Behavior in Sharing Economy // *Sustainability*. 2017. № 9. 1400.
35. *Xu Y., Johnson C., Bartholomae S., O'Neill B., Gutter M.S.* Homeownership among Millennials: The Deferred American Dream? // *Family and Consumer Sciences Research Journal*. 2015. № 44. P. 201–212.
36. *Zervas G., Proserpio D., Byers J. W.* The Rise of the Sharing Economy: Estimating the Impact of Airbnb on the Hotel Industry. 2013.

Anna Veretennikova (e-mail: vay_uiec@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher,

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

(Ekaterinburg, Russia)

Ksenia Kozinskaya (e-mail: ksush1@yandex.ru)

Researcher,

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

(Ekaterinburg, Russia)

INCENTIVES AND INTERESTS OF ECONOMIC AGENTS WHEN USING THE SERVICES OF SHARING ECONOMY

The article summarizes the results of an empirical research aimed at determining the reasons and motives of economic agents to participate in sharing economy. The opinions of the respondents who used the services of sharing economy have been classified and analyzed.

The study confirms the importance of personal and external factors in the preference for the use of sharing economy services, as well as in determining future trends in the development of sharing economy services in Russia.

Keywords: sharing economy, incentives, interests, digital services.

DOI: 10.31857/S020736760025989-6

© 2023

Алла Салмина

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

(г. Москва, Россия)

(e-mail: salmina-aa@ranepa.ru)

ВОСПРИЯТИЕ НЕРАВЕНСТВА НАСЕЛЕНИЕМ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ЕГО ПОКАЗАТЕЛИ В СТРАНАХ МИРА: ЕСТЬ ЛИ ВЗАИМОСВЯЗЬ?

По данным некоторых эмпирических исследований, с запросом людей на сокращение неравенства сильнее коррелирует именно субъективное восприятие неравенства, а не фактическая его глубина в стране. Учет воспринимаемого неравенства дает возможность принять во внимание критику существующих подходов к оценке объективного неравенства и направить дискуссию о проблемах неравенства в продуктивное русло. В связи с этим изучение взаимосвязи объективного неравенства и субъективного его восприятия представляется одной из перспективных задач. В данной статье представлены результаты сравнительного анализа взаимосвязи отношения к неравенству и различных показателей неравенства на данных России и ряда европейских стран. В отличие от предыдущих исследований, помимо коэффициента Джини и децильного коэффициента, в анализ включены индикаторы, отражающие другие аспекты неравенства.

Ключевые слова: неравенство, восприятие неравенства, население, коэффициент Джини, децильный коэффициент, коэффициент Пальма.

DOI: 10.31857/S020736760025990-8

Введение

Все больше экономистов приходят к пониманию, что неравенство по доходам оказывает влияние на общество не только само по себе, но и через субъективное его восприятие. По данным некоторых эмпирических исследований, с запросом людей на сокращение неравенства сильнее коррелирует именно субъективное восприятие неравенства, а не фактическая его глубина в стране [3; 5]. Все это подчеркивает важность изучения отношения людей к неравенству.

Ряд ведущих российских экономистов также обращают внимание на важность учета субъективного восприятия неравенства населением, а не только объективных его показателей [5; 7; 8]. Д. Трейзман и В. Гимпельсон в своем исследовании приходят к выводу, что «большинство теорий о политических последствиях неравенства должны быть переосмыслены как теории о последствиях воспринимаемого неравенства» [5. Р. 27].

Учет воспринимаемого неравенства дает возможность принять во внимание критику существующих подходов к оценке неравенства и направить дискуссию

о проблемах неравенства в продуктивное русло. Как пишет в своей статье Р. Капелюшников: «Если большинству людей существующее в их обществах неравенство кажется приемлемым, то каким бы высоким оно ни было фактически, у них не будет оснований требовать от государства более активного перераспределения доходов... И наоборот: если существующее в их обществах неравенство воспринимается ими как нетерпимое, то каким бы низким оно ни было фактически, это будет подрывать политическую и социальную стабильность. Похоже, в данном случае мы сталкиваемся с классической проблемой пропущенной переменной: эта переменная — субъективное восприятие неравенства членами общества» [7. С. 129]. Иначе говоря, рост объективных показателей неравенства не всегда влечет за собой соответствующий общественный запрос на его сокращение.

В связи с этим изучение взаимосвязи объективного неравенства и субъективного его восприятия представляется одной из перспективных задач. В данной статье на данных России и ряда европейских стран проведен сравнительный анализ взаимосвязи отношения населения к неравенству и различных показателей неравенства.

Предыдущие исследования

Согласно ряду исследований, восприятие неравенства может оказывать большее влияние на общественный запрос на снижение неравенства, чем объективный уровень неравенства по доходам [1; 2; 3; 5]. Данный факт делает исследование восприятия неравенства особенно актуальным и важным для понимания природы неравенства и формирования механизмов регулирования неравенства в стране.

Рассмотрим некоторые исследования в данной области. По расчетам В. Гимпельсона и Д. Трейзмана, жители разных стран чаще переоценивают долю богатства верхнего одного процента населения, например, жители Великобритании считают, что верхнему одному проценту принадлежит 59% всех богатств страны, в то время как фактически — всего 23% [5]. Можно полагать, что на характер взаимосвязи объективного и субъективного неравенства влияет то, что люди не всегда точно оценивают уровень неравенства в стране.

Согласно исследованию Михаэла Нортон и Дэна Ариэли, жители США существенно преувеличивали рост неравенства с 1960 г. [6]. По данным другого исследования, только 14% испанцев корректно оценивали свое место (дециль) на шкале распределения доходов [4].

При этом предполагается, что высокое неравенство по доходам повышает запрос населения на перераспределение ресурсов, и, наоборот, в странах с низким объективным неравенством запросы на перераспределение ниже. В основе таких утверждений лежит предположение, что люди объективно оценивают глубину доходного неравенства в стране. Изучению того, насколько это соответствует реальности, посвящено исследование В. Гимпельсона и Д. Трейзмана [5]. Отношение населения к неравенству было оценено авторами на данных Международной программы социального обследования (англ. “International Social Survey Program”,

сокращ. “ISSP”). В качестве источника данных об объективных показателях неравенства использовалась Всемирная база данных доходов (англ. “World Income Inequality Database”, сокращ. “WIID”).

В. Гимпельсон и Д. Трейзман рассчитали коэффициент корреляции между средними значениями субъективной оценки людьми глубины неравенства и отдельными объективными показателями неравенства. В качестве субъективных оценок неравенства использовались следующие переменные: 1) субъективная оценка значения коэффициента Джини; 2) субъективная оценка соотношения доходов руководителей компаний и неквалифицированных рабочих [5. С. 37]. Оценки авторов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Оценки коэффициента корреляции между объективными и субъективными показателями неравенства

	Субъективная оценка значения коэффициента Джини	Субъективная оценка соотношения доходов руководителей компаний и неквалифицированных рабочих
Коэффициент Джини по доходам (до выплаты налогов и социальных платежей)	0,01	0,32
Коэффициент Джини (после выплаты налогов и социальных платежей)	0,37	0,25
Децильный коэффициент (соотношение верхней границы дохода девятого дециля и верхней границы дохода первого дециля), после выплаты налогов и социальных платежей	0,36	0,05
Коэффициент Джини по накопленному богатству (2010 г.)	–0,17	0,16
Доля богатства верхних 10% населения (2009 г.)	0,09	0,02

Источник: в таблице представлены расчеты В. Гимпельсона и Д. Трейзмана на данных Международной программы социальных обследований (англ. “International Social Survey Program”) [5. С. 37].

Как видно из табл. 1, корреляция всех показателей не превышает 0,40. Из показателей неравенства сильнее всего с субъективной оценкой коэффициента Джини коррелирует коэффициент Джини (после выплаты налогов и социальных платежей) и децильный коэффициент (после выплаты налогов и социальных платежей). Наименее слабо с субъективной оценкой неравенства связан коэффициент Джини по валовым доходам, то есть до выплаты налогов и социальных платежей, и доля богатства верхних 10% населения [5. С. 37].

В регрессионном анализе в качестве зависимой переменной использовалась степень согласия с высказыванием «Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми» (в шкале от 1 до 5, где 1 — совсем не согласен, 5 — полностью согласен). Авторы оценивали влияние на данную зависимую переменную объективного показателя Джини и воспринимаемого уровня неравенства (значение коэффициента Джини) [5. С. 42]. Коэффициент Джини был включен в модель в двух формах — «до вычета налогов и социальных платежей» и «после вычета налогов и социальных платежей».

Согласно результатам регрессионного анализа, запрос на сокращение неравенства (оцениваемого высказыванием «Правительство должны принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми») совсем не подвержен влиянию фактического показателя коэффициента Джини (как до вычета налогов и социальных платежей, так и после) [5. С. 43].

В то же время статистически значимое и довольно сильное влияние оказывает на данный запрос субъективная оценка неравенства. Более высок запрос на сокращение неравенства в тех странах, население которых считает уровень неравенства высоким. Значимость влияния воспринимаемого неравенства оказалась устойчивой, робастной и при контроле ряда дополнительных индивидуальных характеристик населения.

Таким образом, на данных ISSP В. Гимпельсон и Д. Трейзман показали, что жители многих стран имеют довольно слабое представление о том, какая действительно в стране глубина неравенства по доходам и по богатству. Люди чаще всего склонны необъективно оценивать глубину неравенства в стране. Этот вывод внес важный вклад в изучение субъективного неравенства и показывает важность его изучения — для формирования мер снижения неравенства в странах. В связи с этим В. Гимпельсон и Д. Трейзман предложили дискуссию о негативном влиянии неравенства вести в рамках теории «воспринимаемого неравенства» [5]. В данной работе будет продолжено данное исследование, но на других международных данных и с включением в анализ более широкого круга индикаторов объективного неравенства.

Методология исследования

Для оценки субъективного уровня неравенства могут использоваться опросы — Международная программа социальных исследований (сокращ. — ISSP) и Европейское социальное исследование (сокращ. — ESS). Сравнение данных двух опросов представлено в табл. 2.

Для решения наших исследовательских задач были выбраны данные Европейского социального исследования, так как они содержат в себе более поздние и подробные данные. Данные ISSP по России включают в себя оценки только за 1992 г., 1999 г. и 2009 г.

Таблица 2

Список вопросов, включенных в большинство волн опросов Международной программы социальных исследований и Европейского социального исследования

№	Вопросы в анкете	Опрос	Годы (опрос в России)	Комментарий
1	Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми (1 – полностью согласен, 5 – совершенно не согласен)	ESS	2006, 2008, 2010, 2012, 2014, 2016, 2018 (для других стран также – 2002, 2004)	В западных статьях чаще всего именно эти две переменные используются для измерения «отношения к неравенству»
2	Государство должно уменьшать различия в доходах между теми, у кого низкие и у кого высокие доходы (1 – совершенно согласен, 5 – совершенно не согласен)	ISSP	1987, 1992, 1999, 2009 (для других стран также – 1985, 1990, 1991, 1993, 1994, 1996, 1998, 2000, 2010, 2012, 2016, 2017)	
3	Различия в доходах в России сейчас слишком велики (1 – совершенно согласен, 5 – совершенно не согласен)	ISSP	1987, 1992, 1999, 2009	—

Примечание: ESS – Европейское социальное исследование (на англ. «European Social Survey»), ISSP – Международная программа социального обследования (на англ. «International Social Survey Programme»).

Взаимосвязь объективного и субъективного неравенства

Чтобы ответить на вопрос, насколько субъективное отношение к неравенству может быть связано с объективными его характеристиками, был проведен корреляционный анализ на страновых усредненных данных.

В модель включены несколько разных индикаторов неравенства, чтобы выяснить, какие из них наилучшим образом отражают изменение субъективного восприятия неравенства (далее – запроса на сокращение неравенства). В качестве объективных индикаторов неравенства были отобраны ряд характеристик: коэффициент Джини, децильный коэффициент, коэффициент Пальма. Используемые при расчетах статистические данные за 2016 г. представлены в табл. 3.

На рисунках 1–4 представлены значения индикаторов неравенства для стран с различной долей сторонников неравенства. К сторонникам сокращения неравенства в данном случае были отнесены россияне, согласившиеся с суждением «Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми» (сумма "полностью согласных" и "согласных"). Для

оценки отношения к неравенству использованы данные Европейского социального исследования (сокращ. – ESS) за 2016 г.

Таблица 3

Индикаторы неравенства по доходам и уровня жизни населения стран в 2016 г.

	Коэффициент Джини (Всемирный банк)	Коэффициент Джини (ОЭСР), предполагаемый доход, после выплаты налогов	Коэффициент Пальма	Децильный коэффициент	Уровень бедности – 60% от медианы (после вычета налогов)	ВВП на душу по ППС, в текущих ценах
Албания	0,34					
Австрия	0,31	0,28	1	3,5	0,15	52614
Бельгия	0,28	0,27	0,92	3,3	0,18	48611
Болгария	0,41	0,40	1,89	5,8	0,24	20010
Швейцария	0,33	0,30	1,12	3,8	0,16	65720
Кипр	0,33					
Чехия	0,25	0,25	0,87	3,0	0,11	36098
Германия	0,32	0,29	1,07	3,8	0,17	50564
Дания	0,28	0,26	0,91	2,9	0,13	51962
Эстония	0,31	0,31	1,15	4,7	0,22	31229
Испания	0,36	0,34	1,32	5,3	0,22	37310
Финляндия	0,27	0,26	0,91	3,0	0,13	44930
Франция	0,32	0,29	1,07	3,4	0,14	42852
Великобритания	0,35	0,35	1,45	4,2	0,18	44138
Греция	0,35	0,33	1,29	4,7	0,20	27823
Хорватия	0,31					
Венгрия	0,30	0,28	0,99	3,3	0,14	27700
Ирландия	0,33	0,31	1,15	3,8	0,17	72018
Израиль	0,39	0,35	1,38	5,4	0,24	37856
Исландия	0,00	0,26	0,89	3,0	0,12	53032
Италия	0,35	0,33	1,25	4,5	0,20	39923
Литва	0,38	0,38	1,64	5,8	0,24	30925
Латвия	0,34	0,35	1,37	5,3	0,23	26407
Нидерланды	0,28	0,29	1,03	3,4	0,15	52284
Норвегия	0,29	0,26	0,91	3,1	0,14	58917
Польша	0,31	0,29	1,01	3,7	0,16	27947
Португалия	0,35	0,33	1,3	4,5	0,19	31604

	Коэффициент Джини (Всемирный банк)	Коэффициент Джини (ОЭСР), располагаемый доход, после выплаты налогов	Коэффициент Пальма	Децильный коэффициент	Уровень бедности – 60% от медианы (после вычета налогов)	ВВП на душу по ППС, в текущих ценах
Румыния	0,34	0,33	1,25	5,5	0,25	24311
Россия	0,37	0,33	1,28	4,6	0,20	24125
Швеция	0,30	0,28	1,02	3,3	0,17	50425
Словения	0,25	0,24	0,81	3,1	0,14	33875
Словакия	0,25	0,24	0,78	3,1	0,13	29651
Турция	0,42	0,40	1,91	5,7	0,25	26510

Источник: статистика ОЭСР, Всемирного банка.

Примечание: все данные приведены по оценкам ОЭСР, кроме коэффициента Джини (Всемирный банк).

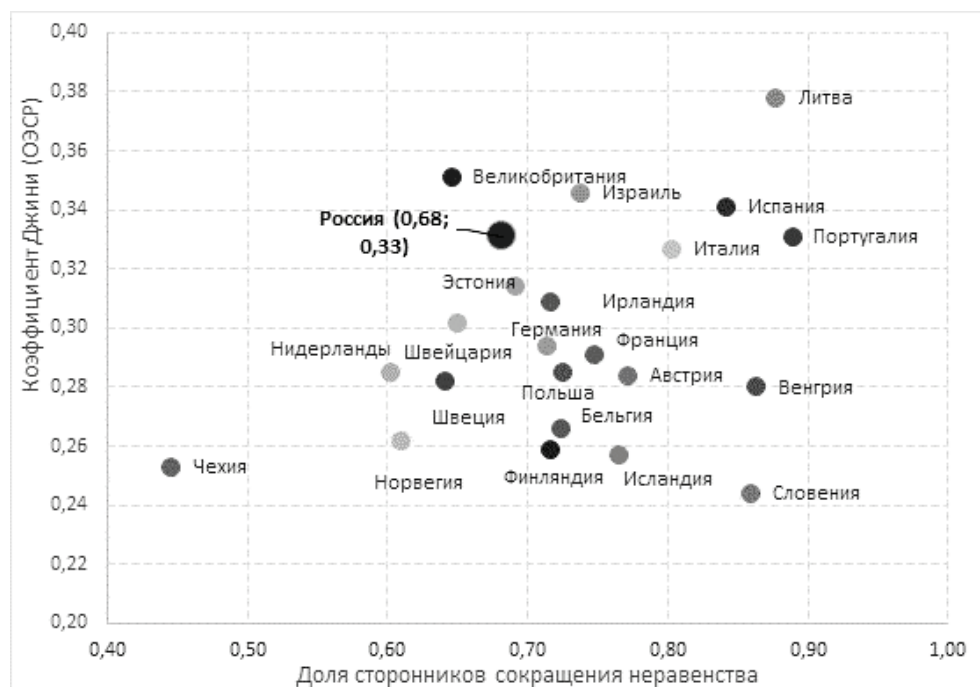

Рис. 1. Значения коэффициента Джини для стран с разной долей сторонников сокращения неравенства.

Источник: статистические данные ОЭСР за 2016 г.; расчеты автора на данных ESS за 2016 г.

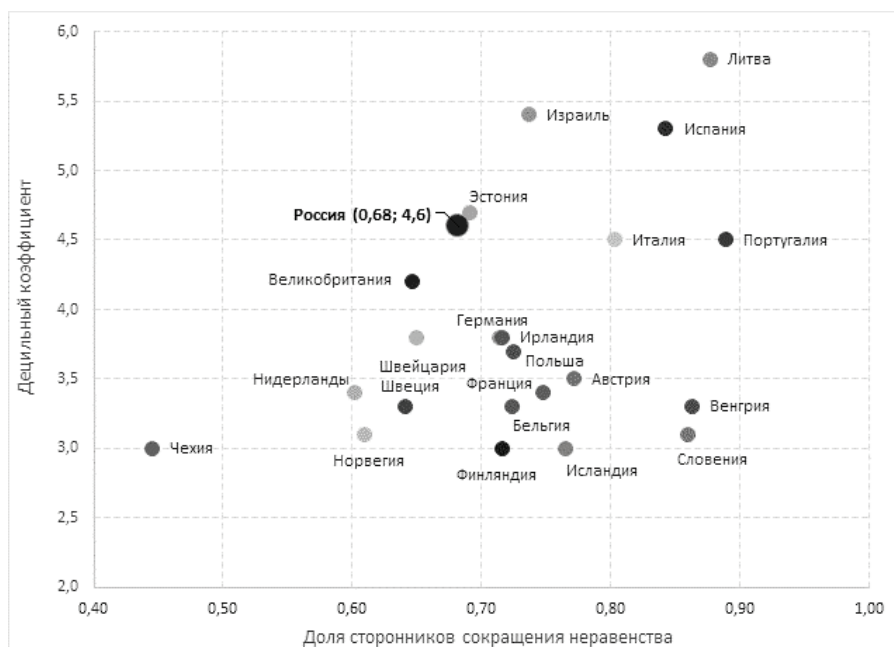

Рис. 2. Значения децильного коэффициента для стран с разной долей сторонников сокращения неравенства.

Источник: статистические данные ОЭСР за 2016 г.; расчеты автора на данных ESS за 2016 г.

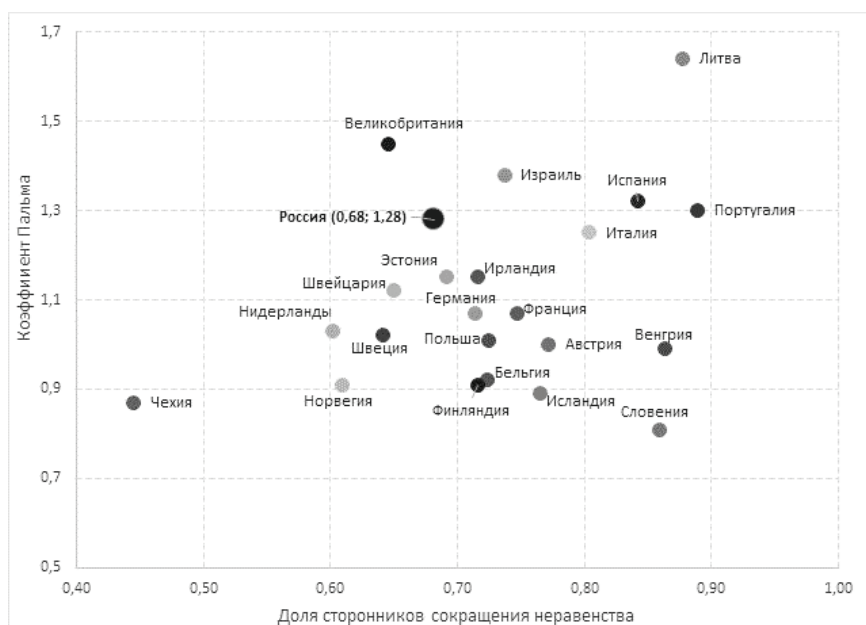

Рис. 3. Значения коэффициента Пальма для стран с разной долей сторонников сокращения неравенства.

Источник: статистические данные ОЭСР за 2016 г.; расчеты автора на данных ESS за 2016 г.

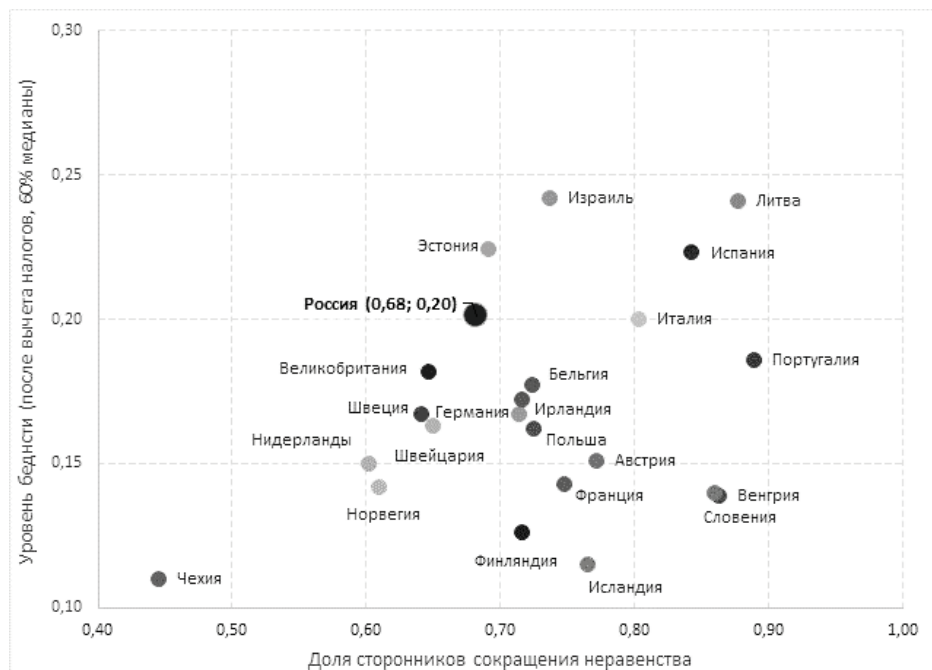

Рис. 4. Индикатор уровня бедности для стран с разной долей сторонников сокращения неравенства.

Источник: статистические данные ОЭСР за 2016 г.; расчеты автора на данных ESS за 2016 г.

Примечание: в качестве границы бедности при расчете уровня бедности использовано 60% от медианного дохода после вычета налогов и социальных платежей.

Как видно, на рисунках 1–3 Россия находится в группе стран с одновременно высоким объективным уровнем неравенства и со сравнительно умеренными запросами населения на сокращение неравенства. Наиболее близкие к России страны по коэффициенту Джини, децильному коэффициенту, коэффициенту Пальма – Эстония, Великобритания и Израиль.

В большинстве европейских стран с такой же, как в России, долей сторонников сокращения неравенства глубина объективного неравенства значительно ниже, чем в России. В связи с этим можно говорить, что запросы россиян на сокращение неравенства вполне умеренные и могли бы быть выше – с учетом объективно более высокого уровня неравенства в стране.

Представленные данные, особенно по децильному коэффициенту, дают основание предполагать, что между индикаторами неравенства и долей сторонников сокращения неравенства может быть статистически значимая линейная связь. В то же время, данные корреляционного анализа свидетельствуют об обратном. В табл. 4 представлены результаты корреляционного анализа средних по странам показателей объективного неравенства и запроса на его сокращение.

Таблица 4

Корреляция согласия респондентов с высказыванием «Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми» с различными индикаторами неравенства и уровня жизни населения (2016 г.)

Индикаторы	Коэффициент Спирмена
Коэффициент Джини (ОЭСР), располагаемый доход, после выплаты налогов	–0,17
Децильный коэффициент	–0,24
Коэффициент Пальма	–0,16
Уровень бедности – 60% от медианы (после вычета налогов)	–0,18
ВВП на душу по ППС, в текущих ценах	0,51*

Источник: статистические данные ОЭСР за 2016 г.; расчеты автора на данных ESS за 2016 г.

Примечание: (*) – статистически значимо на уровне 0,05.

Ни один из индикаторов неравенства, включенных нами в анализ, не связан статистически значимо с запросом на сокращение неравенства. В то же время наблюдается статистически значимая связь запроса на сокращение неравенства с уровнем ВВП стран на душу населения.

Наше исследование (на рассмотренных данных) вносит вклад в опровержение гипотезы о наличии статистически значимой связи между объективными показателями неравенства и запросом населения на сокращение неравенства. Данный вывод соответствует и результатам предыдущих исследований [5], но, в отличие от них, включает в себя дополнительные показатели – коэффициент неравенства Пальма и уровень бедности стран.

Таким образом, отношение населения стран к проблеме неравенства может не отражать объективные показатели неравенства, такие как, например, коэффициент Джини.

Заключение

Наше исследование внесло свой небольшой вклад в понимание природы взаимосвязи субъективного восприятия неравенства и объективных его показателей. Согласно данным эконометрического анализа страновых данных за 2016 г., запрос россиян на сокращение доходного неравенства не связан статистически значимо с объективными показателями доходного неравенства стран, такими как коэффициент Джини, децильный коэффициент и коэффициент Пальма. Наши выводы не противоречат результатам предыдущих исследований взаимосвязи объективной глубины неравенства в европейских странах и субъективной ее оценки населением [5].

Данные выводы в очередной раз подтверждают актуальность изучения субъективного неравенства и влияющих на него факторов. Отсутствие статистически значимой корреляции объективных показателей неравенства и субъективного

неравенства может означать, что используемые для измерения объективного неравенства индикаторы недостаточно точно измеряют те аспекты неравенства, на которые люди реагируют наиболее остро. Либо речь идет о том, что субъективное восприятие неравенства в большей мере зависит от других аспектов жизни населения, например, от текущей динамики доходов населения и иных показателей экономического роста. Большую роль в восприятии неравенства могут играть также ценности населения и сложившиеся в стране культурно-исторические факторы.

Литература

1. *Bussolo M., Torre I., Ferrer-i-Carbonell A.* I Perceive Therefore I Demand: the Formation of Inequality Perceptions and Demand for Redistribution // World Bank Policy Research Working Paper. 2019. No. 8926.
2. *Bussolo M., Peragine V., Sundaram R.* Toward a New Social Contract: Taking on Distributional Tensions in Europe and Central Asia. Europe and Central Asia Studies; Washington, DC: World Bank. 2018. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/30393>.
3. *Engelhardt C., Wagener A.* Biased Perceptions of Income Inequality and Redistribution. CESifo Working Paper Series. 2014. No. 4838. URL: <https://ssrn.com/abstract=2463129>.
4. *Fernández-Albertos J., Kuo A.* Income Perception, Information, and Progressive Taxation: Evidence from a Survey Experiment. Political Science Research and Methods. 2018. No. 6(1). P. 83–110. URL: [doi:10.1017/psrm.2015.73](https://doi.org/10.1017/psrm.2015.73).
5. *Gimpelson V.E., Treisman D.* Misperceiving Inequality. Economics and Politics. 2018. Vol. 30. No. 1. P. 27–54.
6. *Norton M.I., Ariely D.* Building a Better America – One Wealth Quintile at a Time. Perspectives on Psychological Science. 2011. No. 6(1). P. 9–12. URL: <https://doi.org/10.1177/1745691610393524>.
7. *Капелюшников Р.И.* Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117–139.
8. *Капелюшников Р.И.* Экономическое неравенство — вселенское зло? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 91–106.

Alla Salmina (e-mail: salmina-aa@ranepa.ru)

Ph.D. in Sociology, Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

THE PERCEPTION OF INEQUALITY BY THE POPULATION AND ITS OBJECTIVE INDICATORS IN THE COUNTRIES OF THE WORLD: IS THERE A RELATIONSHIP?

According to some empirical studies, it is the subjective perception of inequality, rather than its actual depth in the country, that is more strongly correlated with people's desire to reduce inequality. Considering perceived inequality makes it possible to take into account

the criticism of existing approaches to the assessment of actual inequality and make the discussion about the problems of inequality productive.

In this regard, the study of the relationship between objective inequality and its subjective perception seems to be promising. This article presents the results of a comparative analysis of the relationship between the attitude of the population to inequality and various indicators of inequality based on data from Russia and several European countries. Unlike previous studies, the article includes the analysis of other indicators that reflects various aspects of inequality, in addition to the Gini coefficient and the decile ratio.

Keywords: inequality, attitudes to inequality, population, Gini coefficient, decile ratio, Palm coefficient.

DOI: 10.31857/S020736760025990-8

© 2023

Ирина Степусь

кандидат экономических наук, заместитель директора

(e-mail: stepus@petsu.ru)

Валерий Гуртов

профессор, доктор физико-математических наук, директор

(e-mail: vgurt@petsu.ru)

(Центр бюджетного мониторинга ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет») г. Петрозаводск, Россия

ВАХТОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ В ЭКОНОМИКЕ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ: ДИНАМИКА, МАСШТАБЫ, ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В статье с использованием данных статистики и результатов опроса работодателей анализируется динамика и масштабы распространения вахтовой занятости в регионах Арктической зоны России, а также отраслевой и профессионально-квалификационный состав вахтовых работников. По результатам анализа обобщены возможности и угрозы, связанные с использованием вахтового труда на арктических территориях.

Ключевые слова: вахтовый метод, Арктическая зона России, трудовая миграция, занятость населения, угрозы и возможности.

DOI: 10.31857/S020736760025036-8

Регионы Арктической зоны России (далее – АЗ РФ) относятся к наиболее трудодефицитным регионам страны¹. Необходимость кадрового обеспечения экономики АЗ РФ, реализации масштабных инвестиционных проектов в суровых природно-климатических условиях обусловили распространение вахтового метода организации труда, который становится одним из ярких проявлений трудовой миграции в арктических регионах России. А.Н. Силин рассматривает вахтовый труд как «социальный феномен, позволяющий нивелировать отсутствие в Российской Арктике необходимого человеческого капитала» [1].

Определение и сущность вахтового метода организации труда законодательно регламентированы главой 47 Трудового кодекса Российской Федерации (ст. 297–302), где под вахтовым методом понимается особая форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников,

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-78-10148 «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы».

¹Об особенностях поддержки граждан в возрасте до 35 лет в связи с их привлечением работодателями на работу из другой местности в 2022 – 2023 годах. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=129684>.

когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания. При этом в состав вахтовых работников могут входить как работники, постоянно проживающие на территории субъекта, так и работники, привлекаемые из других регионов России, а также работники из зарубежных стран.

В советский период по принципу вахтового метода была организована работа лесозаготовительной промышленности, требующая мобилизации огромных масс населения², а также деятельность студенческих строительных отрядов. Локальное использование вахтового метода на российском Севере началось в 1960-е гг. при промышленной эксплуатации нефтяных месторождений Тюменской области, с 1990-х годов вахтовый метод стал стандартной наиболее распространённой практикой освоения ресурсов и создания сопутствующей инфраструктуры [2].

В настоящее время вахтовый метод является общепризнанным наиболее экономичным и действенным способом организации труда в труднодоступных и малоосвоенных районах и используется как в отечественной, так и в зарубежной практике (Канада, США, Норвегия, Австралия).

Изучению различных аспектов вахтовой миграции как особой формы организации труда в Арктической зоне России посвящены многочисленные исследования.

Социальные аспекты использования вахтового метода в циркумполярных районах подробно рассмотрены в трудах А.Н. Силина. Выводы автора базируются на многолетних социологических исследованиях вахтовых трудовых мигрантов, членов их семей, экспертов, менеджмента компаний, использующих вахтовый труд. По результатам этих исследований автором разработаны и внедрены в деятельность авторитетных нефтегазодобывающих компаний социальные технологии, позволяющие нивелировать негативные последствия образа жизни вахтовиков, повысить эффективность их труда и улучшить качество жизни [3,4].

Вопросы адаптации вахтовых работников в Арктике, влияния негативных факторов вахтового труда на состояние физического и психического здоровья работников также рассматриваются в научных публикациях сотрудников НИИ Арктической медицины при Северном государственном медицинском университете [5,6]. Ряд работ посвящен изучению нормативно-правовой регламентации вахтовой миграции в АЗ РФ в условиях действующего законодательства [7].

М.А. Питухина изучает вахтовый труд в Арктике с точки зрения межнационального аспекта [8]. По мнению автора, в арктических регионах крайне важно учитывать вероятность возникновения конфликтов между трудовыми мигрантами и принимающим сообществом из-за различных идентичностей и социальных корней, а также предотвращать эти угрозы путем использования специальных инструментов мониторинга миграционных процессов («мультикультурный барометр») [9].

² Колхозная вахта в лесу. URL: <https://lesozagotovka.com/rybriki/istoriya-lesozagotovok/kol-khoznaya-vakhta-v-lesu/>.

Другое направление исследований связано с изучением влияния вахтовой миграции на развитие арктических территорий. В данном контексте часто поднимается вопрос о выборе модели развития АЗ РФ: «обживание территорий» или вахтовое освоение? К этому вопросу неоднократно обращались в своих исследованиях Н.Ю. Замятина и А.Н. Пилясов. По мнению Н.Ю. Замятиной, на современном этапе технологического развития для освоения новых месторождений в АЗ РФ целесообразнее не создавать новых городов, а использовать вахтовый метод; уже существующие арктические города необходимо приспособлять, поддерживать и развивать там экономику, основанную на знаниях³. А.Н. Пилясов подчеркивает, что «вахтовость — это неотъемлемый атрибут любого арктического города, благодаря которому он превращается из обычной стационарной площадки размещения и работы людей в пространство потоков» [10]. Ученый раскрывает интересный феномен: в ряде арктических городов (Новый Уренгой, Салехард, Губкинский, Нарьян-Мар, Анадырь и др.) численность занятых совпадает или даже превышает общую численность населения города, что связано с присутствием на местном рынке труда приезжих вахтовиков; в городах другой группы (Оленегорск, Кировск, Муравленко, Апатиты и др.), напротив, численность занятых составляет небольшую долю от численности постоянного населения города, что обусловлено отъездом местных работников на вахту в соседние города [11].

В статье [12] сформулированы преимущества и недостатки оседлого и вахтового методов освоения арктических территорий. Рассмотрение этих факторов на примере г.о. Воркута (Россия) и архипелага Шпицберген (Норвегия), подтверждает более высокую производительность труда и экономическую целесообразность вахтового метода. В то же время, авторы подчеркивают необходимость учета геополитических и социальных факторов при принятии решения о переходе на вахтовое освоение конкретных арктических территорий.

Представления научного сообщества и бизнеса о влиянии вахтового метода на развитие территорий были обобщены А.Е. Бажутовой [13]. Первая среди упомянутых ею точек зрения — поддерживающая, согласно которой вахтовый метод является основным источником рабочей силы для освоения нефтегазовых ресурсов заполярных районов Арктики. Вторая, напротив, аккумулирует многочисленные отрицательные аспекты влияния вахтовиков на социальную жизнь региона. Третья точка зрения основана на комбинировании стационарной модели развития арктических регионов с использованием вахтового метода.

Авторы данной статьи являются сторонниками третьей точки зрения. Выбранная государством парадигма развития, «переездов» или «нового обустройства» российской Арктики задает курс на превращение АЗ РФ в обжитой

³ Будущее российской арктической урбанизации. Интервью с Надеждой Замятиной. URL: <https://ion.ranepa.ru/news/budushchee-rossiyskoy-arkticheskoy-urbanizatsii-intervyu-s-nadezhdoy-zamyatinoj/>.

в хозяйственном, инфраструктурном и социальном отношениях макрорегион [14,15]. Достижение этой цели возможно только за счет оседлого развития Арктики путем проживания постоянного населения в сочетании с использованием вахтового метода на малоосвоенных арктических территориях. В этих условиях вахтовый метод надо воспринимать как данность и «уже свершившийся факт, который требует отдельного внимательного изучения для нивелирования его возможных отрицательных последствий и усиления положительных эффектов» [14].

Необходимость постоянного научного сопровождения использования вахтового труда, особенно межрегионального, неоднократно подчеркивалась в трудах А.С. Силина. Рассуждая о возможностях и угрозах влияния вахтовой трудовой миграции в АЗ РФ на развитие территорий, важно ориентироваться на достоверные источники информации. Анализ научных публикаций по вахтовой занятости в АЗ РФ выявил практически полное отсутствие работ, где представлены количественные показатели, характеризующие динамику, объемы и другие особенности использования вахтового труда в пространстве девяти арктических регионов. Ограниченность таких статистических данных, не позволяющих получать объективную информацию о феномене вахтового труда, отмечается в одной из публикаций В.Н. Лексина [16].

Цель данной статьи заключается в комплексной характеристике использования вахтового труда в регионах Арктической зоны России, предполагающей оценку динамики и масштабов распространения вахтовой занятости, а также отраслевого и профессионально-квалификационного состава вахтовых работников. Для достижения указанной цели предполагается решить ряд последовательных взаимосвязанных задач:

- 1) обобщить и систематизировать источники, содержащие информацию о вахтовом методе организации труда;
- 2) провести анализ показателей вахтовой занятости в регионах АЗ РФ с использованием различных источников информации;
- 3) обобщить риски (угрозы) и возможности, связанные с использованием вахтового труда на арктических территориях.

Прежде чем обратиться к материалам, содержащим информацию о вахтовом методе организации труда, определим, как соотносятся понятия «вахтовый метод» и «трудовая миграция».

Понятие «трудовая миграция» будем рассматривать в концепции С.В. Рязанцева, который предложил узкую и расширенную трактовку этого термина [17]. В широком смысле слова под трудовой миграцией понимается – перемещение с целью трудоустройства, включая переезд на постоянное место жительства в случае, если основной мотив для этого – поиски работы. В этом случае трудовая миграция характеризует долговременно привлекаемый человеческий капитал и обеспечивает рост / поддержку численности постоянно проживающего населения. Именно за счет такой миграции сформировалось

и росло население Ямало-Ненецкого автономного округа в период интенсивного освоения (1970–1990 гг.)

В узкой трактовке, трудовая миграция — это временные перемещения населения с целью осуществления трудовой деятельности с периодическим возвращением к постоянному месту жительства [18]. Придерживаясь узкой трактовки этого понятия, можно заключить, что вахтовая миграция — это вид трудовой миграции, а вахтовый метод — это способ организации трудовой миграции на труднодоступных территориях, когда не может быть обеспечено ежедневного возвращения работников к месту постоянного проживания.

Информация об использовании вахтового метода организации труда может аккумулироваться на двух уровнях: мезоуровень, или региональный уровень, и микроуровень, где субъектом экономических отношений выступают конкретные предприятия.

В качестве базовой характеристики вахтовой миграции на региональном уровне многие исследователи используют показатель межрегиональной трудовой миграции занятого населения в возрасте 15 лет и старше, который формируется органами государственной статистики при проведении выборочных обследований рабочей силы⁴ и содержит информацию о численности занятого населения, въезжающего / выезжающего на работу в / из конкретного субъекта Российской Федерации [19, 20].

В структуре этого показателя по периодичности возвращения домой выделены следующие категории: реже 1 раза в месяц, 1–2 раза в месяц, один раз в неделю, ежедневно. Если первые три категории могут характеризовать межрегиональную вахтовую миграцию, то последняя категория является характеристикой маятниковой трудовой миграции (ежедневные поездки на работу из одного региона в другой). Проблемой имеющихся в открытом доступе статистических данных является то, что на региональном уровне доступен только интегральный показатель численности занятого населения, въезжающего на работу в субъект, без выделения периодичности возвращения. Таким образом, данный показатель напрямую не характеризует именно вахтовую трудовую миграцию в регионах, поскольку включает в себя показатели маятниковой миграции. Кроме того, этот показатель характеризует только межрегиональную вахтовую миграцию, в то время как в составе вахтовиков могут присутствовать работники из числа постоянного населения региона.

Другим источником информации об использовании вахтового труда является форма статистической отчетности №П-4(НЗ)⁵. Один из показателей формы отражает количество граждан, привлекавшихся к работе вахтовым методом. Форма заполняется юридическими лицами (кроме субъектов малого

⁴ Итоги выборочного обследования рабочей силы [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>.

⁵ Сведения о неполной занятости и движении работников: Форма федерального статистического наблюдения № П-4 (НЗ) / ГМЦ Росстата.

предпринимательства) ежеквартально и предоставляется территориальному органу Росстата, затем показатели статформы агрегируются на уровне субъекта РФ. Ограничением этих данных является невозможность выделить среди количества граждан, привлекавшихся к работе вахтовым методом, долю внутрирегиональной и межрегиональной вахтовой миграции.

С этой точки зрения эталонным источником информации о вахтовой занятости на региональном уровне являются данные статистики Ямало-Ненецкого автономного округа, содержащие сведения о численности работающих вахтовым методом на предприятиях и организациях региона. Эта информация содержит показатели списочной численности работающих вахтовым методом, постоянно проживающих за пределами округа, на территории округа (в том числе работающих внутрирайонным вахтовым методом), иностранных граждан в детализации по видам экономической деятельности и муниципальным образованиям ЯНАО. Наличие таких детализированных данных позволило выполнить аналитическую оценку масштабов и динамики вахтовой занятости в регионе, которые многоаспектно раскрываются в работах В.Г. Логинова [21], А.Н. Силина [3].

В качестве источника информации о вахтовой занятости на микроуровне выступают опросы работодателей, в процессе которых можно получить информацию о том, по каким профессиям наиболее часто привлекаются вахтовики, какие требования предъявляются к их уровню образования, каков размер заработной платы и др. Аналогичную информацию можно получить с использованием сбора и обработки вакансий работодателей с требованием о вахтовой занятости, размещенных на крупнейших платформах онлайн-рекрутинга [22].

В табл. 1 систематизирована информация о рассмотренных источниках данных, характеризующих использование вахтового метода организации труда.

Таблица 1

Источники информации об использовании вахтового метода организации труда

Источник информации	Показатель, характеризующий вахтовый метод	Ограничения использования
Мезоуровень		
Обследование населения по проблемам занятости	Численность занятого населения, въезжающего на работу в субъект	Включает показатели маятниковой миграции Не учитывает внутрирегиональную вахту. Учет в целом по субъекту РФ, без возможности выделить конкретные муниципальные образования.

Форма федерального статистического наблюдения № П-4 (НЗ)	Численность работников, привлекавшихся к работе вахтовым методом	Невозможность выделить межрегиональную и внутрирегиональную вахту, на которой задействовано постоянное население. Учет в целом по субъекту РФ, без возможности выделить конкретные муниципальные образования.
Микроуровень		
Опрос работодателей	Численность вахтовиков, работающих в организации с указанием профессии/должности, уровня образования, уровня заработной платы и др.	Ограниченность выборки.
Платформы онлайн-рекрутинга (superjob.ru, hh.ru)	Перечень профессий, по которым заявляются вакансии для вахтовиков, требования, обязанности, условия работы, уровень заработной платы и др.	Ограниченность доступа к данным. Возможность наличия недостоверной информации.

Источник: составлено авторами.

В настоящее время появление новых данных, которые накапливаются в цифровой среде, расширяет возможности исследования вахтовой миграции. В статье А. Смирнова в качестве источника информация для изучения вахтовой миграции предлагается использовать показатели сетей авиационных и железнодорожных пассажиропотоков по данным сервиса Туту.ру [23].

В рамках данной статьи для комплексной характеристики использования вахтового труда в регионах Арктической зоны России в качестве источников информации выбраны форма федерального статистического наблюдения № П-4 (НЗ) и результаты опроса работодателей. Методология исследования заключается в обобщении и анализе информации об использовании вахтового труда в регионах АЗ РФ. Для обработки эмпирической информации применялись методы статистического анализа, методы группировок, сопоставления и сравнения. Для выявления угроз и возможностей, связанных с использованием вахтового труда на арктических территориях, использовался метод SWOT-анализа.

В табл. 2 представлена информация о динамике численности работников, привлекавшихся к работе вахтовым методом в регионах Арктической зоны России, за 2017–2022 гг. Поскольку статистический учет ведется в целом по субъек-

ектам Российской Федерации, данные для 5 субъектов РФ представлены по региону в целом без выделения конкретных муниципальных образований, входящих в состав АЗ РФ.

Таблица 2

Численность работников, привлекавшихся к работе вахтовым методом (по организациям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства), тыс. человек

Субъект АЗ РФ	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Мурманская область	2	3,8	7,7	9,3	8,7	9
Ненецкий автономный округ	11,6	11,7	12,7	12,2	11,3	12,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	115,1	112,7	120,7	133,7	145,5	152,8
Чукотский автономный округ	4,3	4,6	4,3	4,3	5	5,4
Республика Карелия*	1,6	1,7	1,7	1,9	2	2
Республика Коми*	19,5	20,3	21	19,9	19,3	19,3
Республика Саха (Якутия)*	27,3	49	60,5	50	52,2	61,5
Архангельская область*	4,7	5,2	5,5	7,8	7,5	7,5
Красноярский край*	30,5	38,1	40,8	41,9	49,3	54,8
Всего по 9 регионам АЗ РФ	216,6	247,1	274,9	281	300,8	324,8

Источник: данные формы федерального статистического наблюдения №П-4 (НЗ) «Сведения о неполной занятости и движении работников».

Примечание: *ввиду ограниченности статистической информации данные приводятся в целом для региона.

Несмотря на то, что динамика использования вахтового метода зачастую связана с циклами реализации конкретных инвестиционных проектов, под которые привлекаются вахтовики, данные статистики свидетельствуют о ежегодном наращивании объемов вахтового метода организации труда в большинстве арктических регионов.

Применение этого метода наиболее распространено в автономных округах Российской Арктики: по состоянию на 2021 год в Ненецком автономном округе около 38% занятых в экономике работало вахтовым методом, в Ямало-Ненецком — 34,3%, в Чукотском АО — 14,3% (рис. 1). Доля работников, привлекаемых за счет вахтового метода организации труда в общей численности занятых в экономике в 2021 году составила в среднем по девяти субъектам АЗ РФ порядка 8%.

Рис 1. Доля работников, привлекаемых за счет вахтового метода организации труда в общей численности занятых в экономике субъектов АЗ РФ, 2017 г., 2021 г., %.

Источник: составлено авторами по данным формы федерального статистического наблюдения №П-4 (НЗ) «Сведения о неполной занятости и движении работников».

Проблемой развития территорий, несмотря на экономическую эффективность вахтового метода организации труда, становится ежегодный рост вахтовой занятости на фоне общего снижения численности занятых в региональной экономике. Это приводит к замещению постоянной занятости населения вахтовым трудом, участие в котором местному населению зачастую не предлагается. Такая ситуация особенно характерна для Мурманской и Архангельской областей и Ненецкого автономного округа. В Мурманской области за последние пять лет численность занятых сократилась на 10 тыс. человек, а численность вахтовых работников увеличилась в 4,5 раза с 2 до 9 тыс. человек; в Ненецком АО при сокращении численности занятых на 2,7 тыс. человек рост вахтовой занятости составил 1 тыс. человек. А в Ямало-Ненецком автономном округе рост вахтовой занятости становится первопричиной увеличения общего числа занятых в экономике региона: в то время, как за последние 10 лет численность местных трудовых ресурсов сократилась на 1%, численность приезжей вахты выросла на 35%⁶.

⁶ Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года (утв. Постановлением Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 июня 2021 года № 478).

Отраслевое распределение численности работников, привлекавшихся к работе вахтовым методом, напрямую отражает специфику экономики Арктической зоны России (рис. 2). Наиболее часто вахтовики привлекаются к работе в таких видах деятельности, как добыча полезных ископаемых, строительство, транспортировка и хранение, в которых вахтовый труд обеспечивает экономически эффективное освоение природных ресурсов АЗ РФ, создание новой промышленной и транспортной инфраструктуры, в том числе при реализации инвестиционных проектов. Региональная специфика использования вахтового труда по отраслям экономики проявляется схожим образом.

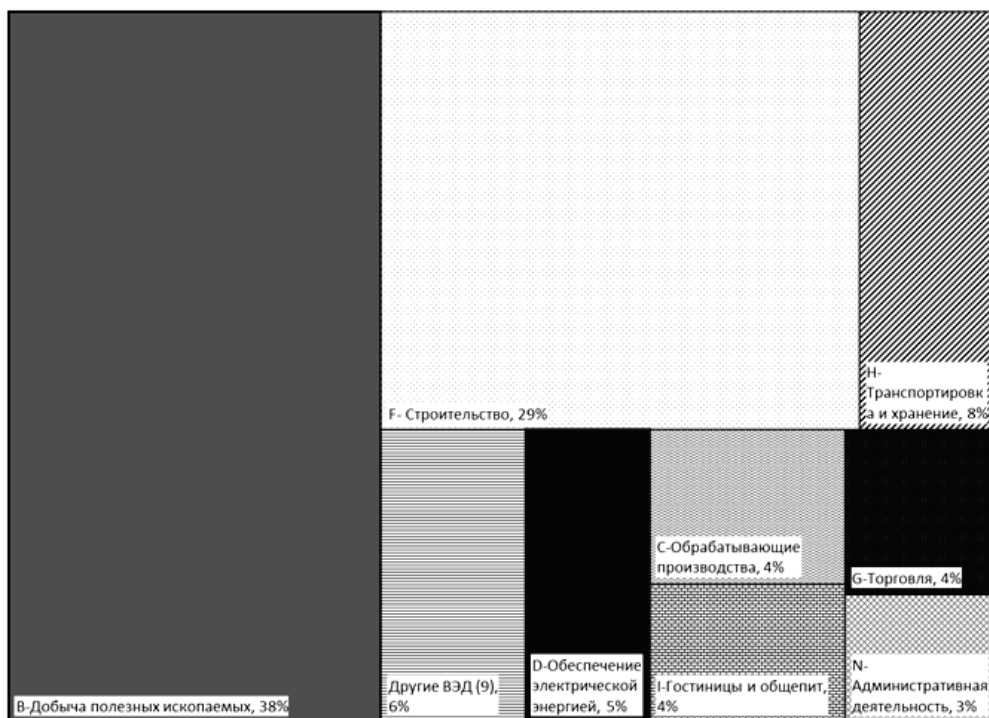

Рис 2. Структура численности работников, привлекавшихся к работе вахтовым методом, по видам экономической деятельности, суммарно по 9 регионам Арктической зоны России, 2021 г.

Источник: составлено авторами по данным формы федерального статистического наблюдения № П-4 (НЗ) «Сведения о неполной занятости и движении работников».

Для анализа показателей вахтовой занятости в арктических регионах на микроуровне обратимся к результатам опроса работодателей, ведущих хозяйственную деятельность на арктических территориях субъектов АЗ РФ. Опрос проводился по заданию Минвостокразвития России в онлайн-формате на Интернет-портале «Кадры для Арктики»⁷ в период с сентября по октябрь 2022 года.

⁷ Кадры для Арктики. URL: <http://www.azrf.labourmarket.ru/>.

Оператором работ по организации и проведению опроса работодателей выступил Петрозаводский государственный университет совместно с Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М.В. Ломоносова. Отбор работодателей для участия в опросе формировался по принципу квотной многоступенчатой выборки. Основное требование при построении выборки – охват не менее 55% среднесписочной численности работников организаций реального сектора экономики и не менее 65% среднесписочной численности работников организаций социальной сферы на территориях субъектов РФ, входящих в состав АЗ РФ.

В опросе приняли участие 4 тысячи работодателей с численностью работников 629,5 тыс. человек, что составляет 64,1% от общей численности работников Арктической зоны России. Среди участников опроса – крупнейшие работодатели арктических регионов, являющиеся флагманами развития не только региональной, но и российской экономики (ПАО «Газпром», ПАО «НОВАТЭК», ГК «Росатом», ОАО «РЖД», АО «Объединенная судостроительная корпорация», ПАО «ГМК Норильский никель» и др.).

Информацию об использовании вахтового метода организации труда указали 299 работодателя, т.е. 7,5% от общего количества опрошенных организаций прибегают к использованию вахтового труда.

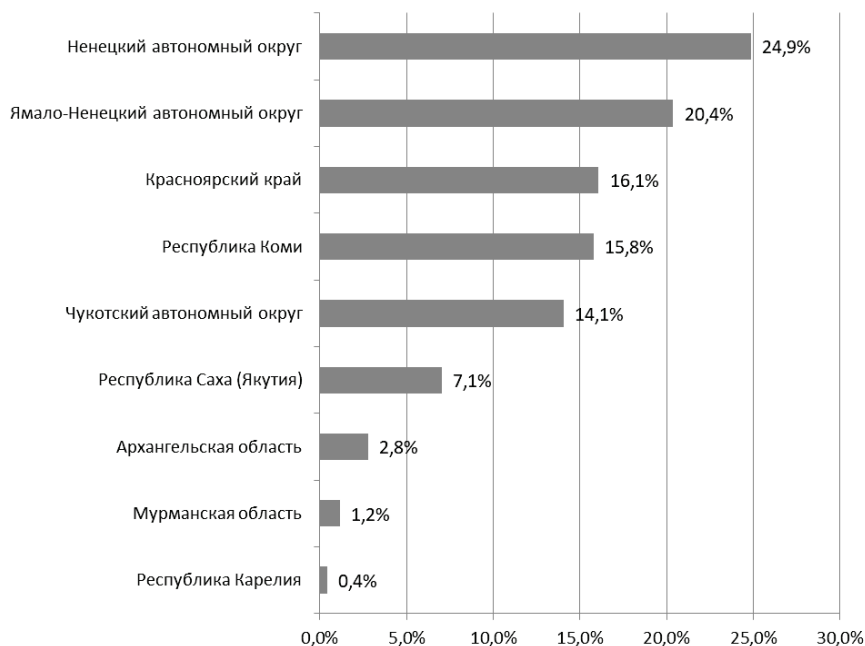

Рис 3. Доля работников, привлекаемых за счет вахтового метода организации труда в общей численности работников опрошенных организаций арктических территорий субъектов АЗ РФ, 2021 г., %
Источник: составлено авторами по результатам опроса работодателей.

Согласно опросу работодателей, удельный вес количества работников, привлекаемых к работе вахтовым методом, в общей численности работников опрошенных организаций по АЗ РФ в целом составляет 11,4%. География использования вахтового метода демонстрирует его высокую распространённость в автономных округах Российской Арктики, на арктических территориях Красноярского края и Республики Коми (рис. 3).

Отраслевая структура использования вахтового метода организации труда, сформированная по результатам опроса работодателей, подтверждает его наибольшую распространённость в сфере добычи полезных ископаемых, транспортировки и хранения, строительства.

Таким образом, география вахтовой занятости в АЗ РФ и ее отраслевое распределение, полученные по результатам опроса работодателей, для большинства арктических регионов коррелируют с данными статистики, рассмотренными выше, что свидетельствует о высоком уровне репрезентативности полученных результатов опроса. Ценностью этой информации является то, что она характеризует вахтовую занятость именно на арктических территориях субъектов АЗ РФ, что является уточнением региональных статистических данных, а также позволяет их дополнить другими характеристиками.

Так, отдельный интерес представляют профессии, по которым работодатели наиболее часто привлекают работников вахтовым методом. Всего в ходе анкетирования работодатели указали 668 наименований таких профессий, в табл. 3 представлен ТОП-20 профессий, по которым наиболее часто привлекаются вахтовики. Этот перечень определяет профессиональное «ядро» вахтовой занятости на арктических территориях, поскольку на эти 20 профессий приходится 51,5% численности всех вахтовых работников в АЗ РФ. Самая популярная профессия — водитель автомобиля: согласно опросу работодателей, в среднесписочной численности работников, привлекаемых вахтовым методом, работники по этой профессии занимают 7,9%.

Таблица 3

ТОП-20 профессий/должностей работников, для которых распространён вахтовый метод в АЗ РФ

Наименование профессии/должности	Удельный вес вахтовых работников по профессии в общем числе вахтовых работников, %
Водитель автомобиля	7,9
Оператор по добыче нефти и газа	6,0
Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования	5,4
Охранник	5,3
Слесарь по ремонту технологических установок	3,0
Слесарь по контрольно-измерительным приборам и автоматике	3,0

Окончание табл.3

Машинист технологических компрессоров	2,7
Электрогазосварщик	2,3
Оператор технологических установок	2,1
Инженер	1,9
Слесарь-ремонтник	1,7
Ведущий инженер	1,4
Слесарь-сантехник	1,3
Мастер	1,3
Помощник бурильщика эксплуатационного и разведочного бурения скважин на нефть и газ (первый)	1,3
Бурильщик эксплуатационного и разведочного бурения скважин на нефть и газ	1,1
Сторож (вахтер)	1,1
Оператор котельной	1,0
Кладовщик	1,0
Машинист бульдозера	0,9
Другие профессии (648)	48,5

Источник: составлено авторами по результатам опроса работодателей.

В разрезе регионов перечень наиболее востребованных профессий вахтового труда имеет свои особенности, связанные с преобладанием знаковых для арктических регионов отраслей экономики (табл. 4). Так, например, в Мурманской области, где расположен крупнейший незамерзающий порт России и развита рыбная, а также горнодобывающая промышленность, перечень наиболее популярных профессий вахтового труда дополнен такими профессиями, как матрос, рыбовод, машинист погрузочно-доставочной машины. В нефтегазодобывающих регионах (Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Республика Коми) превалирует профессия оператора по добыче нефти и газа. Профессией вахтового труда, объединяющей региональные перечни, является водитель автомобиля, который высоко востребован среди вахтовых работников на всех арктических территориях.

Данные таблиц 3–4 свидетельствуют о том, что среди вахтовых работников наиболее востребованы кадры рабочих профессий. Если обратиться к структуре вахтового труда по уровням образования, то, в соответствии с результатами опроса работодателей, большая часть вахтовых работников действительно имеет среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих (46,1%) и специалистов среднего звена (12,2%). На рис. 4 представлена структура вахтовой занятости по уровням образования в сравнении с аналогичной структурой в целом по экономике АЗ РФ.

Таблица 4

Региональная специфика востребованности профессий вахтового труда в АЗ РФ

Регион	ТОП-5 наиболее востребованных профессий вахтового труда
Мурманская область	Машинист погрузочно-доставочной машины Водитель автомобиля Рыбовод Машинист электровоза Матрос
Архангельская область	Водитель автомобиля Машинист лесозаготовительной машины Матрос Слесарь-ремонтник Контролер по драгоценной продукции
Ненецкий автономный округ	Оператор по добыче нефти и газа Оператор технологических установок Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования Машинист технологических насосов Слесарь-ремонтник
Республика Коми	Водитель автомобиля Оператор по добыче нефти и газа Охранник Оператор технологических установок Помощник бурильщика капитального ремонта скважин
Республика Саха (Якутия)	Водитель автомобиля Машинист бульдозера Судоводитель Электрогазосварщик Геолог карьера, рудника, шахты
Чукотский АО	Проходчик Водитель автомобиля Машинист погрузочно-доставочной машины Слесарь Машинист бульдозера
Ямало-Ненецкий АО	Водитель автомобиля Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования Оператор по добыче нефти и газа Слесарь по контрольно-измерительным приборам и автоматике Охранник

Источник: составлено авторами по результатам опроса работодателей.

Таким образом, работники, привлекаемые к работе вахтовым методом, имеют менее высокий уровень квалификации, чем все население, занятое в экономике АЗ РФ. Особенно ярко это проявляется в Ямало-Ненецком автономном округе, который, являясь признанным регионом-лидером экономического роста в стране, занимает и лидирующее место по доле занятых с высшим

образованием: по состоянию на 2021 г. доля занятых в экономике региона с высшим образованием составляет 44,9%, то есть практически каждый второй занятый в экономике региона имеет диплом об окончании вуза. Среди вахтовых работников ЯНАО, согласно опросу работодателей, только каждый десятый имеет высшее образование, половина (54%) вахтовых работников в ЯНАО имеет среднее профессиональное образование по программам подготовки рабочих кадров, а их пятая часть (20%) вообще не имеет профессионального образования.

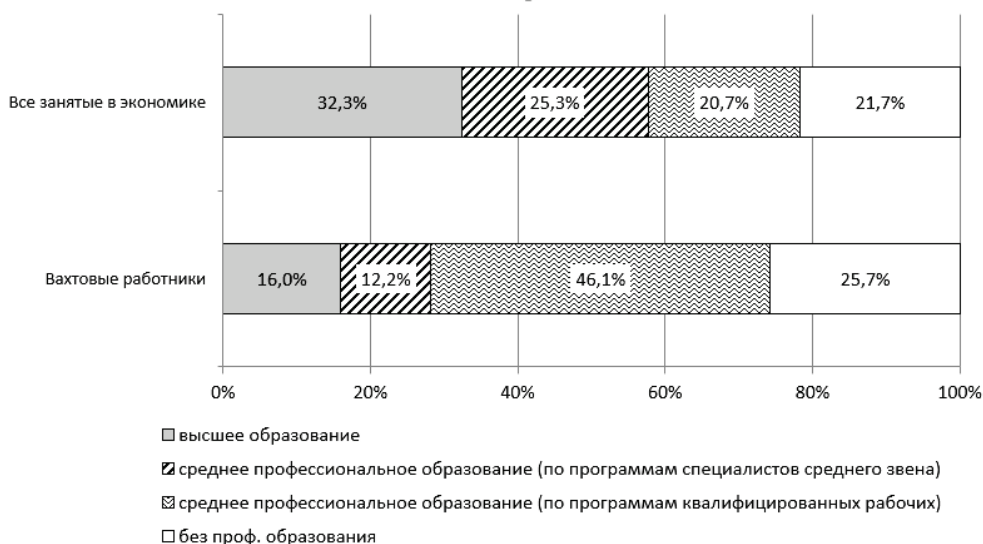

Рис 4. Структура вахтовой занятости по уровням образования в сравнении со структурой занятости по экономике в целом, АЗ РФ, 2021 г., %.

Источник: составлено авторами по данным Росстата и результатам опроса работодателей.

* * *

В ходе исследования с использованием дополняющих друг друга данных статистической отчетности Росстата и результатов опроса работодателей получена комплексная характеристика использования вахтового метода организации труда в регионах АЗ РФ. Проведена оценка динамики применения вахтового метода за период с 2017 по 2022 г., выявлена география его распространения, оценен вклад вахтовой занятости в общую занятость населения, определены отраслевая специфика вахты и профессиональный состав вахтовиков.

Результаты исследования позволили выделить следующие тенденции и особенности:

1. Экономические условия требуют непрерывного наращивания масштабов применения вахтового метода организации труда, динамика роста которого наблюдается в большинстве регионов АЗ РФ. В ряде анализируемых регионов

АЗ РФ рост вахтовой занятости происходит на фоне снижения общего числа занятых в экономике, т.е. путем замещения традиционных форм занятости вахтовым трудом. Прогнозируется, что в будущем произойдет смещение центров добычи полезных ископаемых в более удаленные труднодоступные акваториальные и территориальные районы с экстремальными природно-климатическими условиями, что, безусловно, будет способствовать росту масштабов использования вахтовой занятости [2].

2. Вахтовый метод организации труда распространен на малоосвоенных арктических территориях с низкой плотностью населения (Чукотский, Ненецкий, Ямало-Ненецкий автономные округа, арктические территории Республики Коми, Республики Саха (Якутия), Красноярского края) и наиболее часто затрагивает отрасли, вносящие основной вклад в валовый региональный продукт арктической экономики (добыча полезных ископаемых, строительство).

3. В профессионально-квалификационном составе работников вахтового труда в АЗ РФ доминируют специалисты рабочих профессий со средним профессиональным образованием или не имеющие профобразования, что демонстрирует более сниженные профессионально-квалификационные характеристики по сравнению с общей занятостью.

Рациональные и экономические выгоды использования вахтового труда на малоосвоенных труднодоступных арктических территориях в условиях дефицита местных трудовых ресурсов очевидны и неоспоримы. Результаты исследований показывают, что ежегодная дополнительная потребность АЗ РФ в кадрах только на 52% может быть обеспечена за счет внутренних трудовых ресурсов арктических территорий, остальная часть кадровой потребности покрывается за счет внешних источников — преимущественно лиц, работающих вахтовым методом [15].

По мнению авторов статьи и ряда других ученых [24], важно обращать внимание не только на возможности, но также на риски и последствия, которые данная форма занятости несет для принимающей территории.

Растущее применение вахтового метода организации труда в условиях депопуляции АЗ РФ, усугубляемой миграционным оттоком квалифицированной трудоспособной части населения, несет в себе угрозы, связанные со снижением количественных и качественных характеристик человеческого капитала арктических территорий, замене его временными и менее квалифицированными кадрами, а также деинтеллектуализации АЗ РФ, нарастанию технологического отставания и снижению уровня культурной идентичности населения [25,26].

Эти проблемы вступают в противоречие с государственным курсом на наращивание присутствия в Арктическом регионе на основе комплексного социально-экономического развития АЗ РФ⁸, а также противоречат формированию

⁸ Указ Президента Российской Федерации «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255>.

долгосрочных стратегий устойчивого развития арктических территорий. При этом анализ показал, что в стратегиях развития арктических регионов не уделяется должного внимания аспекту влияния вахты на развитие территорий, встречаются лишь отдельные упоминания по этому поводу, а в ряде стратегий арктических регионов они вообще отсутствуют. В целом позиция регионов, отраженная в стратегических документах, касается того, что вахтовый метод является дополнительным способом привлечения необходимых высококвалифицированных кадров, в том числе для реализации приоритетных инвестиционных проектов. Ряд регионов акцентирует внимание на таких угрозах развития территорий, как постепенное замещение местных работников вахтовым персоналом из других регионов⁹, рост численности временного населения¹⁰, рост социальной напряженности среди коренного населения¹¹, приоритет трудоустройства приезжих вахтовиков перед местным населением¹².

Что касается последней проблемы, то зачастую работодатель при реализации инвестиционных проектов отдает приоритет вахтовым работникам из других регионов по причине отсутствия в регионе кадров нужного уровня квалификации. Эта проблема может быть преодолена за счет своевременного мониторинга кадровой потребности инвесторов и заблаговременной подготовки специалистов нужного профиля из числа местного населения.

Использование вахтового метода труда не в ущерб развитию арктических территорий требует систематического мониторинга вахтовой занятости, основанного на регулярном сборе статистических данных в сочетании со специально организованными социологическими исследованиями. Доступность таких объективных знаний о параметрах и масштабах вахты на разных уровнях позволит принимать обоснованные управленческие решения по регулированию вахтовой занятости в стратегически важных регионах АЗ РФ.

Литература

1. *Силин А.Н.* Вахтовый труд в Арктике: социально-пространственный дискурс: монография // Тамбов: Консалтинговая компания Юком. 2021. — 88 с.
2. *Благодетелева О.М.* Градостроительные аспекты вахтового освоения северных и арктических территорий // Строительство и реконструкция. 2017. № 2. С. 71–84.
3. *Силин А.Н.* Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). С. 109–123. DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.7.

⁹ Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года.

¹⁰ Стратегия социально-экономического развития Туруханского района Красноярского края до 2030 года.

¹¹ Стратегия социально-экономического развития Мезенского муниципального района Архангельской области до 2035 года.

¹² Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Булунский улус (район)» Республики Саха (Якутия) на 2018-2020 гг. и на период до 2030 года.

4. *Силин А.Н.* Арктический город и вахтовик: новые вызовы // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 1 (110). С. 68–82. DOI: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.005.
5. *Дубинина Н.И., Дегтева Г.Н., Корнеева Я.А.* Особенности проведения предварительных и периодических медицинских осмотров персонала в условиях работы вахтовым методом на арктическом шельфе // Acta Biomedica Scientifica. 2012. № 5 (2). С. 127–130.
6. *Корнеева Я.А., Симонова Н.Н., Дегтева Г.Н., Дубинина Н.И.* Стратегия адаптации вахтовых работников на Крайнем Севере // Экология человека. 2013. № 9. С. 9–16.
7. *Чушкина М.С.* Оценка механизмов управления вахтовой миграцией в регионах Арктической зоны России на примере Республики Саха (Якутия) // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 1. С. 117–134. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp512020117-134>.
8. *Питухина М.А., Толстогузов О.В., Белых А.Д.* Арктические местные сообщества и зарубежная трудовая миграция в российской Арктике // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. № 3. С. 70–86. DOI:10.37614/2220-802X.3.2022.77.005.
9. *Питухина М.А.* Мультикультурный барометр показывает: в Арктике все спокойно // Русский мир. 2018. № 8. С. 70–76.
10. *Пилясов А.Н., Путилова Е.С.* Оспаривая очевидное: арктические города // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 1. С. 9–32. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5120209-32>.
11. *Пилясов А.Н.* Города Российской Арктики: сравнение по экономическим индикаторам // Вестник Московского университета. 2011. № 4. С. 64–69.
12. *Козлов А.В., Гутман С.С., Рытова Е.В., Захаров А.Н.* Проблема выбора технологий освоения арктических территорий: опыт России и Норвегии // МИР. 2015. Т. 6. № 4 (24). С. 19–28. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2015.6.4.19.28>.
13. *Бажутова Е.А.* Вахта как резерв для трансформации миграционных процессов в регионах Арктической зоны Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. № 4. С. 148–166. DOI:10.37614/2220-802X.4.2022.78.011.
14. *Ивантер В., Лексин В., Порфирьев Б.* Арктический мегапроект в системе государственных интересов и государственного управления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. № 7(6). С. 6–24.
15. *Ефимов И.П., Гуртов В.А., Степуть И.С.* Кадровая потребность экономики Российской Арктики: взгляд в будущее // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 118–132. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-118-132>.
16. *Лексин В.Н.* Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий // Регион: Экономика и Социология. 2021. № 3 (111). С. 133–153.
17. *Андреева А.А.* Определение понятий «Внешняя трудовая миграция» и «Внутренняя трудовая миграция» в рамках социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 18–20.
18. *Рязанцев С.* Трудовая миграция в России в условиях интеграции в ЕврАзЭС // Вопросы экономики. 2008. № 6. С. 71–83. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-6-71-83>.
19. *Ахметова (Хилажева) Г.Ф.* Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 76–89. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.6>. EDN: FQLCMS.
20. *Смелов П.А., Егорова Е.А., Изварина В.А.* Трудовая миграция в Российской Федерации // Федерализм. 2017. № 3. С. 149–160.
21. *Логинов В.Г.* Вахтовый метод как основной источник рабочей силы для освоения нефтегазовых ресурсов заполярных районов Арктики // Известия УГУ. 2021. Вып. 2 (62). С. 191–201. DOI 10.21440/2307-2091-2021-2-191-201.

22. *Балашова Н.В.* Вахтовый метод организации работ: особенности применения // Экономика труда. 2021. Том 8. № 4. С. 459–474. DOI: 10.18334/et.8.4.112007.
23. *Смирнов А.В.* Цифровые следы населения как источник данных о миграционных потоках в российской Арктике // Демографическое обозрение. 2022. № 9 (2). С. 42–64. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16205>.
24. *Лыткина Т.С.* Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2014. № 3 (19). С. 144–145.
25. Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления // СПб.: Наука. 2016. – 1040 с.
26. *Шеломенцев А.Г., Воронина Л.В., Смиренникова Е.В., Уханова А.В.* Факторы миграции в арктической зоне Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). 2018. Том 10, № 3. С. 396–418. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-396-418.

Irina Stepus (e-mail: stepus@petrsu.ru)

Ph.D. in Economics, Deputy Director,

Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University

(Petrozavodsk, Russia)

Valeriy Gurtov (e-mail: vgurt@petrsu.ru)

Grand Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor

Director, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University

(Petrozavodsk, Russia)

SHIFT EMPLOYMENT IN THE ECONOMY OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: DYNAMICS, SCALE, AND OCCUPATIONAL CLASSIFICATION OF WORKERS BY CATEGORIES

Using statistical data and the employers' survey results, the article analyzes the dynamics and the scope of shift employment in the regions of the Russian Arctic zone, as well as classification of shift workers by professional status and economic sector. Based on the analysis results, the opportunities and threats associated with the use of shift work in the Arctic territories are summarized.

Keywords: shift method, Russian Arctic zone, labor migration, employment, threats and opportunities.

DOI: 10.31857/S020736760025036-8

© 2023

Алишер Расулев

доктор экономических наук, профессор Ташкентского государственного экономического университета

(г. Ташкент, Республика Узбекистан)

(e-mail: arasulev@yandex.ru)

Сергей Воронин

доктор экономических наук, главный специалист Института

бюджетно-налоговых исследований, профессор Ташкентского филиала

Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

(г. Ташкент, Республика Узбекистан)

(e-mail: Sergey_voronin63@yahoo.com)

Азиза Убайдуллаева

специалист 1-й категории Института

бюджетно-налоговых исследований (г. Ташкент, Республика Узбекистан)

(e-mail: Azizau94@mail.ru)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АКЦИЗНОГО НАЛОГА В ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

В статье рассматриваются особенности применения акцизного налога в экономике Узбекистана. Определена эффективность реформ в сфере акцизного налогообложения. Обоснованы пути модернизации акцизного налога в национальной экономике с учетом зарубежного опыта. Обоснованы предложения по выбору продукции, облагаемой акцизным налогом.

Ключевые слова: акцизный налог, основы акцизного налогообложения, Налоговый кодекс, налоговое стимулирование, здоровье человека.

DOI: 10.31857/S020736760025991-9

В Узбекистане впервые акцизный налог был введен в соответствии с Законом Республики Узбекистан «О налогах с предприятий, объединений и организаций», принятым еще 15 февраля 1991 года. Вплоть до 2019 года акцизный налог устанавливался на продукцию, использование которой оказывает негативное влияние на здоровье человека или ухудшает состояние окружающей среды (сигареты, алкогольные напитки, бензин, дизельное топливо, автомобили и др.). Использование акцизного налога на продовольственные товары первой необходимости отечественного производства, а также импортируемые в республику продукты питания приводило к тому, что они становились более дорогими, что сказывалось на росте расходов граждан, в том числе – малообеспеченных.

Действие акцизного налога регулируется статьями 283–293 Налогового кодекса Республики Узбекистан. Ставки данного налога устанавливаются либо в процентах к стоимости товара (адвалорные), либо в абсолютной сумме на единицу измерения в натуральном выражении (фиксированные). В соответствии со статьей 283 Налогового кодекса плательщиками акцизного налога являются юридические и физические лица, включая¹:

- производящие товары, облагаемые акцизным налогом на территории Республики Узбекистан;
- осуществляющие реализацию природного газа потребителям;
- осуществляющие реализацию конечным потребителям бензина, дизельного топлива, в том числе через автозаправочные станции, а также газа через газонаполнительные станции и газонаполнительные пункты;
- перемещающие подакцизные товары через таможенную границу Республики Узбекистан.

Налогоплательщиками акцизного налога также признаются юридические лица, оказывающие телекоммуникационные услуги мобильной связи (подакцизные услуги) и иностранные юридические лица, осуществляющие деятельность в Республике Узбекистан через постоянные учреждения, производящие товары или осуществляющие ввоз товаров, облагаемых акцизным налогом.

Налоговая база данного налога определяется отдельно по каждому виду подакцизного товара (услуг) в зависимости от установленных налоговых ставок. По производимым подакцизным товарам (услугам), в отношении которых налоговые ставки установлены в процентах (адвалорные), налоговой базой является стоимость реализованных подакцизных товаров (услуг), но не ниже их фактической себестоимости. По ввозимым подакцизным товарам, в отношении которых налоговые ставки установлены в процентах (адвалорные), налоговая база определяется на основании таможенной стоимости, определяемой в соответствии с таможенным законодательством.

По товарам, в отношении которых установлены комбинированные налоговые ставки (состоящие из фиксированной и адвалорной налоговых ставок), налоговая база определяется исходя из объема подакцизных товаров и (или) таможенной стоимости подакцизных товаров, определяемой в соответствии с таможенным законодательством.

С 1 января 2023 года в Узбекистане сохранены категории налогоплательщиков по акцизному налогу, а также сроки представления налоговой отчетности и уплаты налога. Налоговые ставки акцизного налога на табачную и алкогольную продукцию, а также на нефтепродукты проиндексированы на 10%. (табл.1).

¹ Под конечными потребителями понимаются юридические и физические лица, приобретающие бензин, дизельное топливо и газ для собственных нужд. Налоговый кодекс Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4674893?ONDATE=01.01.2022#4696579>.

Таблица 1

Ставки акцизного налога на табачную продукцию (производимую в республике и импортируемую продукцию)

№	Виды табачной продукции	Налоговые ставки	
		при импорте	на производимые
1.	Сигареты с фильтром, без фильтра, папиросы, сигариллы (сигариты), биди, крестек	342 000 сум./1 000 штук + 10 процентов	с 1 января 2023 года: 203 500 сум./1 000 штук + 10 процентов с 1 февраля 2023 года: 223 850 сум./1 000 штук + 10 процентов
2.	Сигара	5 720 сум./1 штуку	
3.	Табак для кальяна	341 000 сум./кг	
4.	Табак курительный, трубочный	341 000 сум./кг	
5.	Табак жевательный, нюхательный и сосательный	341 000 сум./кг	
6.	Нагреваемая табачная палочка, нагреваемая капсула с табаком и другие изделия, содержащие табак, с аналогичным принципом использования	341 000 сум./кг	
7.	Никотиновый бестабачный снюс	137 500 сум./кг	
8.	Никотиносодержащая жидкость (в картриджах, резервуарах и других контейнерах для использования в электронных сигаретах)	605 сум./мл	

Источник: Налоговый кодекс РУ, ст. 289. <https://lex.uz/ru/docs/4674893#4699898>.

С 1 января 2023 года ставка акцизного налога на сигареты с фильтром при импорте продукции была установлена на уровне 342 000 сум. за 1000 штук плюс 10%, а на производимые в республике – с 1 января 2023 года – 203 500 сум. плюс 10% и с 1 февраля 2023 года – 223 850 сум. плюс 10%. С 1 января 2023 года ставки акцизного налога при импорте табачной продукции снизились на 5%.

С 2023 года акцизный налог при производстве алкогольной продукции (за исключением слабоалкогольных напитков) исчисляется исходя из доли этилового спирта, содержащегося в подакцизной продукции. При этом единицей измерения производимой алкогольной продукции установлен «литр» (в 2022 году – декалитр, dl).

В 2022 году ставка акцизного налога на водку, коньяк и прочую алкогольную продукцию была установлена в размере 138 000 сумов за 1 декалитр (или 13 800 сумов за 1 литр). В 2023 году ставка акцизного налога на данную продукцию установлена в размере 34 500 сумов за 1 литр безводного этилового спирта, содержащегося в подакцизном товаре. Например, доля этилового спирта в водке составляет 40%, сумма акцизного налога на 1 литр составит 13 800 сум. (34 500

сумов $\times 40\%$), а с 1 февраля 2023 года с учетом индексации — 15 200 сумов (38 000 сумов $\times 40\%$).

С 1 января 2023 года увеличивается ставка акцизного налога на спирт этиловый ректификованный из пищевого сырья, спирт этиловый ректификованный технический из эфиромальдегидной фракции и на головную фракцию этилового спирта в 5 раз — и ставка установлена на уровне 7 450 сумов за 1 литр. С 1 января 2023 года ставка акцизного налога при импорте алкогольной продукции снижается на 5% (табл. 2).

Таблица 2

Налоговые ставки на алкогольную продукцию, установленные на 2023 год

№	Виды алкогольной продукции	Налоговые ставки (за 1 литр)		
		При им-порте	На производимые	
			С 1 января 2023 года	С 1 февраля 2023 года
1.	Спирт этиловый ректификованный из пищевого сырья, спирт этиловый ректификованный технический из эфиромальдегидной фракции и головная фракция этилового спирта	70%	7 450 сум.	
2.	Водка, коньяк и прочая алкогольная продукция (за 1 литр безводного этилового спирта, содержащегося в подакцизном товаре, за исключением пунктов 3 и 4)	106 800 сум.	34 500 сум.	38 000 сум.
3.	Вино:			
	натуральные вина естественного брожения (без добавления этилового спирта)	30 000 сум.	1 сум.	
	прочие вина, в том числе вермут	42 750 сум.	1 980 сум.	2 200 сум.
4.	Пиво	50%, но не менее 12 800 сум.	1 380 сум.	1 550 сум.

Источник: Налоговый кодекс РУ, ст. 289. <https://lex.uz/ru/docs/4674893#4699898>.

С 1 февраля 2023 года ставки акцизного налога по нефтепродуктам будут проиндексированы на 10 процентов (табл. 3).

Ставка акцизного налога на бензин для производителей продукции установлена с 1 января 2023 года в размере 275 000 сумов за тонну, с 1 февраля 2023 г. — 303 000 сумов за тонну. В то же время ставка акцизного налога на бензин, реализуемый конечному потребителю установлена с 1 января 2023 года на уровне 385 сумов за 1 литр или 512 000 сумов за тонну.

Таблица 3

Налоговые ставки на нефтепродукты и другие подакцизные товары и услуги

№	Наименование товаров (услуг)	Налоговые ставки	
		С 1 января 2023 года	С 1 февраля 2023 года
1.	Нефтепродукты:		
	бензин	275 000 сум./тонна	303 000 сум./тонна
	авиакеросин (за исключением синтетического)	220 000 сум./тонна	242 000 сум./тонна
	дизельное топливо (за исключением синтетического)	264 000 сум./тонна	291 000 сум./тонна
	дизельное топливо ЭКО (за исключением синтетического)	237 600 сум./тонна	262 000 сум./тонна
	моторное масло для дизельных или карбюраторных (инжекторных) двигателей	374 000 сум./тонна	412 000 сум./тонна
2.	Полиэтиленовые гранулы	10%	
3.	Природный газ, за исключением ввезенного в Республику Узбекистан	20%	
4.	Реализуемый конечному потребителю:		
	бензин	385 сум. за 1 литр/512 000 сум. за 1 тонну	425 сум. за 1 литр/565 000 сум. за 1 тонну
	дизельное топливо	385 сум. за 1 литр/468 000 сум. за 1 тонну	425 сум. за 1 литр/516 000 сум. за 1 тонну
	сжиженный газ	385 сум. за 1 литр/730 000 сум. за 1 тонну	425 сум. за 1 литр/807 500 сум. за 1 тонну
	сжатый газ	550 сум. за 1 куб.м	605 сум. за 1 куб.м
5.	Услуги мобильной связи	10%	
6.	Сахар белый без вкусоароматических или красящих добавок	20%	

Источник: Налоговый кодекс РУ, статья 289. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4674893#4699898>, В Минфине детально рассказали, какие налоговые изменения ждут узбекистанцев в 2023 году. URL: <https://kun.uz/ru/news/2022/12/31/v-minfine-detalno-rasskazali-kakiye-nalogovyye-izmeneniya-jdut-uzbekistansev-v-2023-godu>.

Ставка акцизного налога для конечного потребителя на сжиженный газ с 1 января 2023 года установлена на уровне 385 сумов за 1 литр или 730 000 сумов за 1 тонну. С 1 февраля 2023 года ставка данного налога установлена на уровне 425 сумов за литр или 807 500 сумов за тонну.

Ставка акцизного налога на добываемый в Узбекистане природный газ составляет 20% от его реализационной стоимости (в 2023 году сохранена на уровне 2022 года).

На наш взгляд, повышение ставки акцизного налога 2 раза в год по отдельным видам подакцизной продукции ухудшает деловую среду для предпринимательства, в особенности — для иностранных инвесторов. Ставки данного налога должны действовать в течение трех лет без изменения, что повысит привлекательность инвестиционного климата.

В процессе реформирования фискальных механизмов государство проводит курс на сокращение влияния налогов на уровень цен завозимого сырья, потребительской продукции первой необходимости, чтобы сделать их дешевле для покупателей. При помощи данного инструмента государство воздействует на потребление продукции, оказывающей негативное влияние на здоровье человека и состояние окружающей среды. Данная функция акцизного налога реализуется при помощи корректировки его ставок. Кроме того, рассматривается вопрос сокращения ставки акцизного налога на табачную продукцию, производимую в Узбекистане.

В соответствии с Налоговым кодексом, ставки акцизного налога, установленные в абсолютных величинах, подлежат ежегодной индексации не ниже уровня инфляции. В связи с этим за период 2019–2022 годы они ежегодно индексировались.

В рамках совершенствования акцизного налогообложения в последние годы были приняты важные новшества, среди которых:

- введен акциз на изготовление изделий с подогревом табака, табак курительный, жевательный, нюхательный, сосательный (снюс) и для кальяна, никотиновую продукцию без табака, а также на никотиносодержащую жидкость;
- для нефтепродуктов ставки акцизов по импортируемой и отечественной продукции были унифицированы;
- отменен акциз на ювелирные изделия, ковры, серебро, столовые приборы, полиэтиленовые пленки, клейкие ленты, пластиковые контейнеры, электрические и другие продукты, тягачи и полуприцепы, продукты питания;
- переведены в национальную валюту тарифы на импорт, установленные в абсолютном выражении.

Рассмотрим тенденции поступления средств по акцизному налогу в Государственный бюджет Республики Узбекистан. Данный анализ представляется актуальным, так как доля акцизного налога в бюджетных средствах, несмотря на сокращение, составляла в 2021 году около 8% (табл. 4).

Из табл. 4 видно, что общие поступления в Госбюджет (без ГЦФ) по акцизным налогам увеличились с 10 314,7 млрд сумов в 2019 г. до 13 100,8 млрд сумов — в 2021 году, или в 1,27 раза. Однако доля поступлений по акцизным налогам в бюджетных средствах в процессе реформирования налогообложения снизилась с 9,2 до 7,9%. Сокращение доли акцизного налога в Госбюджете связано с отменой с 1 августа 2020 года акцизов при импорте транспортных средств, а также по другим 73 видам товарных позиций.

Таблица 4

**Структура поступлений Госбюджета в разрезе косвенных налогов в Республике Узбекистан
за 2017–2021 гг.**

Период	Доходы Госбюд- жета (без учета ГЦФ) – всего	Косвен- ные налоги	НДС	Акцизный налог	Таможен- ная по- шлина
2017 г. млрд сум., %	49 681,0	26 133,2	14 685,8	7 449,2	1 707,2
	100,0	52,6	29,6	15,0	3,7
2018 г. млрд сум., %	79 099,0	41 280,4	27 876,5	9 702,2	1 826,3
	100,0	52,2	35,4	12,3	2,3
2019 г. млрд сум., %	112 165,4	46 427,2	33 809,8	10 314,7	2 302,8
	100,0	41,4	30,1	9,2	2,0
2020 г. млрд сум., %	132 900,7	46 428,4	31 177,4	11 721,2	3 553,7
	100,0	34,	23,5	8,8	2,7
2021 г. млрд сум., %	164 680,3	56 290,1	38 439	13 100,8	4 764,9
	100,0	34,2	23,3	7,9	3,1

Источник: данные Министерства финансов. www.mf.uz.

За период 2019–2021 гг. в Узбекистане осуществлялись меры по оптимизации акцизного налогообложения на отечественную продукцию и услуги. Так, с 2019 года акцизный налог на услуги мобильной связи введен по ставке 15% с одновременным снижением до 2 000 сумов в месяц платы за использование абонентского номера, уплачиваемой юридическими лицами, оказывающими услуги мобильной связи (сотовыми компаниями). С 2021 года ставка данного налога была снижена с 15 до 10%, а с 2023 года данный налог планируется вовсе отменить.

В результате указанных мер поступления акцизного налога на отечественную продукцию в Госбюджет увеличились с 9 496,5 млрд сумов в 2019 г. до 12 779,0 млрд сумов в 2021 году, или в 1,34 раза (табл. 5.).

Поступления акциза по алкогольной и табачной продукции за тот же период возросли в 1,06 раза, нефтегазовой продукции – в 1,7 раза, табачной продукции – 1,4 раза. Опережающий рост поступлений по акцизному налогу связан с ростом мировых цен на данную продукцию.

Таблица 5

**Структура поступления акцизов по товарам внутреннего производства
за период 2019–2021 гг.**

	млрд сумов	2019 г.	млрд сумов	2020 г.	млрд сумов	2021 г.
Акцизы, всего	9 496,5	100%	10 839,2	100%	12 779,4	100%
Алкогольная продукция	1 327,1	14,0	1 398,1	12,9	1 416,9	11,1
Нефтегазовая продукция	2 834,5	29,8	4 083,7	37,7	4 848,2	37,9
Табачная продукция	1 364,2	14,4	1 545,0	14,3	1 929,8	15,1
Другая продукция	3 970,0	41,8	3 812,0	35,2	4 585,0	35,9

Источник: данные Министерства финансов. www.mf.uz.

В 2021 г. наибольшую долю поступлений от акцизного налога на местные товары составили нефтепродукты, на которые приходится 37,9% от всей суммы поступивших акцизов (рис. 1).

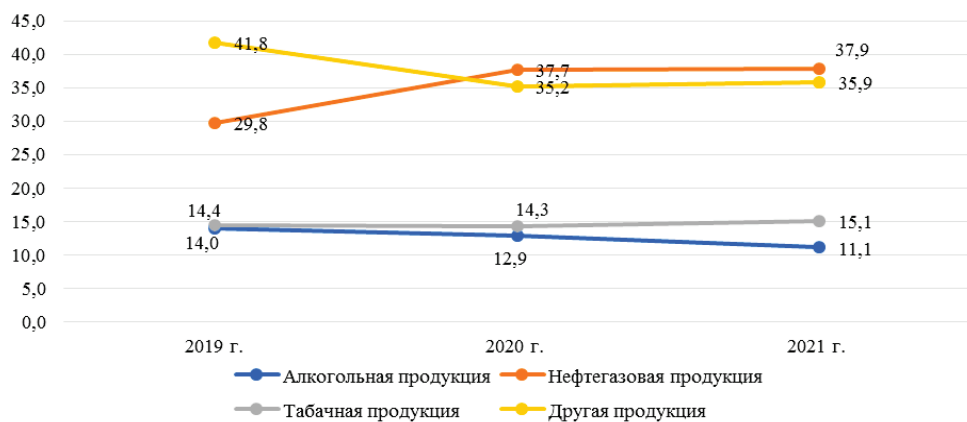

Рис. 1. Изменение структуры поступления акцизов по товарам внутреннего производства за период 2019–2021 гг., %.

Источник: данные Министерства финансов Республики Узбекистан.

Доля акцизного налога в Госбюджете от внутреннего производства алкогольной продукции за исследуемый период сократилась с 14,0 до 11,1% и возросла по нефтегазовой продукции – с 29,8 до 37,9%, табачной продукции – с 14,4 до 15,1%. Изменение структуры поступлений по данному налогу связано с проведением реформы акцизного налогообложения (увеличение ставок

налога на продукцию, вредную для здоровья, и сокращение ставок на продукцию первой необходимости).

За период 2019–2021 гг. в республике осуществлялись меры по оптимизации акцизного налогообложения на импортируемую продукцию. Данная тенденция связана с отменой акцизного налога при импорте транспортных средств с 1 августа 2020 года и по 73 товарным позициям в том же году. С 2021 года был отменен акцизный налог на растительное масло, легковые автомобили и иные моторные транспортные средства.

Поступления по данному налогу снизились с 819,0 млрд сумов до 308,2 млрд сумов или в 2,6 раза. За данный период поступления акцизного налога по нефтегазовой продукции увеличились в 2,8 раза, табачной продукции – в 1,7 раза, а поступления по алкогольной продукции – снизились в 1,3 раза (табл. 6).

Таблица 6

Структура поступлений по акцизному налогу по соответствующим подакцизным импортируемым товарам за период 2019–2021 гг., млрд сум

Наименование	2019 год		2020 год		2021 год	
Всего	819,0	100,0%	859,0	100,0%	308,2	100,0%
Алкогольная продукция	18,8	2,3%	13,6	1,6%	14,4	4,7%
Нефтегазовая продукция	71,6	8,7%	312,0	36,3%	204,9	66,5%
Табачная продукция	27,2	3,3%	27,3	3,2%	48,1	15,6%
Растительные масла и маргарин	16,5	2,0%	18,6	2,2%	0	0
Легковые автомобили и прочие моторные транспортные средства	297,7	36,3%	54,6	6,4%	0	0
Другая продукция	388,0	47,4%	433,0	50,4%	41,0	13,3%

Источник: данные Министерства финансов Республики Узбекистан.

Рост поступлений по нефтегазовой и табачной продукции объясняется повышением цен на импортируемую продукцию на мировых рынках. Снижение поступлений по алкогольной продукции связано с введением ограничительных мер на внешнеэкономическую деятельность, а также введением налоговых льгот.

Поступления по акцизам на импортируемые нефтепродукты составляют основную часть средств, поступающих по акцизному налогу на импортируемые товары. Так, за исследуемый период доля поступлений по импортируемым нефтепродуктам во всех поступлениях по акцизному налогу возросла с 8,7% в 2019 году до 66,5 % в 2021 году (рис. 2).

За тот же период доля поступлений акцизного налога по импортируемой табачной продукции увеличилась с 3,3% в 2019 году до 15,6% в 2021 году. Доля поступлений по акцизу от импорта алкогольных напитков в общих поступлениях по импортируемой продукции возросла с 2,3 до 4,7%.

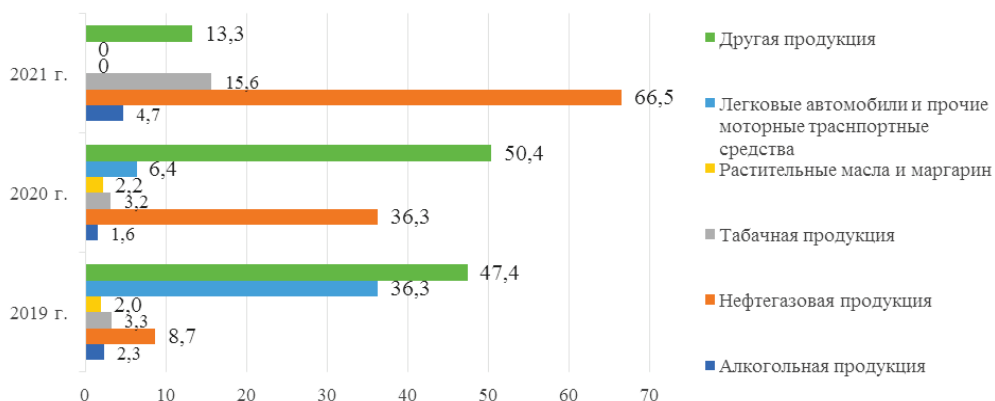

Рис. 2. Изменение структуры поступления акцизного налога по соответствующим подакцизным импортным товарам за период 2019–2022 гг., %.

Источник: данные Государственного таможенного комитета.

На рост поступлений в Госбюджет по акцизному налогу в целом оказали влияние следующие факторы: рост экономики, отмена карантинных ограничений и другие (несмотря на введение нулевых ставок по акцизному налогу на импорт).

Изучение отечественного опыта акцизного налогообложения позволило сформулировать следующие *выводы и предложения по улучшению применения акцизного налога*.

В настоящее время акцизный налог широко распространен почти во всех странах с рыночной экономикой. В мировой практике он получил название налога на богатых, поскольку, как правило, подакцизными товарами традиционно являлись предметы роскоши. В число подакцизных входят товары, пользующиеся массовым потребительским спросом или наносящие вред здоровью населения — такие, как алкогольная, табачная и другая продукция. Кроме того, подакцизным товаром становится продукция, производство которой, а также использование и утилизация наносит вред экологии.

Используемая практика единовременного вычета части уплаченного акцизного налога делает акцизы более благоприятными для компаний и покупателей, чем НДС.

Регулярность использования акцизного налога позволяет минимизировать рост стоимости продукта и сделать рынок более стабильным. Акцизы позволяют пополнять государственный бюджет, а также обеспечивать приток средств в местные бюджеты.

В странах Европейского союза инструменты акцизного налогообложения нашли широкое применение. Так, в Германии, Франции и Италии объектом акцизного налога являются отечественное производство, импорт и сделки

с продуктами внутри Европейского союза. Однако акциз уплачивается только при выпуске для потребления (пиво, алкоголь, табак, сигареты, нефтепродукты, природный газ, электроэнергия, энергетические продукты питания).

В странах ЕАЭС акцизный налог на аналогичные виды продукции также широко используется на практике. Кроме того, в ЕАЭС подакцизными являются дизельное топливо и легковые автомобили. В настоящее время в этих странах реализуются меры по выравниванию ставок акцизного налога на табак, алкоголь, сигареты и другие виды продукции.

В Узбекистане до реформы налогообложения (2019 года) в сфере акцизного налогообложения существовало немало проблем. В целях увеличения бюджетных средств данный налог устанавливался как на отдельные товары первой необходимости (хлопковое масло, рис, хозяйственное мыло), так и на предметы роскоши (изделия из драгоценных металлов и др.). В процессе реформы потребительские товары первой необходимости были исключены из перечня подакцизной продукции.

В настоящее время акцизный налог, как правило, устанавливается на продукцию, использование которой оказывает негативное влияние на здоровье человека или ухудшает состояние окружающей среды (сигареты, алкогольные напитки, бензин, дизельное топливо, автомобили, продукция химической промышленности и др.).

Основными направлениями для дальнейшего совершенствования акцизного налогообложения являются:

- дальнейшая унификация действующих в настоящее время ставок акцизного налога на все виды отечественной и импортируемой продукции, либо введение режима национального налогообложения в целях подготовки вступления страны в ВТО, так как в соответствии с Протоколом о присоединении к Соглашению о зоне свободной торговли стран СНГ от 2011 года Узбекистан принял на себя обязательство в срок до 31 декабря 2020 года установить на своей территории режим национального налогообложения;

- введение в Узбекистане акцизного налога на производимые в республике и импортируемые безалкогольные тонизирующие напитки (энергетики), употребление которых повышает риск развития гестационного сахарного диабета, на ввоз и реализацию алкогольной продукции, безалкогольных прохладительных напитков с повышенным содержанием сахара, безалкогольных или слабоалкогольных энергетических напитков (по примеру Кыргызстана). В 2019 году уже была попытка ввести данный налог, но до настоящего времени она не реализована;

- введение акцизного налога на товары, производство которых требует большого количества энергии, а также на предметы роскоши: производство биткоина; производство изделий из золота и драгоценных металлов, дорогих часов,

некоторых видов парфюмерной продукции и др. (в Китае в этих целях введен специфический потребительский налог по ставке 15%).

– введение механизма зачета по ранее уплаченному акцизному налогу. В частности, при реализации подакцизных товаров следует применять систему зачета уплаченного акцизного налога на входящие материалы и сырье, в том числе давальческие материалы, по которым акцизный налог был уплачен владельцем ранее;

– разработка мер, направленных на вывод подакцизных товаров с теневого рынка, чтобы поступления направлялись в бюджет государства. В этих целях необходимо создать систему мониторинга оборота данных товаров и своевременную уплату акцизного налога. Для получения точной информации об объемах производства и реализации продукции целесообразно использовать механизм декларирования о производстве и обороте отдельных видов нефтепродуктов, как это сделано в Республике Казахстан;

– модернизация механизма мониторинга сбора акцизного налога в сфере реализации алкогольных напитков, табачных изделий и нефтепродуктов на основе расширения использования цифровых технологий и искусственного интеллекта (исключение фактора коррупции, расширение прозрачности и подотчетности при сборе налога и расходовании средств);

– введение на законодательном уровне правила, в соответствии с которым ставки акцизного налога могут индексироваться только один раз в 3 года (улучшение деловой среды для предпринимателей);

– внедрение практики возврата акцизного налога в том случае, если товар куплен в Узбекистане и вывезен в другую страну (акцизы за уплаченные алкогольные напитки могут быть возвращены при соблюдении определенных условий и в особых случаях, по примеру ЕС).

В связи с этим необходимо ввести соответствующие изменения в Налоговый кодекс Республики Узбекистан и ввести их в действие с 2024 года.

Литература

1. Акцизы: плательщики, ставки, объекты обложения, отчетность. URL: <https://cdb.kz/sistema/biblioteka-bukhgaltera/articles/aktsizy-platelshchiki-stavki-obekty-oblozheniya-otchetnost/>.
2. Акцизный сбор. URL: <https://trade.ec.europa.eu/access-to-markets/en/content/excise-duties>
3. Акцизы на алкоголь и сигареты в ЕАЭС станут едиными. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36042248&pos=3;-52#pos=3;-52.
4. Гончарова В.А., Ткаченко А.В., Адрианопольский В.П. Влияние энергетиков на поведение и состояние здоровья молодежи // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11-4. С. 652-653; URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10619>.
5. Налоговая система: Проблемы и перспективы. URL: https://www.norma.uz/raznoe/nalogovaya_sistema_problemy_i_perspektivy.

6. Зачем Казахстану налоги «для богатых» и как во всем мире работает налог на роскошь? URL: <https://the-steppe.com/razvitie/zachem-kazahstanu-nalogi-dlya-bogatyh-i-kak-vo-vsem-mire-rabotaet-nalog-na-roskosh>.
7. Налог на роскошь: за и против. URL: <https://www.interfax.ru/business/231512>.
8. *Лепчук А.В.* Применение акцизов в странах ЕАЭС / А. В. Лепчук, Н. К. Семенова // Молодой ученый. 2020. № 46 (336). С. 99-101. URL: <https://moluch.ru/archive/336/74969/>.
9. Налогообложение в ЕАЭС. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/inttax/eec/ts/.
10. Ставка акцизного налога на энергетики уменьшена до 1 сома за литр. URL: <https://economist.kg/novosti/2022/08/02/stavka-akciznogo-naloga-na-energetiki-umenshena-do-1-soma-za-litr/#>.
11. Чем опасны энергетики и можно ли пить их без вреда для здоровья. URL: <https://style.rbc.ru/health/612b7c9c9a794722f96cd8cb>.
12. Конечными потребителями понимаются юридические и физические лица, приобретающие бензин, дизельное топливо и газ для собственных нужд. Налоговый кодекс Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4674893?ONDATE=01.01.2022#4696579>.
13. В Узбекистане введут налог на роскошь. URL: <https://repost.uz/plati-esli-bogatiy>.
14. В 2022 году в Эстонии повысятся акциз на табак и ставка по налоговой задолженности. URL: <https://rus.err.ee/1608400787/v-2022-godu-v-jestonii-povysjatsja-akciz-na-tabak-i-stavka-po-nalogovoj-zadolzhennosti>.
15. Директива Совета 2003/96, Директива Совета 2008/118/EC (OJ L-9 от 14.01.2009). URL: <https://trade.ec.europa.eu/access-to-markets/en/content/excise-duties>.
16. Duties & Dutiable Goods. URL: <https://www.customs.gov.sg/businesses/valuation-duties-taxes-and-fees/duties-and-dutiable-customs20value>.
17. Excise duties308.5 million litres of sparkling wine sold in 2021 URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Government/Taxes/ExciseDuties/spirits-curen2.html>
18. Excise duties for distance selling companies in Germany. URL: <https://www.eurofiscalis.com/en/excise-duties-germany/>.
19. Selected Excise Duties in OECD Countries. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/fc2d6da5-en/index.html?>.
20. Tobacco and Alcohol Excise Taxes for Improving Public Health and Revenue Outcomes: Marrying Sin and Virtue? URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/23464?show=full>.
21. Excise Taxation: Features and Problems of Modern Development file:///C:/Users/10A30_UAX_1/Downloads/1531.pdf.
22. *Golik E.N.* The economic nature of the excise tax and the possibility of its implementation in the practice of domestic taxation // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2014. No. 3 (46). P. 60-66.
23. Excise Taxation: Features and Problems of Modern Development.

Alisher Rasulev (e-mail: arasulev@yandex.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,
Tashkent State Economic University
(Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Sergey Voronin (e-mail: Sergey_voronin63@yahoo.com)

Grand Ph. Doctor in Economics,
Chief Specialist, Institute for Fiscal Research,
Professor, Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics
(Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Aziza Ubaydullayeva (e-mail: Azizau94@mail.ru)

1st category Specialist, Institute for Fiscal Research,
(Tashkent, Republic of Uzbekistan)

IMPROVING THE USE OF EXCISE TAX IN THE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

The article discusses the peculiarities of the application of excise tax in the economy of Uzbekistan. The effectiveness of excise taxation reforms is proven. Taking into account foreign experience, the ways of modernizing the excise tax in the national economy are substantiated. Sound proposals are given for the choice of products subject to excise tax.

Keywords: excise tax, basics of excise taxation, Tax Code, tax incentives, human health.

DOI: 10.31857/S020736760025991-9

© 2023

Владимир Андрианов

доктор экономических наук, профессор Московского университета
имени М.В. Ломоносова, академик РАЕН, заслуженный экономист России
(г. Москва, Россия)
(e-mail: andrianov_vd@mail.ru)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ «ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ» В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

В статье рассматриваются основные этапы создания и реализации стратегии построения «зеленой экономики» в Республике Корея. Анализируются направления внедрения принципов устойчивого развития и «зеленого» роста в ведущие отрасли экономики и роль государства в этом процессе. Определяются финансовые и институциональные драйверы «зеленого» роста южнокорейской экономики. Приводятся цели, задачи и целевые показатели реализации Нового «зеленого» курса Южной Кореи на период 2020–2025 гг.

Ключевые слова: устойчивое развитие, изменение климата, защита окружающей среды, «зеленая экономика», драйверы «зеленого роста», экономика с нулевым карбоновым следом, энергоэффективность.

DOI: 10.31857/S020736760025992-0

Провозглашенная в начале текущего столетия в мировом сообществе политика «зеленого роста», призванная преодолеть давнее противоречие между экономическим ростом и экологической устойчивостью экономики, эволюционировала от просто модного слова у политиков до новой научной парадигмы развития мировой экономики.

Республика Корея одна из первых среди новых индустриальных стран Азии разработала и успешно реализует стратегию создания «зеленой экономики», в рамках концепции устойчивого развития.

Стратегия «зеленого роста» Республики Корея. Новый «зеленый» курс для корейской экономики был провозглашен в 2008 г. президентом Ли Мён Баком (2008–2012 гг.) во время его речи, посвященной 60-летию образования Республики Корея. Президент предложил рассматривать «низкоуглеродный зеленый рост» в качестве новой национальной парадигмы развития страны. Тогда руководство Республики Корея поставило перед собой весьма амбициозную цель уже к 2020 г. стать одной из семи ведущих в мире «зеленых» экономик.

В январе 2009 г. был обнародован Указ Президента «О создании Президентского комитета по зеленому росту» (The Presidential Committee on Green Growth)¹, основной задачей которого стала координация деятельности органов

¹ Совет был образован в результате слияния трёх других государственных институтов: Президентского комитета по устойчивому развитию (the Presidential Committee for Sustainable Development), Президентского комитета по энергетике (the Presidential Energy Committee) и Специальной целевой группы по изменению климата (the Special Task Force for Climate Change).

исполнительной власти, научных организаций и бизнеса по разработке, реализации политики «зеленого роста».

Позднее в июле 2009 г. правительством Южной Кореи была принята «Национальная стратегия зеленого роста» на период до 2050 г. Основными целями стратегии были провозглашены:

- обеспечение баланса между экономическим ростом и охраной окружающей среды;
- содействие международным усилиям по борьбе с изменением климата и другими экологическими вызовами;
- улучшение качества жизни и повышение международного авторитета Республики Корея в качестве одного из лидеров «зеленого роста».

В рамках этой стратегии в Южной Корее был принят очередной пятилетний план экономического развития (2009–2013 гг.), который обеспечивал комплексный подход к реализации стратегии «зеленого роста». Планом предусматривалось уменьшить использование ископаемых видов топлива и тем самым сократить выбросы в атмосферу парниковых газов на 30% к 2020 г. и разработать систему ограничения торговли квотами на выброс в атмосферу углекислого газа.

Планировалось повысить энергетическую безопасность страны за счет расширения использования возобновляемых источников энергии, доля которых в общем энергобалансе страны должна была возрасти с 2,4% в 2009 г. до 6% в 2020 г., до 11% в 2030 г. и до 30% к 2050 г. При этом долю ядерной энергетики в общем объеме производства электроэнергетики планировалось увеличить с 26% в 2007 г. до 41% к 2030 г.

Предполагалось создание новой и модернизация существующей «зеленой» транспортной инфраструктуры. В результате доля пассажирских перевозок железнодорожным транспортом должна была увеличиться с 18% в 2009 г. до 26% в 2020 г., а городским общественным транспортом с пониженным выбросом вредных веществ в атмосферу — с 50% до 65%.

Внедрение современных «зеленых» технологий в промышленности должно было привести к увеличению доли товаров «зеленого» экспорта в общем объеме вывоза корейской промышленной продукции с 10 до 22%. На мировом рынке доля такой продукции должна была возрасти до 8% к 2020 г.

В сфере сельскохозяйственного производства ставилась задача восстановления и очистки рек, расширение использования органических удобрений, озеленение земельных ресурсов в качестве природного барьера для мелкодисперсной пыли, что позволило бы к 2020 г. увеличить долю экологически чистой сельскохозяйственной продукции до 18%. Особое внимание в этом плане уделялось необходимости разработки отечественных «зеленых» технологических инноваций, их вывод на рынок и масштабная коммерциализация.

Для достижения указанных целей правительство разработало и утвердило налоговые и другие льготы для отраслей и фирм, перешедших на использования

принципов устойчивого развития и «зеленых» технологий, разработало программу предоставления государственных гарантий по кредитам в этой сфере, в том числе и для предприятий малого и среднего бизнеса.

На реализацию первого плана «зеленого роста» (2009–2013 гг.) правительство Республики Корея планировало выделить из государственного бюджета ассигнования в размере 107,4 трлн вон (83,6 млрд долларов). Предлагаемый объем инвестиций в «зеленые» сектора корейской экономики составлял около 2% от ВВП Южной Кореи, что в 2 раза превышало рекомендацию по этому показателю экспертов ЮНЕП². При этом ежегодные инвестиции в разработку и внедрение экологически чистых технологий планировалось увеличить с 2 трлн вон в 2009 г. до 3,52 трлн вон в 2013 г., что в сумме за пятилетие составило 13 трлн вон.

Финансовые и институциональные драйверы «зеленого роста». Важную роль в финансировании программ «зеленого роста» сыграл созданный в 2011 г. совместно с Всемирным банком Корейский доверительный фонд «зеленого роста» (Korean Green Growth Trust Fund). На начальном этапе в число стран-доноров фонда входили Австралия, Дания, Германия, Япония, Объединенные Арабские Эмираты, Великобритания, а также ведущие международные организации и компании. Участники фонда обязались привлечь на цели развития корейской «зеленой экономики» 30 млрд долл. в 2012 г., а к 2020 г. увеличить этот размер до 100 млрд долл.

Первоначально фонд финансировал «зеленые» проекты на территории Республики Корея, однако позднее совместно с международным фондом «World Bank Global Practices» стал важным финансовым инструментом поддержки Всемирного банка и его клиентов в реализации инициатив, стратегий и инвестиций инклюзивного «зеленого роста» в других странах мира. Фонд стал финансовым механизмом аккумулирования и перевода средств из развитых в развивающиеся страны, помогая им использовать положительный мировой опыт защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата. Республика Корея взяла на себя ведущую роль в оказании помощи развивающимся странам в разработке стратегии «зеленого роста». В настоящее время фонд сотрудничает со многими зарубежными странами для разработки целостной стратегии их «зеленого роста», используя успешный корейский опыт.

По состоянию на начало 2022 г. Корейский доверительный фонд «зеленого роста» утвердил, финансирует и реализовывает 165 грантовых программ в секторах городского хозяйства, транспорта, информационных и коммуникационных технологий, энергетики, окружающей среды, водных ресурсов, климата и сельского хозяйства.

² В марте 2009 г. ЮНЕП выпустила отчет под названием «Global Green New Deal – A Policy Brief», в котором странам мира рекомендовалось инвестировать в развитие «зеленых» технологий не менее 1% своего ВВП.

В рамках реализации долгосрочной стратегии «зеленого роста» в Республике Корея в июне 2010 г. был создан Глобальный институт «зеленого роста», который в октябре 2012 г. получил статус международной организации.

В марте 2012 г. в Республике Корея был создан Центр «зеленых технологий», целью организации которого является развитие передовых «зеленых» технологий и формирование глобальной сети для сотрудничества в экологической сфере.

В состав участников центра вошли девять корейских научно-исследовательских институтов, включая ведущий в стране Корейский институт науки и технологий.

Основным финансовым институциональным драйвером развития «зеленой экономики» в Южной Корее стали Корейский доверительный фонд «зеленого роста», Глобальный институт «зеленого роста» и Центр «зеленых» технологий, которые у экспертов получили название «Зеленого треугольника».

Кроме того, существенный вклад в реализацию стратегии «зеленого роста» вносят другие государственные и частные организации: Министерство окружающей среды, Корейский институт экологической промышленности и технологий, Национальный совет по науке и технологиям, Корейская экологическая корпорация, Корейская корпорация по управлению энергией, Ассоциация «зеленого» бизнеса, Корейская технологическая финансовая корпорация и др.

Указанные организации служат своеобразным мостом между центральными и местными органами исполнительной власти, а также консультативными группами по экологическому росту, которые отвечают за продвижение «зеленых» трендов на уровне местного сообщества. Тем самым выстраиваются обратные связи и обеспечивается успешная реализация политики «зеленого роста» на региональном уровне.

В рамках «зеленого роста» также осуществляется тесное сотрудничество между государственным и частным секторами, а также представителями гражданского общества.

Для стимулирования «зеленого роста» уже упомянутый Национальный совет по науке и технологиям разработал и принял «Национальный генеральный план научных исследований и разработок в области экологически чистых технологий».

Правительство Республики Корея определило 27 перспективных технологий в 6 приоритетных отраслях, которые были призваны обеспечить рост экономики на уровне 5% в год в течение 10 лет и кардинально изменить ситуацию в экологической сфере.

Критериями включения той или иной технологии в указанный список были потенциальный вклад в экономический рост, экологическая устойчивость и стратегическое значение.

К таким отраслям и технологиям корейские эксперты отнесли новые информационные технологии (производство полупроводников, дисплеев, мобильную связь 5 поколения, светодиодные технологии, технологии радиочастотной

идентификации, сенсорные сети и др.), индустрию интеллектуальных роботов, космические технологии, биотехнологии, нанотехнологии и др.

Позднее правительство для реализации указанного плана разработало и утвердило «стратегическую карту коммерциализации зеленых технологий», в которой были отражены все этапы разработки технологий, от стадии фундаментальных исследований, испытаний, до внедрения и коммерциализации зеленых технологий. В документе был прописан механизм финансирования перспективных инноваций и «зеленых» технологий на каждой стадии.

Правовой основой для реализации стратегии «зеленого роста» в Южной Корее стал рамочный «Закон о низкоуглеродном зеленом росте», подписанный президентом Ли Мён Баком 10 января 2010 г.

Этот закон, состоящий из семи глав и 64 статей, стал основополагающим, определил основные направления политики зеленого роста, а также создал необходимую правовую институциональную основу, указал методы мониторинга и контроля выполнения ключевых показателей эффективности (КПЭ) стратегии «зеленого роста».

Позднее была значительно расширена правовая база обеспечения реализации стратегии «зеленого роста», в частности, были приняты:

- «Закон о развитии устойчивой транспортной логистики» (2010 г.);
- «Закон о поощрении строительства и использования интеллектуальных сетей» (2011 г.);
- «Закон о поддержке зеленого строительства»;
- «Закон о распределении и торговле квотами на выбросы парниковых газов (2012 г.);
- «Закон о стимулировании покупки экологически чистых продуктов» (2013 г.) и др.

Второй пятилетний план «зеленого роста» (2013–2018 гг.) и роль «чеболей» в его реализации. Стоит также упомянуть, что при смене политического руководства с приходом к власти в 2012 г. нового Президента Республики Корея Пак Кын Хе (2012–2017 гг.), «зеленый рост» остался составной частью парадигмы устойчивой экономики и получил дальнейшее развитие во «Втором пятилетнем плане зеленого роста» (2013–2018 гг.).

Этот план унаследовал многое от предыдущего пятилетнего плана. Однако, в отличие от Первого пятилетнего плана «зеленого роста», который был нацелен главным образом на создание институциональной и правовой базы реализации этой стратегии, второй план ставил главной целью завершение перехода страны к «зеленой экономике» и решение проблем, связанных с борьбой с изменением климата и энергетической безопасности страны.

В 2019 г. был принят «Третий генеральный план развития энергетики», в котором среди основных целевых показателей было увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергобалансе страны до 20% к 2030 г. и до 30%–35% к 2040 году.

Эти стратегические «зеленые» ориентиры обязывали крупные национальные компании («чеболи») увеличить долю альтернативной энергии в своем энергопотреблении, поскольку именно ведущие национальные компании во многом определяют структуру энергопотребления в южнокорейской экономике.

Чтобы достичь указанных показателей и осуществить энергетический переход в таких отраслях экономики, как автомобильная, химическая и сталелитейная, основные корейские «чеболи» разработали и приняли «дорожные карты» по развитию водородной энергетики³.

В последние годы крупные южнокорейские компании стали увеличивать инвестиции в различные сферы водородной энергетики, чтобы сократить выбросы парниковых газов и использовать новые возможности для бизнеса в «зеленом» секторе.

В этой связи следует отметить южнокорейскую транснациональную компанию «Hyundai Motor Group», которая по объему продаж является пятой автомобильной компанией в мире.

За последние двадцать лет южнокорейская фирма достигла впечатляющих результатов по разработке и внедрению в автомобильную отрасль водородных топливных элементов.

У руководства южнокорейского концерна «Hyundai» есть свое видение будущего мира — «мира, в котором городская воздушная мобильность и беспилотные роботизированные машины, и такси произведут революцию в городской транспортной инфраструктуре. «Зелёный водород», «зелёные энергосети», «зелёные производства». Всё это вместе составляет «водородное сообщество», включающее в себя города, регионы и целые страны, производящие доступный и безопасный для окружающей среды вид топлива — водород».

Финансовые возможности и опыт международной деятельности «чеболей» позволяет им вносить существенный вклад в создание необходимой инфраструктуры для «зеленой» трансформации экономики, создания новых высококвалифицированных «зеленых» рабочих мест и использования своих научно-технических разработок для «зеленой» модернизации традиционных отраслей промышленности, создания новых «зеленых» инновационных технологий и целых отраслей экономики.

Новый «зеленый» курс (2020–2025 гг.). Дальнейшее построение «зеленой экономики» Республики Корея продолжилось в рамках «Генерального плана цифровой трансформации» (Digital New Deal), разработанного профильным

³ В настоящее время есть три способа получения водорода. «Серый» водород образуется, когда элемент берется из ископаемого топлива, такого как уголь, в то время как «синий» водород производится из природного газа и производит меньше CO₂. «Зеленый» водород – самый чистый сорт, поскольку он использует возобновляемые источники энергии для производства водорода из воды. В настоящее время в Южной Корее более 50 электростанций, работающих на водородных топливных элементах.

Министерством науки, информационных технологий и планирования будущего совместно с учеными и представителями бизнес-сообщества. План был принят руководством страны в 2020 г.⁴

Важным составным элементом этого плана стал «Новый зеленый курс» (Green New Deal), который направлен на превращение экономики Республики Корея в экономику с нулевым выбросом вредных веществ в атмосферу, или в «экономику с нулевым карбоновым следом».

Почти половина всех финансовых ассигнований в размере 73,4 трлн вон, в том числе 42,2 трлн вон из государственного бюджета страны, выделена этому направлению, в рамках которого планируется реализовать 8 крупных национальных проектов, что позволит создать 659 тыс. новых рабочих мест⁵.

Основными целями «Новой зеленой программы» является достижение нулевых выбросов парниковых газов, повышение энергоэффективности и снижение зависимости Республики Корея от высокоуглеродного топлива, которое до сих пор доминирует в её топливно-энергетическом балансе.

Среди приоритетных сфер «зеленого развития» на ближайшее десятилетие названы: низкоуглеродная децентрализованная энергетика, инновационная «зеленая» промышленность и «зелёное» городское хозяйство.

В частности, согласно основным целевым показателям плана, к 2030 г. по направлению «низкоуглеродная децентрализованная энергетика» южнокорейской промышленности необходимо сократить выбросы в атмосферу парниковых газов на 37% — с 857 Мт в 2020 г. до 539 Мт в 2030 г.

⁴ Данный план был объявлен южнокорейским правительством инструментом постковидного восстановления экономики и стратегией построения цифровой экономики. План имеет три субстантивные составляющие.

Новый цифровой курс (Digital New Deal) непосредственно связан с цифровой трансформацией общества, с акцентом на дальнейшее развитие цифровых технологий и их внедрения в социально-экономические процессы.

«Зеленый новый курс» (Green New Deal) направлен на превращение экономики Республики Корея в экономику с нулевым выбросом вредных веществ в атмосферу, или в «экономику с нулевым карбоновым следом».

«Надежная система социальной защиты» (Stronger Safety Net) предусматривает модернизацию и построение более эффективных систем социальной защиты населения, формирование полноценного инклюзивного общества.

Реализация плана рассчитана на пять лет до 2025 г. и разбита на три этапа: первый – 2020 г. второй – 2021–2022 гг. и третий – 2023–2025 гг.

На каждом из этапов предусматриваются значительные инвестиции, в том числе государственные ассигнования из бюджета Республики Корея.

Общий объем инвестиций на реализацию плана цифровой трансформации в период 2020–2025 гг. запланирован в объеме 160,0 трлн вон, в том числе государственные ассигнования составят 114,1 трлн вон.

Всего в период до 2025 г. правительство Республики Корея планирует реализовать 28 национальных проектов, в том числе 12 проектов по направлению «Новый цифровой курс», 8 проектов по направлению «Зеленый новый курс» и 8 проектов по направлению «Надежная система социальной защиты».

⁵ URL: <https://thediplomat.com/2020/06/south-koreas-digital-new-deal/>
https://www1.undp.org/content/seoul_policy_center/en/home/presscenter/articles/2019/Collection_of_Examples_from_the_Republic_of_Korea/korean-new-deal-for-the-post-covid-19-era.html.

Предполагается, что это станет возможным во многом благодаря введенной в Южной Корее в 2015 г. системе торговли квотами на выбросы парниковых газов, которая является первой обязательной системой подобного рода в Восточной Азии.

В настоящее время к системе подключено около 600 крупных корейских компаний из сталелитейной, цементной, нефтехимической и нефтеперерабатывающей, энергетической, строительной и авиационной промышленности, на долю которых приходится примерно 68% всех вредных атмосферных выбросов.

По направлению «Зеленое городское развитие» планируется разработать индивидуальные экологические решения для 25 регионов страны, высадить 630 га леса в качестве природного барьера для мелкодисперсной пыли, а также восстановить экосистемы в 16 национальных парках и в приливно-отливных зонах общей площадью 4,5 тыс. кв. км.

По направлению «Инновационная зеленая промышленность» запланировано к 2025 г. произвести в стране 1,13 млн электромобилей и 200 тыс. «водородных» автомобилей, а также обеспечить утилизацию отработавших свой ресурс 1 млн 160 тыс. дизельных автомобилей.

Прототип первого в мире плавучего «зеленого» города. Одним из крупных проектов в рамках реализации «Зеленого нового курса» в Республике Корея является прототип первого в мире плавучего «зеленого» города, который может функционировать автономно, без тесной связи с внешним миром.

Работа над реализацией идеи началась в 2019 г., в 2022 г. разработанный проект и бизнес-план его реализации были представлены общественности. Строительство нового города может занять примерно два года и закончится ориентировочно в 2025 г.

По планам разработчиков проекта новый город на территории примерно в 6 га будет состоять из трех плавучих островных платформ-районов, которые будут соединяться с побережьем Пусана.

Платформы плавучего города будут построены из нового уникального строительного материала, который тверже бетона, но при этом обладает повышенной плавучестью.

Этот строительный материал, взаимодействуя с водой, самостоятельно восстанавливается и со временем укрепляет свою структуру.

Основные здания на плавучих платформах будут построены из бамбука и другой древесины. Город будет полностью обеспечивать себя электроэнергией за счет плавающих фотоэлектрических модулей-панелей и солнечных панелей на крышах домов. Кроме того, будет использоваться замкнутая схема водоснабжения и замкнутая система переработки отходов.

Каждый район плавучего города будет иметь свою функциональную особенность. В частности, в жилой зоне будут только частные дома, в торгово-развлекательном районе расположатся магазины и рестораны, в научно-исследовательской зоне разобьют зимний сад с гидропонными башнями для выращивания овощей.

Планируется, что на территории города первоначально будут проживать около 10 тысяч человек, а в случае успеха размеры города и количество проживающих в нем граждан может увеличиться в 10 раз.

Передвигаться между районами жители и посетители будут пешком или на велосипедах — использование других видов общественного транспорта не планируется.

Проект по созданию альтернативной морской экологической площадки для жизни в Республике Корея был разработан при поддержке программы ООН, содействующей развитию населенных пунктов (UN-Habitat), руководством мегаполиса Пусан и американской технологической компанией «Oceanix». Стоимость реализации инновационного «зеленого» проекта оценивается в 200 млрд долл.

Создание в Южной Корее плавучего города является частью глобальных стратегий адаптации человечества к климатическим изменениям. Корейцы демонстрируют образец креативного подхода к организации самодостаточного существования в гармонии с природой и с водной стихией.

Поставленная руководством Республики Корея в начале текущего столетия амбициозная цель по превращению страны в одну из семи ведущих «зеленых» экономик мира практически достигнута.

Первым и основным результатом проводимой Республикой Корея политики «зелёного роста» является общее оздоровление окружающей среды и решение многих острых экологических проблем.

Значительно повысилась энергоэффективность экономики, что является одним из ключевых результатов перехода на альтернативные источники энергии, в том числе — на водородное топливо. Это дало возможность снизить зависимость от импорта высокоуглеродного топлива и приблизить достижение энергетической безопасности страны.

Благоприятные перспективы также создает синтез политики повышения экологичности базовых отраслей экономики с социальной политикой. В частности, в сфере вторичной переработки отходов растет количество социальных предприятий. Они обеспечивают работой тех, кто имеет низкую квалификацию и находится в невыгодном положении на рынке труда.

Поскольку «Новый зелёный курс» делает ещё больший акцент на инклюзивном социальном развитии, можно ожидать снижения уровня безработицы, в том числе среди молодежи, и общего повышения уровня жизни населения.

«Зеленый рост» снижает риски возникновения негативных экономических и социальных потрясений, связанных с экологическими факторами.

Подверженность населения заболеваниям, вызванным плохой экологией, уменьшается благодаря оздоровлению окружающей среды, что в перспективе будет снижать финансовую нагрузку на систему здравоохранения страны.

«Зеленый рост» позволяет снизить колебания цен на энергетические и природные ресурсы, создать более благоприятные условия для повышения государственных доходов и консолидации финансовых ресурсов для дальнейшей реализации экологических планов и программ.

Важным результатом реализации «зеленого» курса являются изменения в общественном сознании и менталитета граждан Республики Корея, которые все больше внимания уделяют проблемам окружающей среды и готовы нести дополнительные расходы для борьбы с изменением климата и развития «зеленой» экономики.

Благодаря успешной реализации долгосрочной стратегии, планов и программ «зеленого роста» Республика Корея значительно повысила свой международный авторитет и встала в авангарде ведущих держав мира, которые активно борются с изменением климата.

Республика Корея взяла на себя ведущую роль в оказании помощи развивающимся странам в разработке и реализации стратегии «зеленого роста», используя свой успешный опыт.

В период реализации «Генерального плана цифровой трансформации экономики Республики Корея (2020–2025 гг.)» предполагается увеличить занятость и создать к 2025 г. 1,9 млн новых высококвалифицированных рабочих мест, в том числе по направлению «Новый цифровой курс» – 903 тыс., по направлению «Новый зеленый курс» – 659 тыс. и по направлению «Надежная система социальной защиты» – 339 тыс. человек.

Очевидно, что весьма амбициозные цели и задачи, поставленные в этом плане, в случае их успешной реализации позволят Южной Корее достичь новых высот в развитии цифровой экономики, формировании креативного класса, стать одной из ведущих мировых держав в области устойчивого развития и «зеленого роста», а также создания нового инклюзивного экопозитивного «зеленого» сообщества.

Литература

1. Андрианов В.Д. Эволюция политики зеленого роста в Республики Корея / Сб. «Зеленая экономика проблемы и перспективы развития» // г. Бишкек. Кыргызско-Российский-Славянский университет. 2022. 142 с.
2. Андрианов В.Д. Республика Корея: от креативной к цифровой экономике / В сборнике «Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество». Ежегодник. Выпуск 5. Часть 1. // ИНИОН РАН. Москва. 2022. С. 766–777.
3. Андрианов В.Д. Концептуальные подходы к разработке Стратегии устойчивого развития экономики России до 2030 г. // Общество и экономика. 2016. № 7. С. 5–36.
4. Андрианов В.Д. «Зеленые» тренды в деятельности коммерческих банков и финансовых институтов развития, газета, «Бизнес и банки», № 3, февраль 2013 г.
5. Ким Енгпэ. Время инноваций / Ким Енгпэ, ЧонгКухен. // Сеул Корея, 2016 (на кор. яз.).
6. Пак Чханки. Инновационная экономика Кореи / Пак Чханки. – Сеул, Корея, 2012 (на кор. яз.).

7. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее // М.: Издательский дом «Классика -XXI», 2011. – 430 с.
8. *Хан Ёнгу.* История Кореи: новый взгляд / Перевод с корейского под ред. М.Н. Пака // М.: Восточная литература, 2010. – 758 с.
9. Финансовые институты развития: особенности стратегического управления. / Под ред. В.Д. Андрианова // М.: «Экономика», 2013. – 278 с.
10. *Andrianov V.D.* The Role of International and Regional Development Banks in the Industrialization and Modernization of South-East Asia // *Far Eastern affairs*. 2018. № 5. P. 48–54.
11. Bank of Korea launches legal advisory panel for digital currency, *The Korea Times*, 15 June 2020.
12. Bloomberg Innovation Index – 2014 – 2023.
13. «Global Green New Deal – A Policy Brief», UNEP (United Nations Environment Programme), Mach, 2009.
14. Industry and Technology Policies in Korea, OECD Publishing [Electronic resource] // OECD. – 2014.
15. *John Anthony Howkins.* The Creative Economy: How People Make Money from Ideas, Penguin Global, 1 June 2002.
16. VISION 2025. Korea's Long-Term Plan for Science and Technology Development [Electronic resource]. – 178 p.
17. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1532328>.
18. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/industry-and-services/industry-and-technology-policies-in-korea_9789264213227-en.
19. URL: <https://thediplomat.com/2020/06/south-koreas-digital-new-deal/>.
20. URL: https://www1.undp.org/content/seoul_policy_center/en/home/presscenter/articles/2019/Collection_of_Examples_from_the_Republic_of_Korea/korean-new-deal-for-the-post-covid-19-era.html.
21. URL: <https://hyundaimotorgroop.com/>

Vladimir Andrianov (e-mail: andrianov_vd@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor Lomonosov

Moscow State University, Honored Economist of Russia (Moscow, Russia)

THE MAIN STAGES OF BUILDING A SUSTAINABLE ECONOMY IN SOUTH KOREA

The article discusses the main stages of creating and implementing a strategy for building a sustainable economy in the Republic of Korea. The scope of implementation of the principles of sustainable development and the role of the state in this process are analyzed. The financial and institutional drivers of sustainable growth of South Korean economy are determined. The objectives and target indicators for the implementation of the New Green Course in South Korea for the period 2020–2025 are shown.

Keywords: sustainable development, climate change, environmental protection, green economy, drivers of sustainable growth, zero carbon economy, energy efficiency.

DOI: 10.31857/S020736760025992-0

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff**, **eps**. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться **сведения об авторе** (авторах) с указанием **Ф.И.О.** (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом [RAS.JES.SU](https://ras.jes.su):

1) пройти процедуру регистрации (указать **Ф.И.О.**, e-mail и задать пароль);
2) в меню **«Мои публикации»** станет активна кнопка **«Добавление Публикации»**, нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле **«Комментарии для редактора»**. Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки **«Сохранить и отправить»**.

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. на печатную версию журнала можно подписаться на сайте ГАУН-Пресс во вкладке Журналы РАН <https://press.gau.ru/journals-ras/oie/>;
2. на электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/oie/>;
3. через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати 25.06.2023 г.

Дата выхода в свет: 30.06.2023 г.

Тираж 150 экз. Зак. 13/6а. Цена свободная

70*100¹/₁₆. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук

Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.

Тел. (499)-128-79-16

E-mail: socpol@mail.ru

16+

Издатель: Российская академия наук

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»

Свидетельство о регистрации СМИ в Государственном комитете Российской Федерации

по печати № 0110199 от 05.05.1999

Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1